

ТВОРЕНІЯ
СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ

МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

Томъ тридцать седмой.

ТВОРЕНІЯ

СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ В. ГОТЬЕ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Марта 22 дня 1861 года.

Московская Духовная Академія.

Цензоръ, Виѣдской Семинари Ректоръ, Архимандритъ *Порфирій*.

3. О ЖИЗНИ МОИСЕЯ ЗАКОПОДАТЕЛЯ,

ИЛИ

О СОВЕРШЕНСТВѢ ВЪ ДОБРОДѢТЕЛИ.

Что испробываютъ на себѣ охотники смотрѣть на конскія ристалища; о комъ изъ состязующихся въ скорости бѣга заботятся они, хотябы у того небыло ни малаго недостатка въ усердіи ускорить бѣгъ, изъ заботливости однакоже объ его побѣдѣ подаютъ ему голосъ съ верху, слѣдя за нимъ глазами по всему поприщу, и увеличиваютъ (по ихъ мнѣнію) стремительность вѣдока, крича въ тоже время на копей, протягивая къ нимъ руки и махая ими; а все это дѣлаютъ не потому, что симъ дѣйствительно способствуютъ побѣдѣ, но чтобы изъ благо-расположенія къ состязующимся въ жару усердія и голосомъ и тѣлодвиженіями выразить свою заботливость: подобное нѣчто, кажется, дѣлаю и я съ тобою, дражайшій для меня изъ

друзей и братьевъ, потому что, когда ты прекрасно подвизаешься въ божественномъ теченіи на поприщѣ добродѣтели, частыми и легкими скачками стремишься достигнуть *почести высшаго званія* (Флпп. 3, 14.), и голосъ подаю тебѣ, и побуждаю тебя поспѣшать, и прошу заботливо усилить скорость. Дѣлаю же, не какимъ либо неразумнымъ усердіемъ движимый къ этому, но, какъ возлюбленному чаду, желая доставить тебѣ удовольствіе.

Поелику письмо, недавно тобою присланное, сообщило мнѣ это прошеніе, чтобы дали мы тебѣ какое либо правило для совершенной жизни; то признавъ я приличнымъ удовлетворить сему. Хотя иное въ сказанномъ не будетъ, можетъ быть, и сколько нибудь для тебя полезнымъ; однакоже не останется, конечно, бесполезнымъ то самое, что послужу для тебя примѣромъ благопокорности. Если мы, поставленные замѣнять собою отцевъ для столькихъ душъ, признаемъ приличнымъ для этихъ сѣдинъ принять приказъ цѣломудрствующей юности; то тѣмъ наче естественно въ тебѣ преимуществовать преснѣянію въ благопокорности, когда юность твоя подъ руководствомъ нашимъ обучается добровольному послушанію.

И о семъ довольно. Время уже приступить къ предположенному, призвавъ Бога быть наставникомъ въ словѣ.

Просилъ ты меня, любезная глава, описать

тебѣ, какая жизнь совершенна,—просилъ, имѣя въ виду, конечно, дознать, какимъ образомъ, если въ словѣ найдено будетъ искомое, указанныя черты совершенства прилагать къ собственной своей жизни. А я равно не силенъ въ томъ и другомъ, и утверждаю, что, какъ объять умомъ совершенство, такъ и показать въ жизни, что могъ бы постигнуть умъ, — выше моихъ силъ. А, можетъ быть, не я одинъ, но и многіе изъ великихъ и преимуществующихъ въ добродѣтели сознаются, что подобное дѣло и для нихъ недоступно. Но чтобы не подать мысли, будтобы, говоря словами Псалмопѣвца, *тало* убоился я *страха*, *идльже не бы страхъ* (Пс. 13, 5.); яснѣе представлю тебѣ свою мысль.

Совершенство во всемъ другомъ, что измѣряется чувствомъ, ограничивается какими либо извѣстными предѣлами, напримѣръ относительно къ количеству, будетъ ли это чѣмъ непрерывнымъ и раздѣльнымъ. Ибо всякая мѣра количества объемлетъ своими какими либо предѣлами, и кто видитъ лакоть, или число десять, тотъ знаетъ, чѣмъ начинается, и чѣмъ кончается, то, въ чемъ должно заключаться совершенство. О добродѣтели же дознаемъ мы отъ Апостола, что у нея одинъ предѣлъ совершенства—не имѣть самаго предѣла. Ибо самъ, сильный и высокій разумомъ, божественный Апостоль, въ теченіи своемъ

поприщемъ добродѣтели, никогда не останавливался, *простираяся въ предняя* (Филип. 3, 13.), потому что не безопасна ему была остановка въ семь теченіи. Почему же? Потому что всякое добро по природѣ своей не имѣетъ предѣла; ограничивается же приближеніемъ къ противоположному; наиримѣрь: жизнь — къ смерти, свѣтъ—ко тмѣ. И вообще всякое добро оканчивается всѣмъ тѣмъ, что представляемъ себѣ противоположнымъ добру. Какъ конецъ жизни есть начало смерти; такъ и остановка въ теченіи поприщемъ добродѣтели дѣлается началомъ теченія по пути порока. Посему не лжетъ наше слово, утверждая, что въ добродѣтели достиженіе совершенства невозможно.

По крайнсей мѣрѣ имъ доказано, что заключающееся въ предѣлахъ еще не добродѣтель. Поелику же сказалъ я, что и ведущимъ добродѣтельную жизнь невозможно достигнуть совершенства; то слово о семь объяснено будетъ такъ. Первоначально и въ собственномъ смыслѣ добро, что естествомъ своимъ имѣетъ благость; это Само Божество, которое, чѣмъ умовредставляется по естеству, то дѣйствительно и есть, тѣмъ и именуется. Посему, такъ какъ доказано, что нѣтъ иного предѣла добродѣтели, кромѣ порока; а Божество не допускаетъ противоположнаго; то слѣдуетъ, что естество Божіе неограниченно и безпре-

дѣльно. Но идущій путемъ истинной добродѣтели не ишаго чего причастенъ, какъ Самаго Бога; потому что Онъ есть всесовершенная добродѣтель. Итакъ, послѣку знающимъ то, что по естеству прекрасно, непременно вожделѣнно причастіе сего; а оно не имѣетъ предѣла: то по необходимости вожделѣніе причащающагося, простираясь въ безпредѣльность, не имѣетъ остановки. Поэтому всеконечно нѣтъ средствъ достигъ совершеннаго; потому что совершенство, по сказанному, не объемлется предѣлами, у добродѣтели же одинъ предѣлъ — безпредѣльность. Какъ же кому дойти до искомаго предѣла, не находя самаго предѣла?

Впрочемъ, потому что, какъ доказало слово, искомое вовсе не достижимо, не должно перадѣть о заповѣди Господней, которая говоритъ: *будите совершенни, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѳ. 5, 48.). Въ томъ, что прекрасно по естеству, хотя и не возможно улучшить все, для имѣющихъ умъ великая выгода не остаться не улучившимъ и части. Посему должно прилагать все тщаніе о томъ, чтобы не вовсе лишиться возможнаго совершенства, но столько приобрѣсть онаго, сколько успѣемъ узнать искомое. Ибо, можетъ быть, имѣть у себя прекрасное для того, чтобы всегда желать, приобрѣсти его еще больше, — есть уже совершенство человѣческой природы.

Прекраснымъ мнѣ кажется дѣломъ, совѣтникомъ въ этомъ употребить Писаніе. Ибо иѣгда въ пророчествѣ Исаи говоритъ Божіи гласъ: *воззрите на Авраама отца вашего, и на Сарру породившую вы* (Ис. 51, 2.). Конечно же повелѣніе такое дастъ слово блуждающимъ внѣ пути добродѣтели, чтобы, какъ на морѣ утесы съ прямого пути, ведущаго къ пристани, исправляютъ ошибочное свое направленіе по усмотрѣнному знаку, увидѣвъ поднимающійся съ высокаго мѣста вверхъ пламеникъ, или открывшуюся вершину какой либо горной высоты: подобно сему примѣромъ Сарры и Авраама направили снова путь свой въ пристань Божіей воли тѣ, которые блуждаютъ по житейскому морю съ утратившимъ кормило умомъ. Поелику человѣческое естество дѣлится на мужескій полъ и женскій, и обоимъ равно предоставлено во власть избраніе пути къ добродѣтели и къ пороку: то каждому отдѣлу Божіимъ словомъ указать поэтому соответственный образецъ добродѣтели, чтобы тѣ и другіе, взирая на еродное имя: мужи на Авраама, а другая часть на Сарру, оба пола по свойственнымъ имъ образцамъ направлялись къ жизни добродѣтельной. Посему, можетъ быть, достаточно для насъ будетъ памяти одного какого либо мужа, благонкуснаго по жизни, чтобы послужить пламеникомъ и показать, какъ можно въ отверстую пристань

добродѣтели ввести душу, не давъ ей испытать невзгодъ среди обуреваній житейскихъ и потернѣтъ крушеніе въ лучшнѣ порока отъ непрерывнаго тревоженія страстей. Для того-то, вѣроятно, и представляется исторією во всей точности образъ жизни высокихъ мужей, чтобы подражаніемъ ихъ преснѣніямъ послѣдующая наша жизнь была направлена къ добру.

Итакъ чтоже, спроситъ ншій, если я не Халдей, какъ упоминается объ Авраамѣ, и не воспитанникъ дочери царя египетскаго, какъ говорится въ Писаніи о Моисеѣ, и вообще въ подобномъ сему по жизни не имѣю ничего сходнаго съ кѣмъ либо изъ древнихъ; то какъ же поставлю себя въ одинъ рядъ съ однимъ изъ нихъ, не имѣя и возможности въ своихъ занятіяхъ подражать человѣку, столько отъ меня отдаленному? На сіе скажемъ вопрошающему: быть Халдеемъ не признаемъ порокомъ, или добродѣтелию; не жизнью въ Египтѣ, не пребываніемъ въ Вавилонѣ человѣкъ дѣлается далекимъ отъ жизни добродѣтельной. А также не во *Iudea* только бываетъ *вдоль Богъ* достойнымъ, и не *Sionъ* одинъ, какъ можно подумать съ перваго взгляда, есть Божіе жилище (Исаи. 75, 1. 2.). Напротивъ того намъ потребны нѣкое болѣе тонкое разумнѣе и болѣе острый взоръ, чтобы усмотрѣть изъ исторіи, отъ какихъ Халдеевъ или Египтянъ держа

себя вдали, и отъ какого Вавилонскаго освободившись плѣна, взойдемъ на высоту блаженной жизни.

Посему образемъ жизни для насъ пусть будетъ въ семь словѣ представленъ Моисей, котораго жизнь изобразивъ сперва кратко, какъ дознали ее изъ Божественнаго Писанія, потомъ поищемъ приличнаго исторіи смысла къ извлеченію правилъ добродѣтели, чтобы по нимъ познать совершенную жизнь, какая доступна людямъ.

Итакъ повѣствуется, что Моисей родился, когда законъ мучителя запрещалъ оставаться въ живыхъ рождающимся мужескаго пола младенцамъ; но онъ пріятностію своего лица предупредилъ всякое требовавшееся временемъ пожертвованіе, и родителей, еще въ пеленахъ увидѣвшихъ его *льва* (Исх. 2, 2.), побудилъ къ тому, что не носивши такого младенца предать смерти, и даже, когда превозмогла угроза мучителя, не просто ввергли въ воды Нила, но положивъ въ иѣкій ковчегъ, по назамъ помазанный клеємъ и смолою, потомъ уже предали потоку (сіе рассказано тщательно написанными о немъ исторію). Поскольку же ковчегомъ правила Божія иѣкая сила, то онъ устремленъ къ возвышающемуся на сторонѣ берегу, и въ этомъ мѣстѣ безпрятственно прибитъ къ нему стремленіемъ волнъ. А какъ на луга того берега, куда былъ пршесенъ

ковчегъ, пришла царская дочь; то Моисей, издавъ младенческій вопль въ ковчегъ, дѣлается находкою царевны. Когда посмотрѣла на него царевна, и увидѣла красоту младенца, немедленно привлекъ оныя благорасположеніе царевны, и взять сю вмѣсто сына. Но оказавъ естественное отвращеніе къ иноземному сосцу, по примышенію одной изъ близкихъ по роду, былъ вскормленъ матернею грудью. А вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, итался царскою пищею, и обученъ былъ виѣшнимъ наукамъ, что почиталось славнымъ у виѣшнихъ, не рѣшился же пользоваться тѣмъ долѣе, и признавать матерью эту вымышленную, у которой былъ оныя вмѣсто сына, по пожелалъ возвратиться опять къ родной своей матери и жить среди соплеменниковъ.

У одного Еврея завязалась борьба съ Египтяниномъ, Моисей стоитъ за своего, и умерщвляетъ иноплеменика. Потомъ, схватываются другъ съ другомъ два какіе-то Еврея, Моисей пытается усмирить въ нихъ этотъ враждебный духъ; подастъ совѣтъ вести себя, какъ братьямъ, и посредникомъ въ ссорахъ дѣлать не раздражительность, а природу. Но отвергнутый тѣмъ, у кого въ виду была только обида, Моисей безчестіе сіе обратилъ въ поводъ къ большому любомудрію; и удалившись отъ пребыванія въ многочисленномъ обществѣ, избралъ послѣ этого уединенную жизнь, вступивъ въ связи съ од-

нимъ изъ иноплемениковъ—мужемъ прозирающимъ въ лучшее, осмотрительнымъ въ сужденіи о людскихъ нравахъ и жизни, и который изъ одного поступка, разумѣю дѣло съ пастухами, усмотрѣлъ добродѣтель юнаго, а именно, что сталъ за правду, имѣя въ виду не свою пользу, но признавая самую правду по собственной ея природѣ достойною уваженія, наказалъ неправду пастуховъ, ничѣмъ не провинившихся предъ нимъ. И сей-то иноплеменикъ, подивившись Моисею, и добродѣтель его при видимой бѣдности признавъ болѣе уважительною, нежели многоцѣнное богатство, отдастъ ему въ супружество дочь, и предоставляетъ его произволу вести, какую угодно, жизнь. И ему, уединенно въ пустынь занятому попеченіемъ объ овцахъ, правилась эта на горахъ уединенная, свободная отъ всякаго торжищнаго шума, жизнь.

Довольно проведено времени въ такомъ родѣ жизни, говорить исторія, и было Моисею странное богоявленіе: въ самый полдень облисталъ его взоры другой свѣтъ наче свѣта солнечнаго. Изумленный необычайностію зрѣлища, Моисей обращаетъ взоръ къ горѣ, и видитъ кустъ, въ которомъ горѣлъ пламень огненный, а вѣтви куста, какъ подъ рососою, зеленѣли во пламени; и Моисей самъ себѣ изрекаетъ сіи слова: *тило шедѣ увижду видѣніе великое сіе* (Исх. 3, 3.). Сказавъ же сіе, не однимъ уже

очами воспріемлетъ чудный свѣтъ; но, что всего необычайнѣе, и слухъ его озаряется лучами сего свѣта. Удѣлившаяся обоимъ чувствамъ благодать свѣта, взоры озаряетъ блистаніями лучей, а слухъ просвѣщаетъ чистыми догматами. Обремененному мертвыми кожами своей обуви Моисею гласъ онаго свѣта воспрещаетъ подходить къ горѣ, позволяетъ же *иззубъ сапоги отъ ногъ*, потому уже касаться оной земли, осіяваемой Божественнымъ свѣтомъ (Исх. 3, 5.).

При этомъ (ибо не надобно, думаю, слишкомъ много останавливаться словомъ на простой исторіи сего мужа, какъ бы достигалось уже тѣмъ предположенное), — Моисей, укрѣпленный видѣннымъ богоявленіемъ, получаетъ повелѣніе избавить соотечественниковъ отъ египетскаго рабства. И чтобы болѣе ему дозвать сообщаемую свыше силу, по Божію повелѣнію, дѣлаетъ опытъ надъ тѣмъ, что у него въ рукахъ. Опытъ же былъ слѣдующій: жезлъ, падши изъ руки, одушевляется, дѣлается живымъ существомъ (и это живое существо былъ змій), но взятый въ руку опять, становится тѣмъ, чѣмъ былъ до превращенія въ звѣря. И поверхность руки, сперва вложенной въ нѣдро, превращается въ нѣчто подобное бѣлизною снѣгу, а когда снова вложена была въ нѣдро, возвращаетъ себѣ естественный свой видъ.

Идетъ Моисей въ Египеть, ведетъ съ собою супругу иноплеменицу и рожденныхъ ею дѣтей, — и когда, какъ повѣствуется, *срѣше его вѣкїи Ангелъ* (Исх. 4, 24.), приводящїи въ страхъ угрозою смерти, жена умоливаетъ его сыновнею кровїю обрѣзати; тогда происходитъ встрѣча съ Аарономъ, который Богомъ также побужденъ былъ идти *во срѣщенїе* (27). Потомъ оба они живушїи въ Египтѣ народъ созываютъ въ общее собранїе, и тѣмъ, которые злострадали, утружденные работами, возвѣщаютъ освобожденїе отъ рабства, и самому мучителю изрѣкается о семь слово. При семъ негодованїе мучителя, и на приставщиковъ, надзирающихъ за работами, и на самихъ Израильтянъ, дѣлается большимъ прежняго; урокъ плинѣодѣланїя увеличенъ, насылается еще болѣе затрудняющїи приказъ не надъ брениемъ только не видѣть себѣ покой, но изнурять себя собиранїемъ плевъ и *тросїа* (Исх. 5, 12.). Фараонъ (такъ было имя мучителю египетскому) тѣмъ знаменїямъ, какїя Моисей совершалъ Божїею силою, предприемлетъ ухищренно противопоставить чародѣянїя волхвовъ: и когда Моисей въ глазахъ Египтянъ снова превратилъ жезлъ свой въ змѣя, чародѣйство думало совершить равное чудо и надъ жезломъ волхвовъ. Сїе ухищренїе обличено тѣмъ, что совершилось; змїи, изъ превращеннаго Моисеева жезла, пожрали посохи у волхвовъ, то есть, ихъ

змѣвъ; и тѣмъ показавъ, что жезлы волхвовъ не имѣли никакой, ни оборонительной, ни даже жизненной силы, кромѣ одного вида, какой ухищренное чародѣйство показывало глазамъ легко обольщаемыхъ.

Тогда Моисей, видя, что одномысленно съ предводителемъ злобы все ему подвластное, наноситъ общій ударъ всему египетскому народу, никого не изъема изъ числа испытывающихъ бѣдствіе. А съ нимъ къ таковому нападению на Египтягъ, какъ подвластное какое воинство, подвиглись самыя стихіи существъ, видимыя во вселенной: и земля, и огонь, и воздухъ, и вода, по произволению людей измѣняя свои дѣйствительныя силы. Ибо одною и тою же силою, въ одно и тоже время, и въ одномъ и томъ же мѣстѣ наказываемо было безчynie, а нестраждущимъ оставалось свободное отъ грѣха. Тогда все водное естество въ Египтѣ, по повелѣнію Моисея, обратилось въ кровь, такъ что и рыбы отъ сего преложенія воды въ плотскую дебелость подверглись порчѣ; для однихъ только почерпающихъ Евреевъ кровь была водою; почему и чародѣйству открылась возможность водѣ, находимой ими у Евреевъ, ухищренно придавать кровавый видъ. А также, когда пресмыкающіяся жабы наполнили Египеть (народненіе ихъ объясняемое не по какой либо естественной послѣдовательности не простерлось бы до толп-

каго множества, напротивъ того самое поведѣніе составиться жабамъ обновляло сію появившуюся тогда породу живыхъ тварей); все египетское терпѣло вредъ, утѣсняемое въ жилищахъ этими пресмыкающимися, а жизнь Евреевъ была свободна отъ сей непріятности. Такъ и воздухъ, почъ и день, ничѣмъ не различался для Египтянъ, пребывающихъ въ одинаковомъ мракѣ; а у Евреевъ въ этомъ не было никакой перемѣны противъ обыкновеннаго. Такимъ же образомъ и все иное: градъ, огонь, струпы, скнипы, песьи мухи, туча саранчи, — на Египтянъ каждое сіе бѣдствіе дѣйствовало по обыкновенію; а Евреи по слухамъ и рассказамъ знали о страданіи обитающихъ съ ними, сами не испытывалъ никакого прираженія къ себѣ подобныхъ золъ. Потомъ гибель первородныхъ производитъ еще болѣе точное различіе между Евреемъ и Египтяниномъ, — Египтяне обливаются слезами при утратѣ имъ любезнѣйшихъ, а Евреи пребываютъ въ совершенномъ безмолвіи и въ безопасности; — имъ обезопаснено спасеніе изліаніемъ крови во всякомъ входѣ, когда на обою *подвою* и на сопряженномъ съ ними *правѣ* сдѣланы были знаменія кровію (Исх. 12, 7.).

При семъ, когда Египтяне поражены были несчастіемъ, постигшимъ первородныхъ, и каждый свое, и всѣ общее оплакивали горе, Моисей распоряжается несчастіемъ Израильтянъ.

предуготовивъ ихъ къ тому повелѣніемъ, унести съ собою подъ видомъ займа испрошенное богатство Египтянъ. Совершенно трехдневный путь вѣдъ Египта, говоритъ еще исторія, и тяжело стало царю египетскому, что Израиль уже не въ рабствѣ; и вооруживъ всѣхъ подданныхъ, съ конною силою гонится онъ за народомъ Божиимъ. Израильтяне, увидѣвъ снаряженныхъ коней и множество оружія, какъ неискусные въ войнѣ и не приготовленные къ такимъ чуднымъ для нихъ дѣламъ, немедленно поражаются страхомъ, и возстаютъ на Моисея. Тогда-то, что всего удивительнѣе, какъ сказуетъ исторія о Моисеѣ, дѣлаясь на двое въ своей дѣятельности, онъ голосомъ и словомъ ободряетъ Израильтянъ, и повелѣваетъ пребывать имъ въ доброй надеждѣ, а внутренно умою припоситъ Богу моленіе за приведенныхъ въ ужасъ. И путевоидится свыше даннымъ совѣтомъ, какъ избѣжать опасности; Самъ Богъ (какъ говоритъ исторія) впріимаетъ его безмолвному волю (Исх. 14, 15.).

По Божіей силѣ народомъ предводительствовало облако, не по общему закону естества образовавшееся (ибо не изъ паровъ какихъ или куреній былъ составъ его въ воздухѣ, сгущаемомъ парами по причинѣ туманнаго ихъ сложенія, сгнѣтаемаго или сжимаемаго въ себя самаго вѣтрами); напротивъ того это облако, по свидѣтельству Писанія, какъ нѣчто высшее чловѣческаго

понятія и его превосходящее, такое было чудо, что освѣщаемое палящими лучами солнца служило народу стѣною, отбѣня что было надъ нимъ и тонкою росой увлаживая знойный воздухъ, а ночью обращалось въ огонь, съ вечера до утра собственнымъ своимъ свѣтомъ озаряя Израильтянъ. На сіе-то облако взиралъ и самъ Моисей, и народъ научалъ слѣдовать за его появленіемъ.

Когда пришли къ Чермному морю, куда привело предводившее въ шествіи облако: народъ окруженъ былъ сзади цѣлымъ войскомъ египетскимъ; Израильтянамъ не оставалось никакого средства, и некуда было бѣжать отъ бѣды, потому что захваченнымъ въ среднѣ угрожали и враги и вода; тогда-то, подвигнутый Божіею силою, Моисей совершилъ то, что всего невѣроятнѣе. Приблизясь берегомъ къ водѣ, поражасть онъ море жезломъ, и оно дѣлится отъ удара. И какъ обыкновенно бываетъ со стекломъ, если въ какой части сдѣлается сверху трещина, то по прямой чертѣ идетъ она и до другаго края; такъ и по всему морю, какъ скоро съ одного края раздѣлилось оно подъ жезломъ, и до противоположнаго берега продолжалось расторженіе волнъ. Моисей по мѣрѣ того, какъ дѣлилось море, сходя въ глубину со всѣмъ народомъ ниже водъ, съ немокреннымъ, какъ бы отъ солнечныхъ лучей осушаемымъ, тѣломъ, ивнѣи по сухому дну моря

проходить бездну, не боится этого внезапнаго остѣненія изъ волнъ, когда здѣсь и тамъ съ обѣихъ сторонъ морская вода отвердѣваетъ на подобіе стѣны. Когда же и Фараонъ съ Египтянами вторгся въ море, по этому ново-положенному въ водахъ пути; опять сливается вода съ водою, и по взаимномъ соединеніи раздѣленныхъ частей моря въ прежній видъ, воды принимаютъ одну непрерывную поверхность. Израильтяне отдохнули уже на краю берега отъ длиннаго и усильнаго шествія по морю, когда восиѣли побѣдную иѣсь Богъ, воздвигшему тогда для нихъ безкровный побѣдный памятникъ, по истребленіи подъ водою всего египетскаго воинства и даже съ конями, съ оружіемъ и съ колесницами.

Потомъ Моисей простирается впередъ, и совершивъ трех-дневный безводный путь, приходитъ въ затрудненіе, не имѣя, чѣмъ утолить жажду ополченія. Было какое-то озеро, при которомъ расположились они станомъ, но вода въ немъ морская, лучше же сказать, и морскую превосходила она горечью. Итакъ, когда стоя при водѣ сгарами жаждою воды, Моисей, по данному свыше совѣту, близъ этого мѣста нашедши нѣкое дерево, ввергаетъ его въ воду. И вода немедленно дѣлается годною къ питью; дерево своею силою претворяетъ свойство воды изъ горечи въ сладость. Послику же облако пошло всередъ; то пошла

и они путеволимые его движеніемъ, какъ и всегда дѣлали это, прекращая шествіе, гдѣ остановившееся облако давало знакъ къ отдохновенію, и опять отправляясь въ путь, когда облако предвѣщало ихъ въ шествіи. Слѣдуя сему путеводителю, достигаютъ мѣста изобильнаго годною для питья водою, въ избыткѣ омываемаго двѣнадцатю источниками. Было тутъ семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ, которыхъ и при маломъ числѣ достаточно было, чтобы чрезвычайною ихъ красотою и величиною произвести великое удивленіе въ зрителяхъ. И отсюда также путеводное облако, воздвигнувъ ополченіе, ведетъ его въ другое мѣсто. А это была какая-то пустыня на сухомъ, ничѣмъ не покрытомъ пескѣ, въ странѣ не орошаемой никакою водною влагой: и тамъ опять, когда народъ стала томить жажда, иѣкій камень, ударенный Моисеевымъ жезломъ въ его вершину, издаетъ сладкую и годную для питья воду въ обиліи, превѣщающемъ потребность многочисленнаго народа.

Вотъ оскудѣвъ запасъ снѣдей, какой заготовили Израильтяне на путь, выходя изъ Египта, народъ сталъ мучиться голодомъ; тогда происходитъ чудо всѣхъ чудесъ невѣроятнѣйшее: не изъ земли, но общему закону, является имъ пища, но источается свѣине съ неба на подобіе росы. Къ утру разливалась у нихъ роса, и эта роса для собирающихъ дѣ-

далась пищею; потому что разлитое не водяная была капля, какъ обыкновенно въ росѣ; но вмѣсто капель падали какіе-то, какъ бы ледяные, округленные куски, по виду походившіе на коріандровы (а) сѣмена (по выговору поселянъ: коліандровы), но вкусъ ихъ уподоблялся сладости меда. Въ этомъ чудѣ усматривалось вмѣстѣ и другое, — всѣ выходившіе для сбора, въ разныхъ, какъ вѣроятно, возрастахъ и при разныхъ силахъ, приносили одинъ другаго не меньше по разности силъ, напротивъ того собираемое соразмѣрялось съ потребностію каждаго, такъ что и сильнѣйшій не имѣлъ у себя избытка, и у менѣе сильного не оказывалось недостатка. Опять и при этомъ исторія говоритъ еще о другомъ чудѣ, — и именно: каждый, принеся на день, ничего не откладывалъ до слѣдующаго дня; у сирятавшаго же, по какой-то бережливости, часть нищи отъ настоящаго дня къ слѣдующему, отложенное дѣлалось негоднымъ въ нищу, претворяясь въ червей. Но есть и другое нѣчто необычайное въ исторіи объ этой нищѣ. Послику одинъ изъ дней седмицы, по какому-то таинственному закону, почтенъ былъ бездѣйствіемъ, то въ день предшествующій оному, и нищи выпадало съ прежними днями въ равной мѣрѣ, и усердіе собирающихъ бывало

(а) *Коріандръ* иначе называется: *кишнецъ*.

одинаковое, но собраннаго оказывалось вдвое противъ обычной мѣры, такъ что не было предлога, по необходимости въ нищѣ, нарушать законъ о бездѣйствіи. И въ этомъ еще болѣе выказывалась Божія сила тѣмъ, что излишекъ, въ другіе дни дѣлавшійся негоднымъ къ употребленію, въ одинъ пятокъ, день предъ субботою (такъ было имя дню бездѣйствія), будучи сбереженъ, оставался не повредившимся такъ, что оставшееся оказывалось свѣжимъ, какъ бы вышедшее въ тотже день.

Потомъ у Израильтянъ начинается война съ нѣкимъ иноплеменнымъ народомъ (Писаніе возставшихъ тогда на нихъ именуеть Амаликитянами). И въ сіе-то время народъ израильскій въ первый разъ вооружается, чтобы стать въ боевой порядокъ, впрочемъ не всѣ, составивъ одно воинство, но избранные по доблести, подвиглись въ битву, да и изъ нихъ самые отборные вступили въ сраженіе, на которомъ Моисей показалъ оиять новый способъ военачальства; потому что войско противъ Амаликитянъ вывелъ тогда Исусъ, бывшій послѣ Моисея вождемъ народа, а Моисей внѣ поля сраженія на одномъ видномъ издали холмѣ возводитъ взоръ къ небу, по обѣ же его стороны стоятъ два близкихъ ему челоуѣка. Тогда-то, какъ узнаемъ изъ исторіи, совершилось такое чудо: *егда воздвизаше Моисей руку къ небу, подвластные ему усиливались противъ*

враговъ, *егда же опускаше*, войско его уступало стремительности иноплеменниковъ (Исх. 17, 11.). Замѣтивъ это, предстоящіе Моисею, подошедши къ нему съ обѣихъ сторонъ, поддерживали руки его, но какой-то сокровенной причинѣ дѣлавшіяся тяжелыми и неподвижными. Поелику же не было у нихъ столько силъ, чтобы поддерживать Моисея въ прямомъ положеніи; то сѣдалище его подперли камнемъ, и такимъ образомъ сдѣлали, что у Моисея, при ихъ помощи, руки воздвигнуты были къ небу; и иноземники рѣшительно побѣждены Израильтянами.

Но какъ на томъ же мѣстѣ оставалось облако, предводительствовавшее народомъ въ путешествіи; то по всей необходимости народу надлежало не трогаться съ мѣста, потому что некому было предводительствовать при переходѣ въ другое мѣсто. Такъ безъ всякихъ усилій были у нихъ удобства къ жизни: свѣше воздухъ дождилъ имъ готовый хлѣбъ, а въ низу камень доставлялъ питіе, и облако избавляло отъ неприятности воздушныхъ перемѣнъ, днемъ служило огражденіемъ отъ зноя, а ночью разсѣвало мракъ, осіявая какими-то огневидными лучами; безпечально было для нихъ это пребываніе въ пустынѣ при подошвѣ горы, гдѣ раскинуть былъ станъ. Здѣсь-то Моисей наставлялъ Израильтянъ какому-то неизреченному таинству; сама же сила Божія превосхо-

дѣлами слово чудесами тайноводствовала и весь народъ и самага вождя. А тайноводство сіе совершилось симъ образомъ.

Напередъ сказано народу быть далекимъ отъ всякихъ другихъ оскверненій, какія примѣчаются по тѣлу и по душѣ, и очистить себя нѣкими кропленіями, даже определенное нѣкое число дней воздерживаться отъ самага брака, чтобы сподобляющійся таинству, омывшись отъ всего страстнаго и тѣлеснаго, приступилъ къ горѣ чистымъ отъ страсти. Имя горѣ сей было Сипай. И восхожденіе на нее въ это время дозволено было однимъ существамъ словеснымъ, и изъ нихъ одному мужескому полу, и притомъ очистившимся отъ всякой скверны. Употреблены же всякая осторожность и предусмотрительность, чтобы ни одно безсловесное не всходило на гору. А еслибы случилось какъ это, было повелѣно народу побивать камнями все, что ни появилосьбы на горѣ изъ естества безсловеснаго. Потомъ разлитый въ воздухъ свѣтъ вмѣсто чистой прозрачности началъ очерняться мглою, такъ что гора, вокругъ объята мракомъ, стала невидима. Появлявшійся изъ мрака огонь дѣлалъ видѣніе для зрителей страшнымъ, объемъ горы представлялся со всѣхъ сторонъ поглощеннымъ, и все видимое, въ слѣдъ за промелькнувшимъ огнемъ, покрывалось дымомъ. Моисей же ведетъ народъ къ восхожденію, и самъ,

несмѣло взирая на видимое, но изумѣвая душою отъ боязни, содрогаясь тѣломъ отъ страха: такъ что не скрываетъ предъ Израильтянами душевнаго страданія, но признается предъ ними, сколько пораженъ видимымъ, и трещетъ тѣломъ. Ибо видимое было таково, что не посредствомъ только глазъ приводило душу въ ужасъ, но и посредствомъ слуха сообщало ей страшное, все дольнее сокрушала поразительный свѣще гласъ, котораго и первое прираженіе было тягостно и невыносимо всякому слуху: онъ уподоблялся звуку трубъ, но грозною и поразительною звучностію превосходилъ всякій подобный образецъ; съ продолженіемъ же времени гласъ дѣлался еще страшнѣе, потому что звукъ его непрестанно усиливался, и становился еще болѣе поразительнымъ. Да и гласъ сей былъ членораздѣльный, Божією силою, безъ способствующихъ выговору орудій, самый воздухъ членораздѣльно образовалъ въ себѣ слово. И слово сіе не просто было членораздѣльное; но узаконяло Божественныя повелѣнія. И продолжающійся гласъ возрастая усиливался, труба звучала громче себя самой, предшествующіе звуки превосходя всегда послѣдующими.

Весь народъ не имѣлъ столько силъ, чтобы выносить видимое и слышимое; и потому общее всѣми приносится прошеніе Моисею, чтобы онъ сталъ посредникомъ закона, и народъ

не отказывается, какъ Божию велѣнію, вѣрить всему, что ни возвѣститъ Моисей по наученію свыше. Посему снова всѣ сходятъ къ подошвѣ горы, оставлень одинъ Моисей, показавшій въ себѣ противное, или то, чѣмъ былъ онъ дѣйствительно. Ибо когда всѣ, сообщая участвуя въ дѣлѣ, предаются паче страху, Моисей, оставшись одинъ, поступаетъ смѣлѣе окружавшихъ его. Почему и изъ этого дѣлается явнымъ, что не собственною его помощію былъ тотъ страхъ, который объялъ его въ началѣ, но потерялъ онъ это по сочувствію съ пораженными страхомъ. Посему когда, какъ нѣкое время, сложивъ съ себя боязнь народа, пришелъ онъ въ себя; тогда осмѣливается вступить и въ самый мракъ, и пребываетъ внутри незримаго, ставъ уже невидимымъ для взирающихъ на него (ибо, проникнувъ въ неповѣдимую Божественнаго тайноводства, тамъ, и самъ уже незримый, сопробываетъ съ Незримымъ). А тѣмъ, что сдѣлаю имъ, научаетъ онъ, какъ думаю, что намѣревающемуся быть въ единеніи съ Богомъ, должно выйти изъ всего видимаго, напрягая разумѣніе свое къ Незримому и Непостижимому, какъбы къ какой вершинѣ горы, увѣровать, что Божество — тамъ, куда не восходитъ понятіе. Въ семь-то состояніи Моисей пріемлетъ заповѣди Божіи. И онѣ были—ученіе добродѣтели, сущность котораго—благочестіе, усвоеніе самыхъ

приличныхъ представленій объ Естествѣ Божіемъ, о томъ, сколько Оно превъше всякаго доступнаго разуму понятія и образца, не уподобляясь ничему познаваемому. Ибо Писаніе въ представленіяхъ о Богѣ повелѣваетъ не имѣть въ виду ничего умопостигаемаго, и Естества всего превъшающаго не уподоблять чему либо познаваемому разумомъ, но вѣровать, что Оно есть, — а что Оно такое, или сколь велико, или откуда, или какимъ образомъ, оставлять безъ изысканія, какъ неостижимое.

Но Писаніе, преподавая ученіе о общихъ и частныхъ законахъ, присовокупляетъ и то, сколько есть нравственныхъ преспѣлій. Во обще законъ запрещаетъ всякую неправду, обязывая имѣть любовь къ соплеменнику, а по утвержденіи сего, непременно требуетъ по порядку за тѣмъ слѣдующаго: не дѣлать никакого зла ближнему. Въ законахъ же подробныхъ предписывается почтеніе родителямъ и излагается перечень запрещаемыхъ погрѣшностей. И какъ бы по предочищеніи ума сими законами, возводится Моисей къ совершеннѣйшему тайноводству въ мгновенномъ ему Божіею силою предуказаніи нѣкоей скинии.

А скинія была храмъ, имѣющій красоту въ неизъяснимомъ нѣкоемъ разнообразіи. Тутъ были предверія, столпы, завѣсы, трапеза, свѣтильникъ, алтарь кадильный, жертвенникъ, очистилище, внутренность святилища сокро-

венная и недоступная. Красоту и расположе-
 ніе всего этого, чтобы чудо сіе не утратилось
 изъ памяти, и могло быть показано дольшимъ,
 повелѣвается Моисею не одному только писа-
 нію предать сіе, но вещественнымъ устрое-
 ніемъ сдѣлать подобіе невещественнаго онаго
 созданія, взявъ для сего наиболѣе блистатель-
 ныя и видныя вещества изъ находимыхъ на
 землѣ. Изъ нихъ всего болѣе было золота,
 которымъ вокругъ облиты были столпы. Съ
 золотомъ вмѣстѣ употреблено и серебро, укра-
 шавшее собою верхи и основанія столповъ,
 чтобы, какъ думаю, болѣе блистало золото
 среди отличающагося цвѣтомъ на обоихъ кон-
 цахъ. А индѣ почтено полезнымъ и вещество
 мѣди: оно служило надглавіемъ и основаніемъ
 серебряныхъ столповъ. Завѣса же и покровы,
 чѣмъ были обтянуты бока храма и верхъ надъ
 столпами,—все приготовлено было прилично
 ткацкимъ искусствомъ изъ вещества пригод-
 наго для каждаго дѣла. У однѣхъ изъ тканей
 цвѣтъ былъ синета, багряница, огнезрачность
 червленной красоты, бѣлизна виссона, — этотъ
 самородный и безыскусственный видъ. На са-
 мое тканье взяты для инаго ленъ, а для инаго
 волосы; по мѣстамъ же для красоты строенія
 употреблены красныя кожи. И это Моисей,
 по сошествіи съ горы, устроилъ при содѣй-
 ствіи другихъ, по представленному ему образ-
 цу зданія.

Тогда же, пребывая въ ономъ нерукотворенномъ храмѣ, получаетъ Моисей законъ объ іереѣ, вступающемъ во святилище, какимъ убранствомъ надлежитъ ему отличаться; и Писаніе излагаетъ въ подробности законы о внутреннемъ и наружномъ облаченіи. Началомъ облаченія въ одежды служить не сокрытое что либо, но видимое, ризы верхнія, испещренныя разными цвѣтами, именно тѣми же, съ какими устроена была завѣса, но преимуществующія предъ завѣсою золотою прядію. Сіи верхнія ризы по обѣимъ сторонамъ соединялись застежками, а это были изумруды, обдѣланные кругомъ въ золото. Естественною краскою этихъ камней служилъ блескъ, издававшій отъ себя какіе-то зеленоватые лучи, а искусственною была чудная рѣзьба. И красу эту составляла не художественная насѣчка чертъ для изображенія какихъ либо идоловъ; но имена патріарховъ, начертанныя на двухъ камняхъ, по шести на каждомъ. Къ нимъ привѣшены были спереди шитки и витыя верви, сплетенныя между собою одна поперегъ другой съ правильной разстановкой, на подобіе сѣтки, опускались съ верху отъ застежки по обѣ стороны шитковъ, чтобы, какъ думаю, болѣе замѣтною казалась красота плѣтенья, просвѣчиваемаго тѣмъ, что подъ нимъ. На груди іерея выдавалось то золотое украшеніе, въ которомъ вдѣлано было нѣсколько, по числу

патріарховъ, разныхъ родовъ камней, расположенныхъ въ четыре ряда, и въ каждомъ ряду по три; камни сіи сдѣланными на нихъ начертаніями показывали соименныхъ колѣнамъ патріарховъ. Подъ верхними ризами была риза внутренняя (Исх. 28, 31.), отъ выш доходящая до края ногъ, благолѣпно украшенная привѣсками бахрамы. А внизу подолъ красиво былъ убранъ, не только неспрешною тканію, но и золотыми привѣсками; и это были золотые звонки и пуговицы, рядами расположенныя на подолѣ. Была также головная повязка вся изъ сицеты, а спереди на челѣ дщица изъ чистаго золота съ начертанными на ней какими-то таинственными писменами. Были и поясъ, стягивающій просторное облаченіе, и убранство сокровенныхъ одеждъ, наконецъ все, что подъ видомъ облаченія, загадочно научало священнической добродѣтели.

Когда же Моисей, объятый онымъ невидимымъ мракомъ, по неизреченному Божию наставленію, изучилъ таковыя вещи съ приращеніемъ таинственныхъ познаній, сталъ выше себя самого; тогда, опять изшедши изъ мрака, сходитъ къ соплеменникамъ сообщить имъ о чудесахъ, открытыхъ ему при богоявленіи, предложить законы, соорудить народу храмъ и установить священство по образу, показанному ему на горѣ. Несъ онъ въ рукѣ и священные скрижали, которыя были Божиимъ об-

рѣтеніемъ и даромъ, ни въ какомъ предварительномъ содѣйствіи не имѣвъ нужды къ своему происхожденію; напротивъ того каждая изъ скрижалей, и вещество ея, и начертаніе на ней, равно были дѣломъ Божиимъ. Впрочемъ народъ недопустилъ до себя дара, прежде, нежели предсталъ законодатель, необузданно предавшись идолослуженію. Немало прошло времени, пока Моисей въ собесѣдованіи съ Богомъ запятъ былъ Божественнымъ опытомъ тайноводствомъ; въ продолженіе сорока дней и столькихъ же почей, подъ покровомъ мрака причащался онъ присносущной опой жизни, былъ даже внѣ естества, потому что въ это время не имѣлъ нужды въ пищу для тѣла. Тогда-то народъ, подобно ребенку, оставшемуся не подъ надзоромъ пѣстуна, несмысленными стремленіями вовлекается въ безчynie, и возставъ на Аарона, приводитъ священника въ необходимость, предводить ими въ идолослуженіи. Идолъ сдѣланъ изъ золотаго вещества (и идоломъ былъ телець); народъ восхищался своимъ нечестіемъ, но Моисей, подходившій къ нимъ, сокрушаетъ скрижали, которыя несъ отъ Бога, чтобы Израильтяне, лишившись богопріемнаго дара, понесли достойное за свой проступокъ наказаніе. Потомъ, руками левитовъ очистивъ скверну кровію соплеменниковъ, а гнѣвомъ своимъ на согрѣшившихъ умилоствивъ Божество, уничтоживъ

же идола, наконецъ по сорокодневномъ пребываніи на горѣ, снова приносить скрижали, на которыхъ Писаніе произведено Божіей силой, тогда какъ вещество ихъ обдѣлано Моисеевою рукою. Приносить ихъ снова, въ продолженіе такого числа дней превзошедши самое естество, и соблюдши иный нѣкій образъ жизни, а не тотъ, какой узаконенъ для насъ, не принимавъ внутрь тѣла своего ничего такого, что оскудѣніе естества нашего подкрѣпляетъ пищею.

И послѣ сего сооружаетъ скинію, даетъ законныя предписанія, устанавливаетъ священство, по преданному ему Богомъ. И когда, по Божію указанію, уготовилъ вещественнымъ построеніемъ все это: скинію, преддверія, и что внутри скиніи, алтарь кадильный, жертвенникъ, свѣтильникъ, завѣсы, очистилище во святилищи, священническія украшенія, муро, различныя жертвоприношенія, очистительныя, благодарственныя, спасительныя въ бѣдахъ, умиловительныя въ прегрѣшеніяхъ,—когда все это Моисей должнымъ образомъ привелъ въ порядокъ; тогда въ близкихъ къ нему возбуждаетъ зависть, — этотъ недугъ, сродный природѣ человѣческой; такъ что и Ааронъ, почтенный саномъ священства, и сестра его Маріамъ, какою то свойственною женщинамъ ревностію подвигнутая къ той чести, какой удостоенъ отъ Бога Моисей, высказываютъ

нѣчто такое, чѣмъ раздражено Божество, и потому наказало прегрѣшенія. Здѣсь Моисей еще болѣе достоинъ удивленія за свое незлобіе, потому что Богъ наказуетъ неразумную женскую зависть, а онъ, уснѣвъ въ томъ, что естество превозмогло въ немъ и самый гнѣвъ, унижествляетъ къ сестрѣ Бога.

И народъ предася опять безчинію, къ преступленію же привела неумѣренность въ наслажденіяхъ чрева: Израильтянамъ стало недостаточно въ здравіи и безпечально поддерживать жизнь подаваемою свыше пищею, пожеланіе плотей, приверженность къ мясоестію дѣлали, что египетское рабство казалось для нихъ предпочтительнѣйшимъ настоящихъ благъ. Моисей доноситъ Богу о возобладавшей ими страсти. И Богъ тѣмъ самымъ, что даетъ получить желаемое, научаетъ, что не должно желать сего, именно же насыпаетъ множество какихъ-то птицъ, летающихъ почти по землѣ, которыя тучею и стадами устремляются на ополченіе; удобство ловить доводить пожеланіе мяса до пресыщенія, а неумѣренное употребленіе снѣди превращаетъ у нихъ вдругъ тѣлесныя срастворенія въ тлетворныя соки, и насыщеніе оканчивается болѣзнію и смертію. Такого примѣра и имъ самимъ и видящимъ ихъ достаточно стало, чтобы уцѣломудрить народъ.

Потомъ посылаются Моисеемъ соглядатаи

въ ту страну, въ которой, по Божию обѣтованію, надѣялись обитать Израильтяне. Поскольку же не все они возвѣстили правду, но нѣкоторые сдѣлали ложныя и нерадостныя показанія; то народъ опять поступилъ съ Моисеемъ гнѣвно. Но Богъ отчаявшихся въ Божіемъ содѣйствіи осуждаеть не увидѣть обѣтованной имъ земли. Между тѣмъ у идущихъ далѣе по пустынѣ снова не доставало воды, и вмѣстѣ утратилось памятованіе о Божіемъ могуществѣ, и послѣ бывшаго прежде чуда съ камнемъ не вѣрили теперь, что не будутъ нуждаться ни въ чемъ потребномъ; отринувъ же благія надежды, дали мѣсто укоризнамъ, ропща на Самаго Бога и на Моисея; такъ что и Моисей, по видимому, преклонился предъ невѣріемъ народа, впрочемъ опять сотворилъ предъ ними чудо, несѣкомый оный камень претворивъ въ естество воды. Когда же рабское это наслажденіе снѣдами опять возбудило въ нихъ вождельніе чревоугодія, и не будучи лишены ничего необходимаго для жизни, возмечтали о египетскомъ пресыщеніи; тогда, подобно безчиннымъ юношамъ, вразумляются сильнѣйшими ударами бичей: появившіеся у нихъ въ стану змии угрызеніемъ своимъ сообщаютъ смертоносный ядъ. Одинъ за другимъ падаютъ угрызенные животными; и законодатель, возбужденный Божіимъ совѣтомъ, сливъ мѣдное подобіе змія, дѣлаеть его на нѣкоей

высотѣ видимымъ для всего стана, и такимъ образомъ останавливаетъ въ народѣ гибель отъ змievъ. Кто взиралъ на сіе мѣдное изображеніе, тому нимаю не страшно было угрызение подлинно дѣйствительнаго змія; потому что зрѣніе по какому-то необъяснимому противодѣйствию ослабляло ядъ.

Опять происходитъ въ народѣ возстаніе на Моисея за предводительство, и нѣкоторые усиливаются себѣ присвоить священство. Но Моисей дѣлается молитвенникомъ предъ Богомъ за погрѣшившихъ; впрочемъ правда суда Божія превозмогаетъ Моисееву сострадательность къ соплеменникамъ. Земля, разверзши зѣвъ, по волѣ Божіей, снова сходитъ сама съ собою, пріявъ во внутренность всѣхъ, со всѣмъ ихъ родомъ, превознесшихся предъ начальствомъ Моисеевымъ. И неистово домогавшіеся священства, числомъ около двухъ сотъ пятидесяти, будучи пожжены огнемъ, страданіемъ своимъ уцѣломудриваютъ соплеменниковъ. Но для большаго удостовѣренія людей въ томъ, что благодать священства отъ Бога дается удостоившимся оной, Моисей беретъ жезлы отъ каждаго колѣна у начальствующихъ оными; и по означеніи писменами на каждомъ жезлѣ, кѣмъ онъ данъ (въ числѣ ихъ былъ и жезлъ священника Аарона), полагаетъ ихъ во храмъ, потомъ объявляетъ народу приговоръ Божій о священствѣ: ибо изъ всѣхъ жезловъ

одишь жезлъ Аароновъ прозябъ, и отъ сего дерева произрость и созрѣлъ плодъ (а плодомъ былъ орѣхъ). Величайшимъ чудомъ даже для невѣрующихъ показалось, что дерево безъ коры, остроганное, не имѣющее корня, вдругъ утучняется, производитъ тоже, что и укорененное въ землѣ, потому что и землю, и кору, и влагу, и корень, и вѣтви замѣняетъ дереву Божія сила.

При этомъ, проводя войнство землями иноплемениныхъ народовъ, Моисей налагаетъ на себя клятву, что не дозволитъ своему народу проходить нивами и виноградниками, но будетъ соблюдать *царскій путь* (Числ. 21, 22.), не уклоняясь ни въ право, ни въ лѣво. Но какъ непріатели и этимъ не были умирены; то преодолевъ сопротивника въ битвѣ, повластно совершаетъ переходъ. Потомъ нѣкто Валакъ, владѣющій многочисленнѣйшимъ племенемъ (имя же племени было—Мадіантяне), устранивъ пораженіемъ предъ симъ погибшихъ, и не дожидаясь того, чтобы и самому пострадать тоже отъ Израильтянъ, употребляетъ въ дѣло, не помощь оружія и тѣлесной силы, но бесполезное чародѣйство, въ лицѣ нѣкого Валаама, который почитался свѣдущимъ въ этомъ, и о которомъ пользовавшіеся имъ были увѣрены, что имѣетъ нѣкую силу въ подобныхъ дѣлахъ. Зналъ онъ птицагадательное искусство, страшень былъ и тѣмъ, что, по

какому-то содѣйствию демоновъ, причинялъ людямъ пѣкою ухищренною силою неисцѣльныя бѣдствія. Онъ-то, слѣдуя за тѣми, которые вели его къ царю этого народа, научается голосомъ ослицы, что путь его не будетъ удаченъ. Потомъ изъ пѣкаго явленія дознавъ, что ему дѣлать, находить, что злоторное волшебство безсильно причинить какой-либо вредъ людямъ, которымъ спомоществуетъ Богъ. Въмѣсто же демонской силы, исполнившись божественнаго вдохновенія, провѣщавааетъ такіе глаголы, которые прямо служатъ пророчествомъ о томъ, что въ послѣдствіи имѣло произойти къ лучшему. Тѣмъ самымъ, что воспретило искусству дѣйствовать во зло, приведенный въ оупщеніе Божіей силы, отложивъ свое прорицательное искусство, пророчествуетъ онъ по Божіей волѣ. Послѣ сего сокрушенъ народъ ниоплеменническій; потому что въ войнѣ сильнѣе его сталъ народъ Божій, который потомъ побѣжденъ страстію распутства къ илѣнницамъ. Когда Фивеевъ застигнутыхъ въ срамномъ дѣлѣ пронзилъ однимъ ударомъ, прекратился Божій гнѣвъ на предававшихся съ неустовствомъ симъ непозволеннымъ связямъ.

Тогда законодатель взошедши на высокую пѣкую гору, и издали увидѣвъ страну, которая, по Божію обѣтованію отцамъ, уготована была Израильтянамъ, пресеяется изъ жизни человѣческой, не оставивъ ни знака на землѣ, ни

памяти въ гробахъ о своемъ преселеніи, тогда какъ время не повредило красоты его, не помрачило свѣта очей его, не ослабило сіявшей на лицѣ его благодати; но всегда былъ онъ одинаковъ, и вмѣстѣ съ измѣняемостію естества сохранялъ непреложность красоты.

Итакъ вотъ что изъ исторіи мужа дознали мы съ перваго взгляда, и пересказали тебѣ кратко, хотя въ иномъ встрѣчался поводъ по необходимости распространить слово. Но время вспомянутую нами жизнь примѣнить къ предположенной нами цѣли слова, чтобы изъ сказаннаго прежде сдѣлано было какое либо привношеніе въ описаніе добродѣтельной жизни. Потому возвратимся къ началу повѣствованія о Моисеѣ.

ВЗГЛЯДЪ НА ЖИЗНЬ МОИСЕЕВУ.

Когда законъ мучителя повелѣвалъ истреблять мужескій полъ; тогда раждается Моисей. Посему какъ можемъ по произволенію подражать сему случайными обстоятельствами сопровождаемому рожденію Моисея? Конечно, скажетъ иной, не отъ насъ зависитъ, чтобы человѣкъ своимъ рожденіемъ подражалъ славному сему рожденію. Но нимаю не трудно начаться подражанію и тѣмъ, что, по видимому, весьма затруднительно. Ибо кто не знаетъ, что все подлежащее измѣненію никогда не остается однимъ и тѣмъ-

же, но непрестанно изъ одного обращается въ другое, всѣдствие измѣненія дѣлаясь всегда лучшимъ или худшимъ. Разумѣй же сіе примѣнительно. Вещественное и страстное расположение, къ которому особливо поизволенна природа человѣческая, это женственное въ жизни, когда раждается, угодно бываетъ мучителю; а твердость и неослабность добродѣтели, это мужское порожденіе, враждебно мучителю и подозрительно тѣмъ, что можетъ востать противъ его власти. Посему, что какъ ни есть измѣняется, тому, конечно, должно непрестанно раждаться; потому что въ природѣ удобопревратной не увидишь ничего пребывающаго всегда одинаковымъ; а такъ родиться зависитъ не отъ посторонняго побужденія, подобно тому, какъ раждаютъ что либо тѣлесное; напротивъ того по собственному произволенію совершается подобное рожденіе, и мы бываемъ нѣкоторымъ образомъ отцами себя самихъ, раждая себя такими, какими сами желаемъ, и по собственному своему произволенію уроками добродѣтели, или порока, образуя себя въ какой желательно намъ полъ, мужескій или женскій. Конечно, и намъ можно, противъ воли и къ огорченію мучителя, произойдти на свѣтъ лучшимъ рожденіемъ, и, хотя бы сіе было вопреки мудрованію мучителя, явиться и вступить въ жизнь на удовольствіе родителямъ прекраснаго сего плода (а это суть помыслы

содѣзывающіеся отцами добродѣтели). Посему слово сіе учить, какъ, заимствовавъ поводъ изъ исторіи, можно со всею ясностію раскрыть загадочный сей смыслъ, положить начало добродѣтельной жизни, родиться къ скорби врага, то есть неприятнымъ для него образомъ рожденія, въ которомъ болѣзни рожденія терпять произволеніе. Ибо не иначе можетъ кто либо причинить скорбь сопротивнику, какъ показавъ въ себѣ такіе признаки, которые бы служили свидѣтельствомъ побѣды надъ нимъ.

Отъ одного и того же произволенія зависить, безъ сомнѣнія, родить сіе мужское и доблестное порожденіе, воскормить оное приличными снѣдами, позаботиться, чтобы безвредно спаслось оно изъ воды; ибо приносящіе свои порожденія въ даръ мучителю, облаживъ и безъ призора предають чадъ рѣчному потоку; разумѣю же потокъ жизни, волнуемый непрерывными страстями, отъ чего впадшее въ этотъ потокъ погрязаетъ и лишается дыханія подъ водами. Но цѣломудренныя и попечительныя помыслы—отцы мужескаго порожденія, когда необходимость жизни принуждаетъ ихъ добрый плодъ свой предать житейскимъ волнамъ, предаваемое потоку обезонаживають ковчегомъ, чтобы не погрязло въ глубинѣ. Ковчегомъ же, составленнымъ изъ разныхъ дщицъ, пусть будетъ обученіе, твердо связанное изъ различныхъ уроковъ, и поддер-

живаемаго имъ носящее надъ житейскими волнами, при которомъ и носимый стремленіемъ волнъ не слишкомъ далеко увлечется вознесіемъ водъ; но оставаясь при твердомъ брегѣ, т. е., виѣ житейскаго волненія, самымъ стремительнымъ теченіемъ водъ, неизвѣстно какъ, будетъ отталкиваемъ къ сушѣ. И сіе познаемъ на опытѣ; потому что не погружившихся еще въ человѣческія обольщенія самыхъ житейскихъ дѣлъ непостоянное туда и сюда уклоняющееся движеніе отталкиваетъ отъ себя, какъ пѣкое бесполезное бремя, признавая ихъ людьми безпокойнымъ по своей добродѣтели. Но кто сталъ виѣ таковыхъ волненій, да подражаетъ Моисею, не пада слезъ, хотя и приведенъ въ бонасность въ ковчегѣ; потому что слезы — тщательный стражъ для спасающихся добродѣтелию.

Если же безчадная и безплодная царская дочь (подъ именемъ которой, думаю, разумѣется собственно виѣшнее любомудріе), присволя себѣ новорожденнаго, готовится назваться его матерью: то слово сіе позволяетъ до тѣхъ поръ не отвергать свойства съ сею лженменною матерью, пока новорожденный видитъ въ себѣ несовершенство возраста. А кто приходитъ уже въ возрастъ, какъ познаемъ въ примѣрѣ Моисея, тотъ почтетъ для себя стыдомъ именоваться сыномъ безчадной по естеству. Ибо виѣшнее обученіе дѣйствительно безчадно:

всегда страждетъ болѣзнями рожденія, но никогда не раждаетъ ничего живаго. И любомудріе сіе, послѣ долговременныхъ болѣзней рожденія, какой показало плодъ, достойный столь многихъ и великихъ трудовъ? Не въ ли видѣ вѣтренныхъ пузырей и недоношенными извергаются прежде, нежели придуть во свѣтъ боговѣдѣнія? А вѣроятно могли бы они содѣлаться имѣющими человѣческой образъ, если бы не были вовсе сокрыты въ нѣдрахъ безчадной мудрости. Посему кто у египетской царевны прожилъ столько времени, сколько нужно, чтобы не казаться непричастнымъ уважасмаго Египтянами, тотъ да возвратится къ матери по естеству, отъ которой да не удаляется и во время своего воспитанія у царевны, питаясь матернимъ млекою, какъ сказуетъ исторія. И это, кажется мнѣ, учить тому, чтобы, если во время обученія упражняемся въ наукахъ внѣшнихъ, не лишали и мы себя млека воспитывающей насъ — Церкви, т. е., тѣхъ узаконеній и обычаевъ Церкви, которыми питается и укрѣпляется душа, и изъ которыхъ она заимствуетъ для себя средства къ возрастанію.

Истинно же то слово, что среди двухъ враговъ будетъ тотъ, кто внимаетъ ученіямъ внѣшнимъ, а не отеческимъ; потому что еврейскому понятію противится иноплеменникъ въ богопочтеніи, усиливаясь показать, что онъ крѣпче Израильянина; да и кажется таковымъ

для многихъ легкомысленныхъ, которые, оставивъ отеческую вѣру и содѣлавшись преступниками отеческаго ученія, вступили въ борьбу за одно со врагомъ. Но кто, подобно Моисею, великъ и благороденъ душою, тотъ противоположнаго слову благочестія умерщвляетъ своимъ ударомъ.

А иной и иначе найдетъ въ насъ подобную борьбу. Ибо человекъ, какъ бы нѣкою наградою за подвигъ, поставленъ на срединѣ между держащимися противныхъ сторонъ, — и къ кому присоединяется, того и дѣлаетъ побѣдителемъ противника. Напримѣръ — идолослуженіе и богочестіе, невоздержность и цѣломудріе, справедливость и неправда, кичливость и скромность ума и все представляемое противоположнымъ, явная есть борьба какого-то Египтянина съ Евреемъ. Посему Моисей примѣромъ своимъ наставляетъ насъ быть въ единеніи съ добродѣтелию, какъ съ единоплеменникомъ, убивать же востающаго съ противной стороны на добродѣтель. Ибо дѣйствительно преодолѣніе благочестія дѣлается смертію и истребленіемъ идолопоклонства; такъ и справедливостію умерщвляется неправда, и скромностію убивается кичливость.

Но бываетъ также въ насъ и востаніе другъ на друга единоплеменниковъ. Ибо не имѣли бы мѣста вѣроученія лукавыхъ ересей, еслибы одни помыслы противъ другихъ болѣе истинныхъ

не выступали въ сопротивныхъ рядахъ. Если же будемъ немощны для того, чтобы самимъ собою отдать преимущество справедливости, потому что худшее пересиливаетъ своими умышленіями, и отвергаетъ владычество истины: то намъ должно, какъ можно скорѣе, бѣжать отсюда къ важнѣйшему и болѣе возвышенному ученію таинствъ, подобно указуемому сею исторією образцу. И хотябы потребовалось снова вступить въ единеніе съ иноплемennымъ, то есть, нужда заставила быть въ единеніи съ внѣшнимъ любомудріемъ; рѣшимся и на это, отгнавъ лукавыхъ пастырей отъ несправедливаго употребленія кладязей, т. е., учителей худому обличивъ въ лукавомъ употребленіи обученія, уединимся потомъ въ самихъ себя, не входя въ связи и сближенія съ какими либо любителями споровъ, но будемъ жить вмѣстѣ съ тѣми, которые единомысленны и единомудренны съ пасомыми у насъ, между тѣмъ какъ все движеніе души нашей, подобно овцамъ, управляются волею руководственнаго разума. И такимъ образомъ намъ, неуклонно пребывающимъ въ сѣмъ мирномъ и безмятежномъ житіи, возсіяетъ тогда истина, лучами своими озаряющая душевное зрѣніе. Истина же, являющаяся тогда Моисею въ неизреченномъ опомъ свѣтоводствѣ, есть Богъ.

Если же и терновымъ пѣкинмъ кустомъ воспламеняется тотъ свѣтъ, которымъ просвѣ-

щается душа Пророка, — то не бесполезно будет и сіе сдѣлать намъ предметомъ изслѣдованія. Ибо если истина есть Богъ, а также истина есть свѣтъ, — и оба сіи высокія и божественныя именованія евангельское слово присвоитъ явившемуся намъ во плоти Богу (Іоанн. 14, 6.): то слѣдуетъ, что таковое добродѣтельное житіе возводитъ насъ къ вѣдѣнію онаго свѣта, который нисходитъ даже до естества человѣческаго, возсіявая не отъ какого либо звѣзднаго свѣтила, почему не можно было бы признать его сіяніемъ дольняго вещества, но отъ земнаго куста, и превосходя свѣтлостію лучей небесныя свѣтила. А симъ научаемся и таинству явленному въ дѣвѣ, отъ которой въ рожденіи возсіявній человѣческой жизни свѣтъ Божества сохранилъ воспламененную купину неугасаемую, такъ что и по рожденіи не увялъ стебель дѣвства. Онымъ свѣтомъ научаемся и тому, что намъ дѣлать, чтобы стать въ лучахъ истины, а именно, что не возможно связанными ногами взойти на ту высоту, гдѣ усматривается свѣтъ истины, если не будетъ разрѣшена на душевныхъ стопахъ эта мертвенная и земная кожаная оболочка, возложенная на естество въ началѣ, когда обнажило насъ преслушаніе Божіей воли. И такимъ образомъ, какъ скоро совершится сіе съ нами, послѣдуетъ за тѣмъ вѣдѣніе истины, которое служитъ очищеніемъ отъ предположенія

о несуществующемъ, то есть, по моему понятію, опредѣленіемъ истины не составлять себѣ ложнаго понятія о сущемъ. (Ибо ложь есть какое-то раждающееся въ умѣ представленіе о несущемъ, будто бы существуетъ то, чего нѣтъ; а истина есть несомнѣнное понятіе о сущемъ.) И такимъ образомъ даже тотъ, кто въ продолженіе долгаго времени среди безмолвія любомудрствовалъ о предметахъ возвышенныхъ, едва составитъ понятіе о томъ, что такое въ дѣйствительности сущее, по естеству своему имѣющее бытіе, и что такое не сущее, по видимости только имѣющее бытіе, тогда какъ естество само по себѣ не осуществимо. И сіе-то, кажется мнѣ, позналъ тогда великій Моисей, наученный бого-явленіемъ, а именно, что изъ всего объемлемаго чувствомъ и созерцаемаго умомъ, ничто не есть сущее въ подлинномъ смыслѣ, кромѣ превышей всего сущности, которая всему причина, и отъ которой все зависитъ. Ибо если мысль и другое что усматриваетъ въ числѣ существъ, то ни въ одномъ изъ сихъ существъ не видитъ умъ такого, которое бы не имѣло нужды въ другомъ, и которому было бы возможно придти въ бытіе безъ причастія истинно сущаго.

Всегда одно и то же не увеличиваемое и не умаляемое, ко всякой переменѣ, въ лучшее ли—то или худшее, равно неподвижное, потому

что худшее ему чуждо, а лучшаго нѣтъ; во всемъ другомъ неизмѣяющее нужды, единое всѣмъ вождѣваемое, единое, чего все причастно, единое причастіемъ причащающихся не уменьшаемое, — вотъ дѣйствительно въ полномъ смыслѣ сущее, и понятіе о семъ сущемъ есть вѣдѣніе истины. Посему, какъ тогда достигшій сего Моисей, такъ нынѣ всякій, кто, подобно ему, отрѣшаетъ себя отъ земной оболочки, видитъ свѣтъ купины (т. е. обращаетъ взоръ въ возсіявшему для насъ отъ плоти — сего терноваго куста лучу, который, какъ говоритъ Евангеліе, есть *свѣтъ истинный* (Іоан. 1, 9.) и *истина* (14, 6)), дѣлается такимъ, что можетъ послужить ко спасенію другихъ, истребить превозмогающее на зло мучительство и привести въ свободу все подпавшее жестокому рабству, между тѣмъ какъ измѣняющая десница и жезлъ обращенный въ змія творять чудеса, чѣмъ, какъ думаю, загадочно изображается тайна во плоти Господней явившагося человѣкамъ Божества, которымъ совершается низложеніе мучителя и освобожденіе имъ обладаемыхъ. Къ этой же мысли приводитъ меня евангельское и пророческое свидѣтельство; ибо Пророкъ говоритъ: *сія измѣня десницы Вышняго* (Ис. 76, 11.); потому что, хотя Божественное естество умопредставляется неизмѣняемымъ, однакоже, по снисхожденію къ немощи естества человѣческаго, измѣнилось въ

нашъ образъ и видъ. Ибо и тамъ рука законодателя, вложенная въ нѣдро, измѣнила цвѣтъ въ противоестественный, и оиать, бывъ въ нѣдрѣ, возвратила себѣ собственную природную красоту. И едиnorodный Богъ, сый въ нѣдрахъ Отчихъ, Онъ есть десница Вышняго; когда явился намъ изъ нѣдръ, — измѣнился въ подобное намъ; когда же, понесши на Себѣ наши немощи, бывшую у насъ и подобно намъ измѣнившую цвѣтъ руку возвратилъ въ собственное нѣдро свое (нѣдро же Десницы — Отецъ): тогда безстрастнаго естества не измѣнилъ въ страданіи, но измѣняемое и страстное общеніемъ съ неизмѣняемымъ преложилъ въ безстрастіе.

Да и превращеніе жезла въ змія да не смущаетъ христіанцевъ тѣмъ, что понятіе о таниствѣ приспособляемъ къ животному противнаго вида; ибо Сама Истина не отвергаетъ сего изображенія, когда говоритъ въ Евангеліи: *яко же Моисей вознесе змію въ пустыни: тако подобаетъ возвестися Сыну человеческому* (Іоан. 3, 14.). Слово сіе яено: ибо если отецъ грѣха въ Божественномъ Писаніи наименованъ зміемъ, и рожденное зміемъ, безъ сомнѣнія, есть змій; то слѣдуетъ, что грѣхъ соимененъ съ породившимъ его. Апостольское же слово свидѣтельствуеть, что Господь ради насъ содѣлался грѣхомъ (2 Кор. 5, 21.), воспріявъ на Себя грѣховное наше естество.

Слѣдовательно гаданіе сіе справедливо прилагается ко Господу. Ибо, если грѣхъ есть змій, и Господь содѣлаея грѣломъ; тотъ, кто есть грѣхъ, содѣлывается для насъ и зміемъ, чтобы поглотить и истреблять египетскихъ змievъ, оживотворяемыхъ волхвами, а по совершеніи сего снова обращаться въ жезлъ, которымъ уцѣломудриваются согрѣшающіе, и упокоеваются восходящіе крутымъ и неудобопроходимымъ путемъ добродѣтели, въ добромъ упованіи опираясь на жезлъ вѣры: потому что *есть вѣра уповаемыхъ извѣщеніе* (Евр. 11, 1.). Посему, кто уразумѣлъ сіе, тотъ прямо дѣлается Богомъ воспротивившихся истинѣ, и приводимыхъ въ изумленіе этою вещественною и неосуществимою прелестію; которыми, какъ нѣчто суетное, пренебрегается то, чтобы послушать Сущаго; ибо говоритъ Фараонъ: *кто есть, его же послушаю гласи? Не вѣсть Господа* (Исх. 5, 2.). Одно же только, именно вещественное и плотское, признають достойнымъ уваженія предельные скотской чувственности. Посему, если кто укрѣпленъ будетъ озареніемъ свѣта и пріобрѣтетъ столько силы и власти надъ сопротивниками; то, какъ вѣкій борець, достаточно обучившійся у наставника подвижническому мужеству, смѣло и съ увѣрностію уготовляется къ борьбѣ со врагами. имѣя въ рукъ оный жезлъ, то есть, слово вѣры, которымъ будетъ поборать египетскихъ змievъ.

Послѣдуетъ же за нимъ и супруга—иноплеменница; потому что и изъ виѣшняго обученія допускается нѣчто въ сожитіе съ нами къ плодоношенію добродѣтели. И нравственное естественное любомудріе, и высокому по жизни можетъ иногда служить сожительницею, подругой и сообщницею, если только ея порожденія нимаго не принесутъ иноплеменной скверны. Ибо пока не обрѣзала и не отъята сія скверна, чтобы истреблено было все какъ вредное и нечистое, угрожаетъ страхомъ смерти срѣтающій Ангель, но его умилоствуетъ сожительница отъятіемъ отличительнаго свойства, по которому познается иноплеменное, доказывая, что порожденіе ея чисто. Думаю же, что выразумившему сіе историческое повѣствованіе изъ сказаннаго дѣлается явною послѣдовательность преспѣваній въ добродѣтели, каковую показываетъ слово, непрерывно слѣдующее за связію историческихъ гаданій. Ибо въ урокахъ любомудраго порожденія есть нѣчто плотское и закрытое, но что остается по отъятіи покрова, то не лицепо израильскаго благородства. Напримѣръ: и виѣшнее любомудріе говоритъ, что душа безсмертна—вотъ порожденіе благочестивое. Но утверждать, что будто бы душа изъ одного тѣла переходитъ въ другое, и словесное естество мѣняетъ на безсловесное,—это есть уже плотское и иноплеменное необрѣзаніе. А подобно

сему и многое другое. Любомудріе говоритъ, что Богъ есть, но признаетъ Его вещественнымъ; исповѣдуетъ, что Онъ Создатель, по для созданія имѣетъ нужду въ веществѣ; соглашается, что Онъ всемогущъ и благъ, но во многомъ уступаетъ необходимости судьбы; и что если пересказать въ подробности, какъ добрыя ученія внѣшняго лобомудрія оскверняются незлымъ прибавленіями? По отъятіи только сихъ послѣднихъ Ангелъ Божій содѣлывается къ намъ милостивъ, радуясь истинному порожденію таковыхъ ученій.

Но возвратиться должно къ послѣдовательности слова, чтобы и намъ, когда будемъ близки къ египетскимъ подвигамъ, встрѣтилось со временемъ братское сиомоществованіе. Ибо знаемъ, что у Моисея, въ началѣ добродѣтельной его жизни, происходитъ бранная и воинственная встрѣча: Египтянинъ притѣсняетъ Еврея, и также Еврейъ возстаетъ на единоплеменника. Если же онъ своими добродѣтелями при долговременной попечительности, въ слѣдствіе бывшаго въ высшей степени озаренія, достигнувъ большаго изъ душевныхъ преснѣній, имѣетъ дружественную и мирную встрѣчу, по Божію внушенію, во срѣтеніе ему исходитъ братъ; то (если сіе историческое событіе примѣнить къ иносказательному воззрѣнію) и мы найдемъ это не бесполезнымъ для своей цѣли. Ибо дѣйствительно преуснѣвающимъ въ

добродѣтели оказывается отъ Бога данное естеству нашему вспоможеніе, которое по первоначальному бытію предваряетъ, но является и познается тогда уже, какъ при внимательности и почительности достаточно освоившись съ высшимъ житіемъ, приуготовимся къ труднѣйшимъ подвигамъ. Но, чтобы не разрѣшать намъ гаданія гаданіемъ же, мысль свою объ этомъ изложимъ открытѣе.

Есть нѣкое ученіе, заимствующее достовѣрность изъ отеческаго преданія, и оно говоритъ: когда естество наше пало въ грѣхъ, Богъ паденія нашего не оставилъ Своимъ промысломъ, но въ помощь жизни cadaго представляетъ нѣкоего Ангела изъ пріавшихъ безплотное естество; но и съ противной стороны раститель естества ухищряется на тоже посредствомъ нѣкоего лукаваго и злоторнаго демона, который бы вредилъ человѣческой жизни. Человѣкъ же, находясь среди сихъ двухъ сопровождающихъ его, такъ какъ цѣль cadaго изъ нихъ противна другому, самъ собою дѣлаетъ одного сильнѣйшимъ другаго. Добрый Ангель предугазываетъ помысламъ блага добродѣтели, какія преусилѣвающимъ открываются въ унованіи. А другой показываетъ вещественныя удовольствія, отъ которыхъ нѣтъ никакой надежды на блага, только настоящее, вкушаемое, видимое порабощаетъ чувства малосмысленныхъ. Посему, если кто чуждается

того, что машитъ къ худому, устремивъ помыслы къ лучшему, и порокъ какъ бы поставилъ позади себя, а душу свою, какъ нѣкое зеркало, обратилъ лицомъ къ унованію благъ, чтобы въ чистотѣ собственной его души нанечатались всѣ изображенія и представленія указуемой ему Богомъ добродѣтели: то срѣтаетъ его тогда, и оказываетъ ему вспоможеніе, братъ; ибо по дару слова и по разумности души человеческой Ангель нѣкоторымъ образомъ дѣлается человѣку братомъ, (какъ сказано), являясь ему и при немъ находясь тогда, когда приближаемся къ Фараону.

Но въ той мысли, что таковой взглядъ ума можно во всей связи приспособить къ цѣлому изложенію исторіи, если что либо въ написанномъ окажется не подходящимъ подъ сіе разумѣніе, ради того самого никто да не отвергаетъ всего, а напротивъ того пусть всегда помнитъ цѣль нашего слова, которую имѣя въ виду, излагаемъ сіе, напередъ сказавъ въ самомъ началѣ, что житія мужей благоискусныхъ предлагаются потомству въ образецъ добродѣтели. Для соревнующихъ же дѣламъ ихъ невозможно идти по тѣмъ же самымъ слѣдамъ: найдется ли напримѣръ еще народъ, по переселеніи размножающійся во Египтѣ? Также найдется ли порабощающій его мучитель, неурядивно расположенный къ мужескому полу и заботящійся о размноженіи пола болѣе

нѣжнаго и немощнаго? Найдется ли гдѣ и все прочее, что содержитъ въ себѣ сія исторія? И такъ, поелику оказывается невозможнымъ чудесамъ сихъ блаженныхъ подражать въ тѣхъ же самыхъ событіяхъ; то заимствуемое изъ дѣйствительнаго послѣдованія событій пусть будетъ прилагаемо къ какому либо правственному ученію, и ревнителямъ добродѣтели да послужитъ это нѣкоторымъ пособіемъ для таковой жизни. Если же какое либо изъ историческихъ событій самая необходимость вещей принуждаетъ оставаться внѣ связи принятаго разумѣнія: то, отложивъ оное въ сторону, какъ не полезное и неслужащее къ нашей цѣли, должны мы не прерывать ученія о добродѣтели. А говорю это, имѣя въ виду мнѣніе объ Ааронѣ, и предупреждая то возраженіе, какос можно сдѣлать на основаніи послѣдующихъ событій.

Иный скажетъ: у Ангела, какъ существа разумнаго и безплотнаго, есть сродство съ душою, и несомнѣнно то, что онъ старѣе насъ по устроенію, оказываетъ помощь вступающимъ въ борьбу съ сопротивными; но пѣтъ основанія въ образѣ ангела представлять себѣ Аарона, который содѣйствовалъ Израильтянамъ въ идолопоклонствѣ. Въ отвѣтъ таковому, отступивъ отъ связи рѣчи, скажемъ тоже, что сказано прежде: если что не служить къ цѣли, то ради сего да не опровергается въ словѣ

согласіе въ прочемъ; и братъ и Ангелъ есть нѣчто одноименное, по своему значенію равно прилагаемое къ тому и другому изъ существъ противоположныхъ; ибо въ Писаніи именуется не только Ангелъ Божій, но и ангелъ сатанинъ; и не только добраго, но и злаго называемъ братомъ; Писаніе такъ говоритъ о добрыхъ: *братія въ нуждѣхъ полезни да будутъ* (Прит. 17, 17.), и о противоположныхъ имъ: *всякъ братъ записаниель заignetъ* (Иерем. 9, 4.). Упомянувъ же о семъ не въ связн рѣчи кратко, и точнѣйшее обозрѣніе отлагая до мѣста, собственно сему принадлежащаго, коснемся теперь того, что предлежитъ намъ.

Итакъ, кто самъ себя укрѣпилъ явившимся ему свѣтомъ, и приобрѣлъ себѣ такого брата, — поборника и помощника, тотъ смѣло ведетъ съ народомъ слово объ истинѣ, напоминаетъ объ отеческомъ благородствѣ и подаетъ мысль, какъ освободиться отъ бреня и тяжкаго иноподѣланія. Посему чему же научаетъ насъ этимъ исторія? — Тому, чтобы не отваживался говорить народу, кто таковою же жизнію неуготовалъ слова для собесѣдованія со многими. Ибо видишь: Моисей, будучи еще юнымъ, пока до такой мѣры не возросъ въ добродѣтели, не признанъ способнымъ къ тому, чтобы стать совѣтникомъ мира и для двоихъ враждующихъ между собою, а теперь ведетъ рѣчь со многими вдругъ тысячами. И едва не громо-

гласно воиетъ тебѣ сія исторія: не отваживайся, какъ учитель, подавать совѣты слушателямъ, если великою и продолжительною понечительностію не укрѣпишь для этого силъ своихъ.

Но слова оказались дѣйствительными, свобода возвѣщена, слушатели одобрены и возделѣваютъ оной; этимъ раздражается врагъ и послушныхъ слову подвергаетъ большому страданію. Тоже самое бываетъ и нынѣ. Ибо многіе изъ пріившихъ ученіе, освобождающее отъ мучителя, и послѣдовавшихъ проповѣди, и донынѣ отъ сокротившихъ тернять прираженія искушеній. И какъ многіе изъ нихъ, окрѣпнувъ отъ прираженія къ нимъ горестей, дѣлаются благоискусными и болѣе твердыми; такъ иные изъ немощныхъ, въ подобныхъ обстоятельствахъ, упадаютъ духомъ, открыто говоря, что гораздо лучше было бы для нихъ оставаться неслыхавшими проповѣди о свободѣ, нежели, по этой причинѣ, испытывать такіа бѣдствія. Сіе самое произошло и тогда: Израильтяне по малодушію обвиняли возвѣстившихъ имъ освобожденіе отъ рабства. Но тѣмъ паче да не ослабѣваетъ слово, привлекающее къ прекрасному, хотя иный, какъ младенецъ и несовершенный умомъ, но непривычкѣ къ искушеніямъ, дѣтски боится ихъ. Ибо вредоносный и тлетворный демонъ о томъ и старается, чтобы подчинившійся ему чело-

вѣкъ, не на небо взиралъ, но поникалъ очами къ землѣ, и дѣлалъ въ себѣ изъ брениа пшныи. Чтò служащее къ вещественному наслажденію непремѣнно берется изъ земли или воды, для всякаго это явно. Чтò со тцаніемъ добывается для чрева и слѣдѣй, чтò признается богатствомъ, — это смѣщеніе земли и воды, и дѣлается и именуется брениемъ. Жадные до спхъ бренихъ удовольствій, наполняя себя ими, никогда не сохраняютъ полного той пустоты, которая ихъ пріемлетъ въ себя. Напротивъ того непрестанно наполняемое дѣлается пустымъ для притекающаго вновь. Такъ и плинѣодѣлатель, пмѣя въ виду плинѣу за плинѣой, безъ труда можетъ уразумѣть эту загадку; удовлетворивъ своему пожеланію въ чемъ либо одномъ изъ того, о чемъ человекъ старался, если пожеланіе склонится къ чему либо другому, оказывается также и въ этомъ неудовлетвореннымъ. А если и въ томъ удовлетворится, для другаго опять ощущаетъ въ себѣ пустоту и просторъ. И это не перестаетъ непрерывно въ насъ совершаться, пока не кончитъ кто этой вещественной жизни.

Чтò же такое стеблие и плева изъ стеблій, которую повинующійся мучительскимъ приказаніемъ принужденъ примѣнивать къ плинѣѣ? И Божественнымъ Евангеліемъ и высокимъ гласомъ Апостола истолковано сіе намъ, а именно, что и плева (Матѣ. 3, 12. 1 Кор. 3,

12.) равно служить пищею огню. — Посему, когда кто изъ преданныхъ добродѣтели пожелаетъ порабощенныхъ прелестію отвлечь въ жизнь любомудренную и свободную, тогда ухитряющійся противъ дугъ нашихъ, по слову Апостола, на различныя козны (Еф. 6, 11.), закону Божественному противопоставить умѣтъ обольстительныя лжеумствованія. Говорю же сіе, обращая рѣчь къ египетскимъ зміямъ, то есть, къ различнымъ кознямъ прелести, обрацаемымъ въ ничто Моисеевымъ жезломъ, котораго, сколько было пужно, въ довольной мѣрѣ касалось уже наше обозрѣніе.

Посему тотъ, кто приобрѣлъ этотъ непроборимый жезлъ добродѣтели, — жезлъ уничтожающій жезлы ухищренныя, нѣкимъ путемъ и послѣдовательно восходитъ къ большимъ чудесамъ. Чудотвореніе же не съ цѣлію изумить слышащихъ совершается, но имѣеть въ виду пользу спасаемыхъ; потому что чудесами добродѣтели истребляется враждебное для нихъ, и умножается имъ соплемечное. Постараемся же дознать прежде всего самое общее изъ чудесъ частныхъ, цѣль, къ какой они возводятъ; тогда только возможно для насъ будетъ составить приличное понятіе и о каждомъ чудѣ въ отдѣльности. Ибо ученіе истины неодинаково дѣйствуетъ, смотря по расположеніямъ пріемлющихъ слово. Хотя слово всемъ равно показываетъ худое или доброе, одна-

коже, кто съ убѣжденіемъ пріемлетъ показанное, у того умъ во свѣтъ; а кто упорствуетъ и не соглашается обратить душевный взоръ къ лучу истины, для того пребываетъ мракъ невѣдѣнія. Если понятіе наше о чемъ либо подобномъ не сложно въ своей цѣлости, то не инаково оно, конечно, и въ подробностяхъ, какъ показало въ словѣ частное изслѣдованіе. Посему неудивительно, что Еврей, живя среди иноплемениковъ Египтянъ, остается не претерпѣвающимъ египетскихъ бѣдствій. Ибо можно видѣть, что и нынѣ совершается тоже. Въ многолюдныхъ городахъ, когда жители держатся противоположныхъ мнѣній, для однихъ сладокъ и чистъ потокъ вѣры, которымъ орошаютъ ихъ Божественное ученіе, а для держащихся египетскаго образа мыслей вода сія дѣлается поврежденною кровію. Лжемудрованіе прелести покусается нерѣдко и еврейское питіе скверною жию обратить въ кровь, т. е., и наше ученіе даже намъ показать не таковымъ, каково оно въ дѣйствительности. Но не сдѣлаетъ питія сего совершенно негоднымъ къ употребленію, хотя безъ труда придастъ ему кровавый видъ для обмана; потому Еврей пьетъ истинную воду, не обращая вниманія на обманчивый видъ, хотябы противники и старались увѣрить, что это—кровь.

Такъ и этотъ гнусный и крикливый родъ жабъ, эти животныя пресмыкающіяся и ска-

чуція, непріятныя не только по виду, но и по зловонію кожи, внолзають и въ дома, и на ложи, и въ хранилища къ Египтянамъ, но не касаются жизни Евреевъ. Ибо тлетворныя порожденія грѣха дѣйствительно составляютъ родъ жабъ, зараждающихся, какъ въ грязи, въ нечистомъ сердцѣ человѣческомъ. Сн-то жабы живутъ въ домахъ у уподобляющихся Египтянамъ избраніемъ рода жизни, являются у нихъ на трапезахъ, не удаляются съ ложей, проникають въ хранилища жизненныхъ припасовъ. Ибо, какъ скоро увидишь нечистую и невоздержную жизнь, подлинно изъ брѣни и грязи раждающуюся, и при угодобленіи безсловеснымъ въ образѣ своего поведенія не держащуюся въ точности ни того ни другаго естества, увидишь, что, кто по природѣ чловѣкъ, тотъ по страсти дѣлается скотомъ, и тѣмъ показываетъ въ себѣ этотъ земнородный и обоюдный образъ жизни; то найдемъ при этомъ признаки подобной болѣзни, не на ложахъ только, но и на трапезѣ, и въ хранилищахъ, и по всему дому. Таковый во всемъ выражаетъ свое распутство, такъ что по заботамъ, какія въ домѣ, всякому легко узнать жизнь и невоздержнаго и благоправнаго чловѣка. Когда въ домѣ развратнаго на штукагуркѣ стѣны какими либо искусственными изображеніями указывается служащее къ воспламененію страстнаго сластолюбія и напоми-

нающее собою свойство болѣзни; потому что при видѣ безчестныхъ зрѣлищъ вливается въ душу страсть; тогда у цѣломудреннаго приняты во всемъ осторожность и предусмотрительность, чтобы сохранить око чистымъ отъ страстныхъ зрѣлищъ. А также и транеза чиста у цѣломудреннаго, но полною жабъ и многихъ мясовъ оказывается она у пресмыкающагося въ грязной жизни. Заглянешь ли въ его кладовья, то есть, въ сокровенности и тайны его жизни, тѣмъ паче въ нихъ у ненужныхъ найдешь кучу жабъ.

Если же исторія скажетъ, что у Египтявъ произвелъ это жезлъ добродѣтели, то да не смущаетъ насъ сказанное. Ибо исторія говоритъ также, что и мучитель ожесточенъ Богомъ. За что былъ бы осужденъ, кто по необходимости получилъ бы свыше жестокое и упорное расположеніе сердца? Подобное сему говоритъ и гдѣ и божественный Апостоль: *якоже не искушиша имъти Бога въ разумъ, сего ради предаде ихъ Богъ въ страсти безчестія* (Рим. 1, 28.), разумѣя сіе о мужеложникахъ и опозорившихъ себя безчестными и неслезанно распутными правами. Но хотя такъ выражено сказанное въ божественномъ Писаніи; однакоже не Богъ дѣластъ предающимся страсти безчестія того, кто стремится къ этому. И Фараонъ не по Божію изволенію ожесточается, и не добродѣтелию прозводится эта княщая

жабами жизнь. Ибо если бы угодно сіе было Божіей волѣ, то, безъ сомнѣнія, такое изволеніе простиралосьбы равно на всѣхъ, такъ что относительно къ жизни не усматривалосьбы различія между какою либо добродѣтелію и порокомъ. Если же каждый по своему пользуется жизнью, — одни преусиѣваютъ въ добродѣтели, а другіе впадаютъ въ порокъ; то никто не имѣетъ основанія высшимъ какимъ либо необходимостямъ, установленнымъ Божіею волею, вмѣнять сіи разности въ жизни, которыя содержитъ во власти своей произволь каждаго. Посему, кто предастся страсти безчестія, о томъ ясно можно дознать у Апостола. Кто *не искусилъ ильти Бога въ разумъ*, того не Богъ, наказуя за то, что не познано имъ бытіе Божіе, предаеть страсти, по то самое, что не познаеть онъ Бога, служитъ причиною, по которой вовлекается онъ въ жизнь страстную и безчестную. Какъ, если бы кто сказалъ, что такого-то ввергло въ ровъ солнце, на которое онъ не взглянулъ, то не заключимъ, что свѣтило, предавшись гнѣву, столкнуло въ ровъ не хотѣвшаго увидѣть его, но каждый, разсуждая основательно, пойметъ сказанное такъ, что не смотрящему на солнце и не пользующемуся свѣтомъ его сіе самое служитъ причиною паденія въ ровъ: такъ законно будетъ понимать и апостольское слово, что неразумѣющіе Бога предаются въ страсти

безчестія. И египетскій мучитель ожесточается Богомъ: — не въ томъ смыслѣ, что Божиимъ изволеніемъ въ Фараонову душу вложено упорство, но въ томъ, что Фараоновъ произволь, но склонность къ пороку, не принялъ слова смягчающаго упорство. Такъ и жезлъ добродѣтели, явленнй Египтянамъ, Еврея дѣлаеть чистымъ отъ кивящей жабами жизни, а жизнь египетскую показываетъ страждущею отъ таковой болѣзни.

Но вотъ и другой случай: Моисей простираетъ на жабъ руки, и онѣ исчезаютъ. Это же, какъ можно узнать, совершается и нынѣ. Ибо уразумѣвшіе сіе простертіе рукъ законодательскихъ (уразумѣнь же непременно, что говоритъ тебѣ сія загадка, а именно чрезъ законодателя Моисея дасть познать истиннаго Законодавца, а чрезъ простертіе рукъ—Простершаго руки на крестѣ), хотя незадолго до сего жили нечистыми и полными жабъ помыслами, какъ скоро обратятъ взоры къ Простершему за насъ руки,—освободятся отъ лукаваго ихъ сожительства, по умерщвленіи и истребленіи страсти. А дѣйствительно освободившимся отъ таковой болѣзни, по умерщвленіи пресмыкающихся движеній, воспоминаніе о прежней жизни дѣлается какимъ-то неумѣстнымъ и зловоннымъ, неприятымъ душѣ, по причинѣ стыда, какъ говорятъ Апостолъ тѣмъ, которые, отложившись отъ порочной жизни,

приступили къ добродѣтели : *кій убо тогда ильсте плодъ , о нижеже нынѣ стыдитесь* (Рим. 6, 21.)?

Въ этомъ же смыслѣ разумѣй и то, что отъ жезла воздухъ въ глазахъ Египтянъ очерняется, а для Евреевъ озаряется солнцемъ, чѣмъ и подтверждается особенно основаніе высказанной нами мысли, что не понудительная вѣкая свыше сила заставляеть одного быть во мракѣ, а другаго во свѣтѣ. Напротивъ того мы люди у себя дома, въ своемъ естествѣ и произволѣ, имѣемъ причины и свѣта и тмы, дѣлаясь тѣмъ, чѣмъ сами пожелаемъ. Ибо, по сказанію исторіи, не по причинѣ какой либо стѣны или горы, преграждающей зрѣніе и остапавливающей лучи, когда Евреи наслаждались свѣтомъ, Египтяне оставались нечувствительными къ сему дару. Такъ во власть каждому равно предоставлена жизнь во свѣтѣ; но одни ходять во тмѣ, лукавыми предначинаціями вводимые въ грѣховный мракъ; другіе осіяваются свѣтомъ добродѣтели. Если же, послѣ трехдневнаго злостраданія во тмѣ, и Египтяне дѣлаются причастниками свѣта; то, можетъ быть, возбужденіемъ симъ кто либо изъ жившихъ прежде по-египетски, чрезъ познаніе Распятаго и при помощи покаянія возведеть мысль къ предложенію отъ порока къ добродѣтели. Ибо она, по сказанію исторіи, *осязаемая тма* (Исх. 10, 21.), и по самому имени, и по зна-

ченію онаго, имѣеть великое сродство со тмою невѣдѣнія и грѣха. Но та и другая тма разрѣшастся, какъ скоро Моисей (что разумѣлось и въ сказанномъ прежде) простирать руки надъ пребывающими во тмѣ.

А равно согласно съ симъ разумѣть можно и тотъ нещный прахъ, который производитъ болѣзненные струны на Египтянахъ (Исх. 9, 8. 9.), и загадочно подъ именемъ печи означаетъ наказаніе гесскимъ огнемъ, угрожающее и уготовляемое только тѣмъ, которые живутъ подобно Египтянамъ, т. е. какъ говорили мы неоднократно, живутъ худо, и не покаяются простертію рукъ Христовыхъ. Есть ли же кто истинный Израильянинъ и сынъ Авраамовъ, Аврааму уподобляется жизнию, такъ что своимъ произволеніемъ доказываетъ тѣсное родство съ избранными; то онъ спасается отъ онаго печнаго мученія. Но и то, что, по данному нами истолкованію, простертіемъ рукъ Моисеевыхъ означается и для живущихъ подобно Египтянамъ, можетъ нѣкогда послужить уврачеваніемъ отъ мученія и избавленіемъ отъ наказаній.

А о мелкихъ оныхъ скннцахъ, которые не примѣтнымъ угрызеніемъ причиняють боль Египтянамъ, о песнхъ мухахъ, при угрызеніи болѣзненно вшивающихся въ тѣла, объ истребленіи плодовъ земледѣлія плугами, о пламенникахъ, падающихъ свыше вмѣстѣ съ камен-

нымъ градомъ, — да потрудится иный и самъ, въ связи съ изслѣдованнымъ прежде, ида тѣмъ-же путемъ, составить о каждой казни приличное понятіе; такъ какъ все это, по сказанному выше, производитъ египетскій произволь, налагаетъ же на Египтянъ нелицеприятное Божіе правосудіе. Но слѣдуя сему, и мы будемъ разумѣть такъ, что горестное посылается отъ Бога достойнымъ того, каждый же самъ для себя бываетъ виновникомъ сихъ бичей, собственнымъ своимъ произволомъ уговоряя себѣ ожидающія его скорби, какъ говоритъ Апостоль, обращая рѣчь къ одному изъ таковыхъ: *по жестокости твоей и не покаянному сердцу собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и откровенія праведнаго суда Божія, Иже воздастъ коемуждо по дѣламъ его* (Рим. 2, 5. 6.). Какъ отъ безпорядочнаго рода жизни во внутренностяхъ составляется тлетворный желчный какой-то сокъ, и врачу, съ помощію искусства извлекшему его рвотою, не поставляется въ вину, будтобы самъ онъ произвелъ въ тѣлѣ этотъ болѣзненный сокъ, тогда какъ онъ произведенъ безпорядочнымъ употребленіемъ пищи, а врачебная наука извела его наружу: такъ, хотя говорится, что имѣющимъ злое произволеніе отъ Бога бываетъ скорбное воздаяніе; но сообразнѣе съ разумомъ понимать сіе такъ, что таковыя страданія заимствуютъ свое начало и причину въ насъ са-

михъ. Ибо для жившаго безгрѣшно нѣтъ ни тмы, ни червя, ни гесны, ни огня, ни чего либо инаго страшнаго по именованію и на самомъ дѣлѣ, какъ и исторія говоритъ, что для Евреевъ не существовали египетскія казни. Посему, если въ одномъ и томъ же, что одному служитъ во зло, а другому нѣтъ, разность произволенія то и другое показываетъ въ противоположности; то ясно, что никакое зло не можетъ состояться безъ нашего произвола.

Но приступимъ къ продолженію слова, предыдущими изслѣдованіями, достаточно научившись, что и Моисей опытный и всякій, подобно ему возвысившійся добродѣтелию, какъ скоро долговременнымъ попеченіемъ о правой высокой жизни и озареніемъ свыше укрѣпилъ душу, — почитасть для себя утратою для единоплеменныхъ ему не быть руководителемъ къ свободной жизни. И пришедши къ нимъ, представленіемъ тяжкихъ страданій влагаеть въ нихъ сильнѣйшее пожеланіе свободы; готовясь избавить соотечественниковъ отъ бѣдствій, предаеть смерти всякаго египетскаго первенца. А это дѣлаеть, узаконяя намъ уничтожать первое зарожденіе зла; ибо иначе не возможно избѣгнуть египетской жизни. И мнѣ кажется, прекрасно сдѣлаемъ, если не оставимъ сію мысль безъ обозрѣнія. Ибо если кто обратитъ вниманіе только на исторію, то какъ сохра-

нится боголѣнное понятіе о происшедшемъ по ея сказанію? Несправедливо поступаетъ Египтянинъ, и за него терпитъ наказаніе недавно родившійся младенецъ, которому, по несовершенству возраста, неизвѣстно и различіе между добромъ и зломъ, котораго жизнь не причастна порочной страсти; потому что младенчество его не даетъ въ себѣ и мѣста страсти; не знаетъ онъ разности между правой и лѣвой рукой, къ одной кормилицѣ обращаетъ взоры; одно у него тѣлесное ощущеніе скорбнаго—слеза; а если получить то, чего желаетъ природа, выражаетъ удовольствіе улыбкою. И онъ-то удовлетворяетъ правосудію за отеческій грѣхъ. Гдѣ же правда? Гдѣ благочестіе? Гдѣ святость? Гдѣ Іезекиль, который взываетъ: *душа согрѣшающая, та умретъ: не возметъ неправды отца своего рожденный иль* (Іезек. 18, 20.)? Почему исторія узаконяетъ противное слову Писанія? Посему согласиѣ съ разумомъ будетъ, держась смысла возводящаго выше (б), если и совершилось что прообразовательно, вѣрить, что Законодатель въ описаніи совершившагося излагаетъ правило. Излагаемое же здѣсь правило таково: при помощи добродѣтели борющемуся съ какимъ либо порокомъ должно уничтожать въ

(б) Точнѣе: взирая на аналогію смысла.

себѣ первыя начала злыхъ дѣлъ; ибо съ истребленіемъ начала уничтожается вмѣстѣ и слѣдующее за нимъ, какъ Господь учитъ въ Евангелии, едва не ясными словами говоря объ умерщвленіи первенцевъ египетскихъ золь, когда повелѣваетъ умертвившимъ въ себѣ похоть и гнѣвъ не бояться уже ни скверны — прелюбодѣянія, ни ужасовъ убійства; потому что и то и другое не бываетъ само собою, если не породить гнѣвъ — убійства, и похоть — прелюбодѣянія. Посему, такъ какъ чреватый грѣхомъ прежде прелюбодѣянія раждаетъ похоть, и прежде убійства — гнѣвъ: то убивающій первенца безъ сомнѣнія, убиваетъ и послѣдующее за первенцемъ поколѣніе, какъ и поразившій голову змѣи умерщвляетъ цѣлый ея составъ, какой влачитъ она за собою сзади.

Но сего не можетъ быть, если во входахъ нашихъ не излита оная кровь, которая обращаетъ въ бѣгство всегубителя. И если надлежитъ точнѣе выразумѣть въ сказанномъ заключенный въ семь смыслъ; то исторія къ уразумѣнію сего приводитъ тѣмъ и другимъ, какъ тѣмъ, что умерщвляются первенцы, такъ и тѣмъ, что входъ огражденъ кровію; ибо тамъ уничтожается первое устремленіе зла, а здѣсь истиннымъ Агнцемъ отвращается первый къ намъ входъ порока. Не тогда примышляемъ изгонять всегубителя, когда онъ уже вошелъ, но, чтобы не проникло къ намъ и самое на-

чало, поставляемъ по закону стражу. А стражею и огражденіемъ служить, — кровію Агнца положенное знаменіе на *праиь* и на *подвоихъ* входа (Исх. 12, 7.). И сямъ писаніе загадочно преподаеть о душѣ нашей тоже естествословіе, какое измыслила и виѣшняя ученость, раздѣляющая душу на силу разумную, вождельвательную и раздражительную. Говорять же, что подчинено имъ и вождельніе, съ обѣихъ сторонъ поддерживающее познавательную силу души, что разсудокъ, будучи сопряженъ съ обѣими силами, править ими, и отъ нихъ заимствуетъ силу, раздражительностію укрѣпляется въ мужествѣ, а вождельніемъ возвышается до причастія добра. Посему, пока душа ограждена такимъ соотношеніемъ своихъ силъ, какъ бы клиньями какими, твердо сплоченная своими понятіями о добродѣтели, пользуется она всякимъ взаимнымъ ихъ содѣйствіемъ къ произведенію прекраснаго, между тѣмъ какъ разсудокъ самъ собою доставляетъ безопасность низшимъ силамъ, а частію и отъ нихъ заимствуется равнымъ даромъ. Если же это соотношение силъ будетъ извращено, и высшее сдѣлается низшимъ, такъ что разсудокъ, направъ до понижаемаго, вождельвательное и раздражительное расположеніе поставитъ вверху себя; то всегубитель проникаеть тогда во внутренность, и вѣществію его не препятствуетъ никакое противодѣйствіе крови, то есть, пребы-

вающимъ въ такомъ расположеніи не снобораетъ вѣра во Христа; ибо повелѣно помазать кровью сперва верхній брусъ въ двери, а потомъ уже касаться обоихъ подвоевъ. Но какъ же помазать кому сперва верхъ, когда не отыскивается верха?

Если же не оба сіи дѣйствія, и избіеніе первенцевъ, и изліяніе крови, совершаются у Израильтянъ; то пимало не дивись сему, и не отвергай поэтому предложеннаго умозрѣнія объ истребленіи зла, какъ оказывающагося не соответственнымъ истинѣ. Ибо теперь подъ разностию именъ: Израильтянинъ и Египтянинъ разумѣли мы разность добродѣтели съ порокомъ. Итакъ, если по высшему смыслу предполагается подъ именемъ Израильтянина разумѣть добродѣтельнаго; то основательно будетъ кому либо требовать, чтобы избиваемы были не начатки порожденій добродѣтели, но то, что полезнѣе уничтожать, нежели воспитывать. Посему справедливо научены мы Богомъ, что должно убивать начатки египетскаго поколѣнія, чтобъ оскудѣвало зло, умяемое истребленіемъ начатковъ. Сіе разумѣніе согласно и съ исторією. Ибо чрезъ пролітіе крови совершается охраненіе израильскихъ порожденій, чтобы доброе пришло въ совершенство; а что, достигнувъ совершенства, умножаетъ египетскій народъ, то, прежде усовершенія во злѣ, уничтожилось. Сему же

вающимъ предлагаемому нами высшему понятію содѣйствуетъ то, что въ слѣдъ за симъ входитъ въ обзорніе сей исторіи. Ибо назначается пищею для насъ содѣлаться тому тѣлу, изъ котораго излита кровь, и показуемая на дверяхъ удаляетъ отъ насъ губителя Египтянъ.

И наружность вкушающихъ пищу сію представляется внимательною, озабоченною, не какъ у веселящихся на нирахъ, у которыхъ руки свободны, облаченіе одеждъ легкое, на ногахъ нѣтъ путнической обуви; а здѣсь все сему противно, ноги сжаты обувью, поясъ прижимаетъ облекающій хитонъ его къ чресламъ, въ рукѣ жезлъ грозный для псовъ. Въ семь-то видѣ предлагается имъ снѣдь безъ всякой поварской приправы, какъ случилось съ поспѣшностію изготовленная на огнѣ, и вкушающіе снѣдаютъ ее со всею скоростію, снѣдши одинъ передъ другимъ, пока не употребится вся плоть агнца; поглащая, что есть на костяхъ, не касаются они того, что внутри костей, потому что запрещено сокрушать кости сего агнца; а что остается отъ сей снѣди, то истребляется огнемъ. Изъ всего этого ясно, что здѣсь буква указываетъ на высшій нѣкій смыслъ; и этотъ законъ объясняетъ намъ не образъ вкушенія (для подобныхъ вещей достаточный законодатель — природа, вложившая въ насъ пожеланіе пищи), напротивъ того означаетъ симъ нѣчто другое. Ибо что будетъ для добро-

дѣтели, или для порока, отъ того, что пища принята такъ, или иначе? распущенъ, или стянутъ у ядущаго поясъ? ноги босыя, или надѣта обувь? въ рукѣ у него жезлъ, или отложенъ въ сторону? Но явно, что собою загадочно показываетъ этотъ путническій по наружности нарядъ. Ибо прямо повелѣваетъ познать здѣшнюю жизнь,—то, что, какъ путники, проходимъ мы настоящую жизнь, вмѣстѣ съ рожденіемъ по самой необходимости побуждаемые къ иществую, къ которому надлежитъ имѣть въ готовности и руки и ноги, и всеѣмъ прочимъ обезопасить себя на путь.

Чтобы тернія этой жизни (а тернія сіи — грѣхи) не уязвили босыхъ и ничѣмъ не охранныхъ ногъ, надѣнемъ на ноги жесткость сапоговъ; а это—воздержная и строгая жизнь, которая сама собою сокрушаетъ и стираетъ острія терній, препятствуетъ грѣху, изъ малаго и незамѣтнаго взявшись начала, проникать до внутренности. Хитонъ, спущенный до ногъ и покрывающій ихъ собою, послужитъ препятствіемъ протекающему путь сей со тщаніемъ; а подъ хитономъ, по связи понятій, да разумѣется у насъ обильное наслажденіе тѣмъ, что наиболѣе цѣнится въ сей жизни, сокращаемое нѣскольکو цѣломудреннымъ помысломъ—этимъ поясомъ путника. Что поясъ есть цѣломудріе, свидѣтельствуется это тѣмъ способомъ, по какому приводится въ дѣйствіе жизнь. И жезлъ,

защищающей отъ зѣрей, имѣеть значеніе надежды, которою и подкрѣпляемъ душу въ изнеможеніи, и отражаемъ отъ себя оскорбительнос. Подъ снѣдію же, предлагаемою намъ прямо съ огня (Исх. 12, 8.), разумѣю ту горячую и пламенѣющую вѣру, которую приедемъ безъ замедленія, и которой вкусивъ, сколько съ перваго раза принято ядушимъ, все сокровенное въ сихъ твердыхъ и неразлагаемыхъ понятіяхъ и глаголахъ оставляемъ безъ пытливости и развѣдыванія, предавая таковую пищу огню.

Въ уясненіе сихъ гаданій скажемъ то, что тѣ божественныя заповѣди, которыхъ смыслъ съ перваго взгляда удобопонятенъ, надлежитъ исполнять не лѣнливо и не принужденно, но подобно алчущимъ, съ желаніемъ насытиться предлагаемымъ, чтобы нища сія послужила для насъ напутіемъ къ здравію. А какія понятія сокровенны (на примѣръ: что такое сущность Божія? что было до сотворенія? что виѣ видимо? какая была нужда въ сотворенномъ? — и все подобное, изслѣдованіемъ чего занимается одно любопытство), о семъ не размысливать должно, но познаніе сего предоставитъ единому Святому Духу, испытующему, какъ говоритъ Апостоль, *глубины Божія* (1 Кор. 2, 10.). Ибо, что въ Писаніи вмѣсто Духа многократно упоминается и именуется огонь, извѣстно это каждому, кто изучалъ Писаніе. Къ та-

ковой же мысли приводитъ насъ и наставленіе премудрости: *крѣпльшихъ себе не испытуй* (Сир. 3, 21.), т. е. не сокрушай костей слова, потому что нѣтъ тебѣ потребности въ совро-венномъ.

Такъ Моисей силою изводитъ народъ изъ Египта: и всякій идущій по слѣдамъ Моисея тѣмъ же образомъ освободить отъ египетскаго мучительства всѣхъ, кѣмъ только руководить его слово. Но слѣдующимъ за симъ вождемъ къ добродѣтели, думаю, не должно быть скудными въ египетскомъ богатствѣ и нестяжателями иноплемennыхъ драгоценностей; но, взявъ у противниковъ всю собственность, надлежитъ имѣть это у себя, какъ заемъ; что сдѣлать народу и повелѣвается тогда Моисеемъ. Не одобритъ законодателя рѣшенія, кто по первому взгляду пойметъ сіе такъ, что будто бы Моисей велитъ давнихъ въ заемъ лишитъ собственности, и дѣлается наставникомъ несправедливости. Но никто и не скажетъ, что законодатель дѣйствительно отдалъ такое приказаніе, имѣя въ виду послѣдующіе законы, рѣшительно воспрещающіе всякую обиду ближнему, хотя инымъ и кажется справедливымъ дѣломъ, что Израильтяне симъ примышленіемъ взяли съ Египтянъ заслуженную плату: ибо вина не меньше, если такой приказъ не чистъ отъ лжи и обмана. Кто взялъ что нибудь заемъ, и не отдастъ опять за-

имодавцу, если это чужое, поступает несправедливо, какъ отнявшій собственность. Если же завладѣеть и своимъ, но обманувъ заимодавца надеждою получить назадъ, то, безъ сомнѣнія, будетъ названъ обманщикомъ. Посему того смысла, какой представляется съ перваго взгляду, приличнѣе понятіе высшее, повелѣвающее добродѣтельно ведущимъ свободную жизнь заготовлять богатство внѣшняго образованія, которымъ украшаются иноплеменики по вѣрѣ. Ибо нравственную и естественную философію, геометрію и астрономію, и словесныя произведенія, и все, что уважается пребывающими внѣ Церкви, наставникъ добродѣтели повелѣваетъ, взявъ въ видѣ займа у богатыхъ подобнымъ сему въ Египтѣ, хранить у себя, чтобы употребить въ дѣло при времени, когда должно будетъ божественный храмъ таинства украсить словеснымъ богатствомъ. Такъ собирающіе себѣ таковое богатство, каждый отъ себя приносятъ оное Моисею, трудящемуся надъ скиніею свидѣнія, удѣляя на устроеніе святыни. Это, какъ можно видѣть, дѣлается и нынѣ. Многіе внѣшнюю ученость, какъ вѣкій даръ, приносятъ Церкви Божіей. Таковъ и были великій Василій, прекрасно во время юности купившій египетское богатство, принесшій его въ даръ Богу, и таковымъ богатствомъ украсившій истинную скинію Церкви.

Но возвратиться должно къ тому, съ чего мы начали. Тѣхъ, которые обратили уже взоръ къ добродѣтели, и въ жизни послѣдуютъ законодателю, когда оставлятъ они предѣлы египетскаго владычества, сопровождаютъ какія-то прираженія искушеній, причиняющимъ затрудненія, страхованія и крайнія опасности, которыми приводимый въ боязнь умъ не утвердившихся еще въ вѣрѣ впадаетъ въ совершенное отчаяніе сподобиться благъ. Но если будетъ Моисей, или кто изъ подобныхъ ему вождей народа; то онъ противопоставитъ страху совѣтъ, устрашенный умъ ободря упованіемъ на божественную помощь, чего, впрочемъ, не было бы, если бы сердце предстоящаго не возглаголало къ Богу. Ибо многіе изъ поставленныхъ на таковое предстояніе заботятся только о внѣшнемъ, чтобы оно было въ хорошемъ положеніи, а о сокровенномъ, что видимо одному Богу, мало у нихъ попеченія. Не такъ было у Моисея; въ чемъ онъ повелѣваетъ Израильтянамъ благодушествовать, не произнося, по видимому, никакого гласа къ Богу, о томъ воиеть, какъ свидѣтельствуеть о семъ Самъ Богъ, паучая, думаю, словомъ симъ и насъ, что благозвучень и доходитъ до Божія слуха оный именно гласъ,—не вопль, съ напряженіемъ издаваемый, но помышленіе, возсылаемое отъ чистой совѣсти.

А кто таковъ, тому для помощи въ закон-

ныхъ борьбахъ малымъ уже оказывается братъ, — тотъ именно братъ, по Божіей волѣ срътившій Моисея идущаго къ Египтянамъ, котораго слово сіе представило въ чинѣ Ангела. Напротивъ того бываетъ тогда явленіе превысшаго Естества, открывающее Себя въ такой мѣрѣ, въ какой можетъ вмѣстить естество приѣмлющее. Что такъ было тогда, слышимъ это изъ исторіи, и что такъ бываетъ всегда, познаемъ умнымъ воззрѣніемъ. Ибо, когда побѣжитъ кто отъ царя египетскаго, и вѣдь уже его предѣловъ убоится прираженія искушеній; тогда вождь укажетъ ему неожиданное спасеніе свѣше. Когда обрѣжающей преслѣдуемаго силою своею врагъ по необходимости дѣлаетъ для него проходимымъ море, къ которому ведетъ вождь—облако (вотъ имя вождю, какое бывшими прежде насъ прекрасно принято въ значеніе благодати Святаго Духа); тогда симъ-то вождемъ совершается путеводительство достойныхъ къ добру. Кто ему послѣдуетъ, тотъ переходитъ чрезъ воду въ слѣдъ за шествующимъ по морю вождемъ, которымъ даруется безопасность въ свободѣ, но уничтоженіи въ водѣ преслѣдовавшаго въ рабствѣ.

Ибо кто не знаетъ, что египетское воинство — наши многоразличныя душевныя страсти, которыми порабощается человѣкъ? Это — кони, это колесницы и всадники на нихъ, стрѣлки, пращники, тяжело вооруженные, и

прочее множество вражеской дружины. Ибо скажетъ ли кто, что раздражительные помыслы или стремленія къ удовольствію, къ печали, къ любостыжательности, отличаются чѣмъ либо отъ уномяпугаго вопнства? Злословіе — вотъ камень, прямо пущенный изъ пращи; порывъ раздражительности—вотъ копье, потрясающее остріемъ; а страсть къ удовольствіямъ будемъ представлять себѣ конями, съ неудержимымъ какимъ-то порывомъ влекущими за собою колесницу и трехъ всадниковъ въ ней, которыхъ именуетъ исторія *тристатани*.

Подъ сими тремя несущимися на колесницѣ, научившись предварительно таинственному значенію подвоевъ и прага, уразумѣешь, конечно, тречастное раздѣленіе души, возводя понятіе къ разумному, вождельвательному и раздражительному въ душѣ. Итакъ все это и все единоплеменное съ симъ вмѣстѣ съ вождемъ лукаваго нашествія выдастъ за Израильтяиномъ въ воду. Съ сего времени естество воды, подъ водительствомъ вѣры въ жезлъ и освѣщающаго облака, дѣлается животворнымъ для прибѣгающихъ къ водѣ, и мертвящимъ для гонителей.

Сверхъ сего исторія научаетъ симъ, какowymi надлежитъ быть проходящимъ чрезъ воду, именно, по ншествіи изъ воды ничего не привлекающимъ за собою изъ сопротивнаго вопнства. Ибо если выйдеть съ кѣмъ врагъ,

то и послѣ воды остается онъ въ рабствѣ, извлеки живымъ мучителя, котораго не потопилъ въ глубинѣ. А этимъ (чтобы уяснить кому для себя сіе гаданіе, раскрывъ его вполне) означается, что всѣ преходящіе чрезъ таинственную воду въ крещеніи должны умертвить въ водѣ все полчище грѣха; какъ-то: любостыжательность, безчинное пожеланіе, хищнической замысль, страсть кичливости и гордыни, вспыльчивость, гнѣвъ, мстительность, зависть, ненависть; такъ какъ страстямъ нѣкоторымъ образомъ обычно слѣдовать за естествомъ человѣческимъ, должны они умертвить въ водѣ все сіе и подобное сему, а равно и самыя порочныя движенія мысли и ихъ послѣдствія, какъ въ таинствѣ пасхи, ибо это—имя той жертвы, кровь которой для воспользовавшагося ею дѣлается возбраненіемъ смерти. Посему, какъ тамъ законъ повелѣваетъ ѣсть хлѣбъ прѣсный—пасху (а опрѣснокъ готовится безъ примѣси старой закваски), и симъ даетъ разумѣть, что пресѣкшему непрерывное послѣдованіе вренени премѣненіемъ на лучшее должно уже къ послѣдующей жизни не примѣшивать никакого остатка грѣха, но положить послѣ сего особое начало жизни; такъ и здѣсь требуется, чтобы въ спасительномъ крещеніи, какъ бы въ нѣкой глубинѣ, потопивъ всякое египетское лице, то есть, всякій видъ грѣха, исходили мы одни, не вовлекая въ

жизнь ничего иноплеменинаго. Ибо сіе-то самое узнаемъ изъ исторіи, которая говоритъ, что въ одной и той же водѣ жизнью и смертію различаются враждебное и дружественное, враждебное предается тлѣнію, а дружественное оживотворяется. Такъ многіе изъ принявшихъ таинственное крещеніе, по незнанію законныхъ предписаній, предшествовавшую въ жизни закваску порока примѣшиваютъ къ жизни по крещеніи, и послѣ того, какъ прешли воду, своими начинаніями вмѣстѣ съ собою изводятъ живымъ и египетское воинство. Ибо инъй прежде дара крещенія обогатился хищничествомъ и неправдою, или клятвopреступленіемъ пріобрѣлъ что либо во владѣніе, или прелюбодѣйно жилъ съ женою, или отваживался въ жизни на иное что либо непозволительное, и думаетъ, что и послѣ купели, продолжая наслажденіе добытымъ прежде, свободенъ отъ грѣховнаго рабства, какъ не усматривающій, что покоренъ лукавымъ властителямъ. Ибо свирѣпый и неистовый властелинъ — страсть неоптребства, удовольствіями, какъ бичами какими, терзающая раболѣпный помысль. Другой подобный властелинъ — любостыжательность, не дающая никакого покоя своему служителю, который, чѣмъ больше работаетъ, услуживая велѣніямъ владыки и пріобрѣтая по его пожеланіямъ, тѣмъ къ большому всегда понуждается труду. И все иное, что дѣлается

ради грѣха, принадлежитъ къ числу мучителей и властителей; и если кто служить имъ, то, хотябы прешель онъ чрезъ воду, по моему мнѣнію, еще не коснулся воды таинственной, которой свойственно истреблять лукавыхъ мучителей.

Но обратимся опять къ тому, что слѣдуетъ въ словѣ. Кто прешель разумѣемое нами море, и видитъ въ немъ мертвымъ этого умопредставляемаго Египтянина, тотъ не только обращаетъ взоры къ Моисею, этому жезлоносцу добродѣтели, но преимущественно вѣруетъ Богу, какъ говоритъ слово повѣствованія, покорствуешь же и *уднику Ею Моисею* (Исх. 14, 31.). Это, какъ видимъ, бываетъ и нынѣ съ истинно прешедшими воду; они, предавъ себя самихъ Богу, повинуются и покарются, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 13, 17.), служащимъ Божеству въ священствѣ.

За симъ слѣдуетъ трехдневный отъ моря путь; и на ономъ, когда на цѣкомъ мѣстѣ расположились станомъ, найденная вода сперва оказалась негодною къ питію по причинѣ горечи; но вложенное древо сдѣлало ее пріятнымъ для жаждущихъ питіемъ. Сказаніе сіе сообразно съ ходомъ дѣль. Оставившему египетскія удовольствія, которымъ служилъ онъ до перехода чрезъ море, удаленная отъ удовольствій жизнь кажется сперва трудною и непріятною, но, если вложено будетъ въ воду древо, то

есть, если кто приметъ таинство воскресенія, которому начало положено древомъ (слыша же о дрѣвѣ, конечно, будешь разумѣть крестъ); то всякой сладости, удовольствіемъ исполняющей чувство, дѣлается тогда слаще и удобопіемѣ добродѣтельная жизнь, услаждаемая надеждою будущаго.

Мѣсто остановки въ дальнѣйшемъ путешествіи, украшенное финиковыми деревьями и источниками, упокоиваетъ утомленныхъ путниковъ. Двѣнадцать тамъ источниковъ водныхъ, текущихъ чистой и сладкой струей; и семьдесятъ финиковыхъ деревьевъ величественныхъ, сѣнолиственныхъ, съ годами достигшихъ высокаго роста. Чтоже находимъ въ этомъ по послѣдовательному порядку исторіи? То, что таинство древа, которымъ вода добродѣтели дѣлается удобопіемою для жаждущихъ, приводитъ насъ къ двѣнадцати источникамъ и семидесяти финиковымъ деревьямъ, то есть, къ евангельскому ученію, въ которомъ двѣнадцатью источниками служатъ Апостолы. Такое число на сію потребность избралъ Господь и содѣлалъ, что чрезъ нихъ источается слово, какъ и одинъ изъ Пророковъ предвозвѣстилъ объ источающейся отъ Апостоловъ благодати, когда говоритъ: *въ церквахъ благословите Бога, Господа отъ источниковъ Израилевыхъ* (Пс. 67, 27.). А семидесятью финиковыми деревьями пусть будутъ, кромѣ двѣнадцати учениковъ,

для цѣлой вселенной поставленные Апостолы, которыхъ столько же было числомъ, сколько, по сказанію исторіи, и финиковыхъ деревъ.

Но въ путешествіи семь надлежитъ, думаю, послѣшить словомъ; потому что изъ немногаго, нами примѣнительно представленнаго для трудолюбивыхъ, легко составить свой взглядъ и на прочіе станы. А станы сіи суть тѣ добродѣтели, въ которыхъ слѣдующій за столномъ облачнымъ народъ, идя впередъ, какъ бы располагается станомъ и упокоивается. Посему, миновавъ въ словѣ средніе станы, напомнимъ о чудотвореніи при камнѣ, котораго упорное и твердое естество содѣлалось питіемъ для жаждущихъ, по разрѣшеніи упорства въ мягкость воды. Но нѣтъ никакого труда послѣдовательность исторіи приспособить къ высшему взгляду. Кто Египтянина оставилъ мертвымъ въ водѣ, самъ услажденъ древомъ, напоенъ апостольскими источниками, и упокоивался подъ тѣнію финиковыхъ деревъ; тотъ дѣлается уже способнымъ принять Самаго Бога. Ибо камень, какъ говоритъ Апостоль, есть Христосъ (1 Кор. 10. 4.), для невѣрныхъ сухой и упорный, а какъ скоро приложить кто жезлъ вѣры, дѣлающійся удобопріимымъ для жаждущихъ и текущимъ внутрь пріемлющихъ Его: Я и Отецъ Мой, говоритъ Онъ, *придемъ и обитель у Него сотворимъ* (Іоан. 14. 23.).

Но достойно также не быть оставленнымъ безъ особаго вниманія и то, что по переходѣ

чрезъ море послѣ того, какъ услаждена вода путникамъ добродѣтели, послѣ пріятнаго пребыванія при источникахъ и финиковыхъ деревьяхъ, и послѣ питія изъ камня, тогда только дѣлается совершенное истощаніе египетскихъ путевыхъ запасовъ. И такимъ образомъ, когда не осталось у нихъ никакой иноплеменной пищи, взятой изъ Египта, свыше истекаетъ пища, какая-то вмѣстѣ разнообразная и однообразная; ибо по видимости была она однообразна, но въ качествѣ имѣла разнообразіе, для каждаго дѣлаясь сообразною роду его пожеланія. Чему же симъ пауцаемся? Тому, сколькими очистительными средствами надлежитъ очищать себя человѣку отъ египетской и иноплеменной жизни, чтобы влагалище души своей содѣлать пустымъ отъ всякой грѣховной пищи, какую уготовляютъ Египтяне, и потомъ уже чистою душею принимать въ себя свыше сходящую пищу, которую не сѣянiе при помощи земледѣлія произрастало намъ, но которая есть готовый несѣянный и не оранный хлѣбъ, сходящій свыше, обрѣтаемый же на землѣ.

По загадочному смыслу исторіи, безъ сомнѣнія, уразумѣешь сіе истинное *брашно* (Іоан. 6, 55.). а именно, что *хлѣбъ сходяй съ небесе* (33) не есть что либо не тѣлесное. Ибо нетѣлесное какъ будетъ пищею тѣлу? А нетѣлесное, безъ сомнѣнія, не есть тѣло. Тѣло же

хлѣба сего не воздѣлывало ни ораніе, ни сѣяніе; но земля, оставаясь такою, какова она есть, оказывается исполненною сей Божественной нищи, которой причащаются алчущіе, симъ чудотвореніемъ предварительно научаемые таинству Дѣвы. Посему невоздѣланный сей хлѣбъ есть и Слово, при разнообразіи качества измѣняющее силу свою соотвѣтственно способности ядущихъ; ибо не только можетъ быть хлѣбомъ, но содѣлывается и млеко, и мясомъ, и овощемъ и всѣмъ, что есть только пригоднаго и правящагося изъ предложеннаго въ нищу, какъ учить предложившій намъ, ученикамъ своимъ таковую трапезу, божественный Апостоль Павелъ, который слово свое обращаетъ для болѣе совершенныхъ въ твердую и плотную нищу, и для изнемогающихъ въ зеліе, для младенчествующихъ же въ млеко (1 Кор. 3, 2.).

А тѣ чудеса, какія повѣтствуетъ о сей пищѣ исторія, служатъ уроками для жизни добродѣтельной. Ибо говорить она, что всѣмъ предлагалась равная доля пищи, не по различію силы собирающихъ, не избыточествовала сверхъ потребности, и не имѣла недостатка (Исх. 16, 18.). А это, по моему разсужденію, есть совѣтъ, вообще предлагаемый всѣмъ, добывающимъ вещественныя средства къ поддержанію жизни, — не переступать предѣловъ потребности, но хорошо знать, что въ дѣлѣ

пронитанія для всего одна мѣра — дневное продовольствіе. Если приготовлено во много кратъ больше потребности, чреву не свойственно преступить собственную свою мѣру, и оно не расширяется по мѣрѣ избытка припасовъ; но, какъ говорить исторія, *непреизбыточествова иже мною пріятъ*; потому что негдѣ было положить излишнее, *и иже мало, неменьше пріятъ* (Исх. 16, 18.); потому что потребность удовлетворялась соразмѣрно съ найденнымъ. А тѣмъ, что у скрывающихъ излишнее, избытокъ превращается въ червей, слово сіе нѣкоторымъ образомъ громко вопіетъ любостязательнымъ, что все, удерживаемое сверхъ потребности, по этому любостязательному вождельнію на слѣдующій день, то есть, въ ожидаемой жизни, для сокрывавшаго это дѣлается червемъ. Но кто слышитъ о червѣ семъ, тотъ, конечно, пойметъ сіе о червѣ не умирающемъ, которому дастъ жизнь любостязательность.

А то, что отложенное только на субботу оставалось цѣлымъ, не подвергаясь никакой порчѣ, заключаетъ въ себѣ такой нѣкій совѣтъ: тогда полезно для тебя любостязательное произволеніе, когда собираемое не терпитъ порчи; тогда полезно для насъ дѣлаемое когда, прешедши пятокъ сея жизни, по смерти будемъ въ бездѣйствіи: ибо день предшествующій субботѣ есть и именуется приуготовле-

ніе (пятокъ) къ субботѣ; а это есть настоящая жизнь, въ которую заготовляемъ себѣ пужное для жизни грядущей. Въ ней не совершается ни одного изъ дѣлъ, дозволенныхъ намъ нынѣ, ни земледѣлія, ни торговли, ни военной службы, ни чего либо инаго, озабочивающаго насъ здѣсь, даже и вовсе ничего; но живя въ совершенномъ покоѣ отъ таковыхъ дѣлъ, будемъ собирать тамъ плоды сѣмянъ, посѣянныхъ нами нынѣ въ настоящей жизни, — и плоды нетлѣнные, если сѣмена настоящей жизни добрыя, — тлѣнные же и гибнущіе, если таковыми произрастятъ ихъ намъ дѣланіе сей жизни. Ибо сказано: *свѣтъ въ духа, отъ духа пожнетъ животъ вѣчный; а свѣтъ въ плоть, отъ плоти пожнетъ истлѣніе* (Гал. 7, 8.). Но одно уготовленіе къ лучшему, въ собственномъ смыслѣ, именуется пяткомъ; почему постановляется оупъ закономъ; и отложенное при ономъ есть нетлѣніе. Но разумѣмосъ въ противномъ смыслѣ должно быть наименовано не пяткомъ, а превращеніемъ пятка. Потому-то одинъ только пятокъ, служащій къ пресѣянью, узаконяетъ людямъ исторія, о противоположномъ же смысленнымъ даетъ разумѣть самымъ умолчаніемъ.

Но какъ при воинскихъ наборахъ предводитель войнства сперва обращаетъ вниманіе на заготовленіе сѣстныхъ припасовъ, и потомъ уже даетъ знакъ выходить на войну: такимъ же образомъ и войны добродѣтели, принявъ за-

насъ таинственной снѣди. потомъ уже начинають брань съ иноплемениками. предводителемъ въ битвѣ имѣя преемника Моисеева Исуса. Примѣчайте ли, какъ послѣдовательно идетъ слово? Пока человекъ, угнетенный лукавымъ мучительствомъ, еще немощенъ, не метитъ врагу самъ собою; потому что не въ силахъ; но другой сражается за немощныхъ, и наноситъ врагу ударъ за ударомъ. Когда же освободится отъ рабства преобладающимъ, усладится древомъ, упокоится отъ трудовъ въ пристанищѣ подъ финиковыми деревьями, познаетъ таинство камня и пріобщится небесной пищи; тогда уже, не чужею рукою метитъ неприятелю, но, какъ бы вышедши уже изъ дѣтскаго возраста, и достигнувъ цвѣтущей юности, самъ собою вступаетъ въ борьбу съ со-противникомъ, имѣя военачальникомъ, не Моисея, — служителя Божія, но Самаго Бога, у Котораго Моисей былъ служителемъ. Ибо законъ, данный въ началѣ въ образъ и сѣнь грядущаго, не остается ратоборствующимъ въ дѣйствительныхъ борьбахъ, — военачальствуетъ же исполнитель закона и преемникъ Моисеевъ, предвозвѣщаемый сомнеяностію тогдашняго военачальника.

А народъ, если видитъ руки законодателя воздѣтыми, беретъ въ битвѣ верхъ надъ врагомъ; если же видитъ опущенными, уступаетъ врагу. И воздѣвіе Моисеевыхъ рукъ озна-

часть взглядъ на законъ съ понятіями самыми высокими, а преклоненіе къ землѣ — низкое, но землѣ пресмыкающееся, истолкованіе и наблюденіе закона по его буквѣ. Отягчавшія руки Моисеевы поддерживаютъ священникъ, употребляя содѣйственникомъ близкаго ему по роду. И это не вѣтъ связи съ разсмотрѣннымъ: потому что истинное священство, по причинѣ соединеннаго съ нимъ Божія слова, тиготою іудейскаго смысла до земли униженную дѣйствительность закона снова возводитъ на высоту, и упадающій законъ подпираетъ камнемъ, чтобы опъ, возставъ, подъ образомъ воздѣянія рукъ, показывалъ взирающимъ свою цѣль. Ибо дѣйствительно способными сіе видѣть въ законѣ наипаче усматривается танцество креста. Посему говоритъ гдѣ-то Евангеліе, что *отъ закона* іота и черта не преходятъ (Матѣ. 5, 18.), означая въ сказанномъ двѣ черты, одну поперегъ и другую сверху въ низъ, которыми пишется образъ креста, что было видимо тогда и въ Моисеѣ, который разумѣется здѣсь вмѣсто закона, и для взирающихъ на него служитъ причиною торжества и побѣды.

Послѣдовательнымъ опять пѣкнімъ восхожденіемъ слово руководствуетъ мысль нашу на высоты добродѣтели. Ибо кто подкрѣпился въ силахъ пищею, показалъ эту силу въ борьбѣ съ противниками и оказался побѣдителемъ надъ противоборствующими, тотъ возводится тогда

къ таинственному оному боговѣдѣнію. А симъ научаетъ насъ слово, въ чемъ и сколько надлежитъ преуспѣть по жизни, чтобы осмѣлиться потомъ приступить мыслію къ горѣ боговѣдѣнія, услышать гласъ трубъ, войти во мракъ, гдѣ Самъ Богъ, и начертать на скрижаляхъ Божественныя писмена,—и если онѣ сокрушатся по чьему либо прегрѣшенію, снова представить Богу руками истесанныя скрижали, и чтобы на нихъ Божественнымъ перстомъ начертались писмена, не приведенныя въ исполненіе на первыхъ.

Но лучше будетъ послѣдовательно по порядку самой исторіи приспособить смыслъ сякъ къ высшему разумѣнію. Когда, кто, взирая на Моисея и на облако (которые оба путеваютъ идущихъ стезею добродѣтели, и Моисей при этомъ замѣняетъ законныя предписанія, а облако—предводителя въ законѣ), умомъ достигшимъ чистоты, въ прохожденіи чрезъ воду, убивъ и отдѣливъ отъ себя иноплеменника; вкусить Мерры, то есть, жизни, удаленной отъ удовольствій, которая на первый разъ кажется вкушающимъ горькою и противною, а въ пріавшихъ древо производитъ сладостное ощущеніе; и потомъ насладившись красотами евангельскихъ финиковыхъ деревьевъ и источниковъ, исполнившись живою водою, которая есть камень, принявъ въ себя небесный хлѣбъ, и показавъ свое мужество надъ иноплеменни-

ками, при чемъ причиною побѣды служить воздѣянiе рукъ законодателя, предуказующее собою таинство креста: тогда возводится онъ къ созерцанiю превысшаго Естества. Путемъ же къ таковому вѣдѣнiю бываетъ для него чистота, не только тѣла, очищаемаго какими либо крошечными, но и одеждъ, измовенныхъ водою отъ всякой нечистоты. А сіе значитъ, что намѣревающемуся приступить къ созерцанiю всего сущаго, должно очистить себя во всемъ, быть чистымъ и несквернымъ по душѣ и по тѣлу, омывшимъ съ себя нечистоту соотвѣтственно душѣ и тѣлу,—чтобы могли мы оказаться чистыми предъ Тѣмъ, Кто видитъ сокровенное, и чтобы благопримчiе въ видимомъ сообразно было внутреннему расположенiю души. Посему-то предъ восхожденiемъ на гору, по Божiю повелѣнiю, измываются *ризъ* (Исх. 19, 10.), и ризами гадательно означаетъ благопримчная наружность жизни. Ибо никто не скажетъ, что эта чувственная нечистота ризъ для восходящихъ къ Богу бываетъ препятствiемъ къ сему восхожденiю; напротивъ того думаю, что ризами прекрасно именуется вся наружность житейскихъ занятiй. Исправивъ это, и какъ можно дальше, отогнавъ отъ горы стадо бессловесныхъ, приступаетъ потомъ человекъ къ восхожденiю до высшихъ понятiй. А что ни одному бессловесному не дозволяется являться

у горы, это, по моему предположенію, значить, что въ созерцаніи умопредставляемаго превышаетъ знаніе, доставляемое чувствомъ. Ибо природѣ безсловесныхъ свойственно распоряжаться по одному чувству безъ участія ума; ими руководить зрѣніе; нерѣдко и слухъ приводитъ въ стремленіе къ чему нибудь, и все иное, отъ чего чувство приходитъ въ дѣятельность, имѣетъ великую силу въ безсловесныхъ. Созерцаніе же Бога совершается не по видимому, и не по слышимому, и никакимъ изъ обыкновенныхъ понятій не объемлется; ибо сего *око не видѣ*, и *ухо не слыша*, и это не есть что либо изъ входящаго обыкновенно *на сердце человеку* (1 Кор. 2, 9.). Напротивъ того, намѣревающемуся приступить къ уразумѣнію высокаго, надлежитъ предпочистить нравъ свой отъ всякаго чувственнаго и безсловеснаго движенія, омывъ умъ отъ всякаго мнѣнія, составляемаго по какому либо предположенію, и отлучивъ себя отъ привычнаго собесѣдованія съ своею сожительницею, то есть, съ чувственностію (она есть какъ бы супруга и сожительница нашей природы); и когда станетъ кто чистъ отъ всего этого, тогда уже осмѣливаться ему приступить къ горѣ.

Подлинно крутая и неприступная гора — богословіе, и къ подгорию ея едва подходитъ большая часть людей; развѣ кто Моисей, и

при восхожденіи будетъ вмѣщать въ слухъ звуки трубъ, которые, по точному слову исторіи, по мѣрѣ восхожденія дѣлаются еще болѣе крѣпкими (Исх. 19, 19.). А проповѣдь о Божіемъ естествѣ дѣйствительно есть труба, поражающая слухъ; велико открываемое съ перваго раза, но больше и важнѣе достигающее до слуха послѣддокъ. Законъ и Пророки вострубили о Божественной тайнѣ домостроительства о человѣкѣ: но первые гласы слабы были для того, чтобы достигнуть до непокорнаго слуха; и потому отяжелѣвшій слухъ Іудеевъ не припялъ гласа трубъ. Но съ продолженіемъ времени трубы, какъ говоритъ Писаніе, содѣлались болѣе крѣпкими; потому что послѣдніе звуки, издаваемые евангельскою проповѣдію, достигли слуха. Такъ Духъ въ послѣдствіи громче звучалъ въ своихъ орудіяхъ, и звукъ дѣлался болѣе напряженнымъ. Орудія же, издававшія одинъ духовный звукъ, были Пророки и Апостолы, отъ которыхъ, какъ говоритъ псалмопѣніе: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ, и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18, 5.).

Если же множество не вмѣщаетъ сходящаго свыше гласа, но предоставляетъ самому Моисею узнать тайны и преподать народу ученіе какое дознае тѣонъ по наставленію свыше: то это введено и въ церкви. Не всѣ сами собою доходятъ до уразумѣнія таинъ, но, избравъ изъ себя способнаго вмѣстить божественное,

съ благопризнательностію преклоняють предъ нимъ слухъ, почитая вѣрнымъ все, что слышать отъ сего посвященнаго въ божественныя тайны. Ибо не все, какъ сказано, Апостолы, не все Пророки (1 Кор. 12, 29.). Но не во многихъ церквахъ соблюдается сіе нынѣ. Ибо многіе, имѣющіе еще нужду въ очищеніи отъ сдѣланнаго въ прежней жизни, какіе-то не омытые, оскверненные житейскими привязанностями, прикрываясь своимъ неразумнымъ чувствомъ, осмѣиваются на божественное восхожденіе, гдѣ приводятся въ колебаніе собственными своими помыслами; потому что еретическія мнѣнія дѣлаются какими-то камнями, совершенно погребаящими подъ собою самаго изобрѣтателя худыхъ ученій.

Что же означается тѣмъ, что Моисей пребываетъ во мракѣ, и въ немъ только видитъ Бога? Ибо повѣствуемое нынѣ кажется нѣсколько противоположнымъ первому богоявленію. Тогда Божество видимо было во свѣтѣ, а теперь—во мракѣ. И этого не почитаемъ выходящимъ изъ ряда представляющагося вышнему нашему взгляду. Учитъ же симъ слово, что вѣдѣніе благочестія въ первый разъ бываетъ свѣтомъ для тѣхъ, въ комъ появляется. Почему представляемое въ умѣ противоположно благочестію есть тма, а отвращеніе отъ тмы дѣлается причастіемъ свѣта. Умъ же, простираясь далѣе, съ большею и совершеннѣйшею

всегда внимательностію углубляясь въ уразумѣніе истинно постижимаго, чѣмъ паче приближается къ созерцанію, тѣмъ болѣе усматриваетъ несозерцаемость Божественнаго естества. Ибо оставивъ все видимое, не только, что воспріемлетъ чувство, но и что видитъ, кажется, разумъ, непрестанно идетъ къ болѣе внутреннему, пока пытливостію разума не проникнетъ въ незримое и непостижимое, и тамъ не увидитъ Бога. Ибо въ этомъ истинное познаніе искомаго; въ томъ и познаніе наше, что не знаемъ, потому что искомое выше всякаго познанія, какъ бы нѣкіимъ мракомъ, объято отсюду непостижимостію. Посему, и возвышенный Іоаннъ, бывшій въ семь свѣтозарномъ мракѣ, говоритъ: *Бога никтоже видѣтиже* (Іоан. 1, 18.), рѣшительно утверждая сими словами, что не людямъ только, но и всякому разумному естеству, недоступно вѣдѣніе Божіей сущности. Посему Моисей, когда сталъ выше вѣдѣніемъ, тогда и повѣдуетъ, что видитъ Бога во мракѣ, то есть, тогда познаетъ, что Божество въ самомъ естествѣ Своемъ то самое и есть, что выше всякаго вѣдѣнія и постиженія. Ибо сказано: *видѣше Моисей во мракѣ, идѣше быше Богъ* (Исх. 20, 21.). Кто же Богъ? Тотъ, Кто положи тлу зикровѣ Свой (Пс. 17, 12.), какъ говоритъ Давидъ. Въ этомъ мракѣ и посвященный въ тайны.

Но бывшій тамъ, чему предварительно на-

ставленъ былъ мракомъ, тому снова обучается мракомъ же, чтобы, какъ думаю, для насъ стало тверже это ученіе, засвидѣтельствованное Божиимъ гласомъ. Ибо слово Божіе, во-первыхъ запрещаетъ людямъ уподоблять Божество чему либо познаваемому (Исх. 20, 4.); такъ какъ всякое понятіе, согласно съ какимъ либо удобопостижимымъ представленіемъ составляемое по нѣкому естественному уразумѣнію и предположенію, созидаетъ Божій кумиръ, а не возвѣщаетъ о Самомъ Богѣ. Но добродѣтель по благочестію дѣлится на два вида, относясь частію къ Божеству, а частію къ преслѣянію нравовъ; потому что и чистота права есть часть благочестія. Посему, дознавъ во-первыхъ, что надлежало познать о Богѣ (а познаніемъ было не знать о Богѣ ничего, познаваемаго человѣческимъ разумѣніемъ), потомъ научается Моисей и второму виду добродѣтели, дознавъ, какими упражненіями достигаемъ преслѣянія въ добродѣтельной жизни.

Послѣ сего Моисей вводится въ перукотворенную скинію. Кто же послѣдуетъ за нимъ, когда входитъ онъ въ таковыя тайны и столько возвышается умомъ? Тотъ, кто, какъ бы ступая съ вершины на вершину, восхожденіемъ на высоты непрестанно становится выше и выше себя самаго. Такъ Моисей, сперва оставляетъ подгоріе, отдѣлвшись отъ всѣхъ оказав-

шихся немощными къ восхожденію. Потомуъ пріемлетъ слухомъ гласы трубъ, возносясь на высоту восхожденія. При семъ проникаетъ въ невидимое святилище боговѣдѣнія, и даже въ немъ не останавливается; но переходитъ въ нерукотворенную скинію: ибо въ этомъ встрѣчается дѣйствительно предѣлъ и самъ возвысившійся таковыми восхожденіями. Миѣ кажется, что и въ другомъ смыслѣ небесная труба дѣлается учителемъ для восходящаго къ нерукотворенному входу. Ибо устроеніе небесныхъ чудесъ, взывающее о являемой въ существахъ премудрости и проповѣдующее въ видимомъ великую славу Божию, по сказанному: *небеса повѣдуютъ славу Божию* (Пс. 18, 2.), по ясности и доброзвучности наставленія само дѣлается велегласною трубою, какъ говоритъ одинъ изъ Пророковъ: вострубилъ Богъ свыше. А кто очистилъ себя и изострилъ слухъ сердца, тотъ, принявъ сей звукъ, разумѣю производимый обзорѣніемъ существъ, путеводится имъ къ вѣдѣнію Божіей силы, такъ что проникаетъ разумомъ туда, гдѣ Самъ Богъ. Сіе-то въ Писаніи именуется мракомъ, который по толкованію, какъ сказали мы, означаетъ невѣдомое и незримое. Въ немъ-то бывъ Моисей, видитъ нерукотворенную оную скинію, которую показываетъ дольнимъ въ вещественномъ подобіи.

Поэтому, какая же это нерукотворенная ски-

нія, показуемая Моисею на горѣ? Та, на которую повелѣвается ему взирать, какъ на первообразъ, чтобы рукотвореннымъ устройствомъ ея показать нерукотворенное чудо. Ибо сказано: *виждь, да сотвориши все по образу, показанному тебѣ на горѣ* (Исх. 24, 40.). Эти золотые столпы, утвержденные на серебряныхъ основаніяхъ и съ серебряными также надглавіями; эти еще другіе приличные столпы, у которыхъ надглавія и основанія изъ вещества мѣди и въ серединѣ между концами серебро; путрь же у всѣхъ столбовъ—дерево, не принимающее въ себя гнилости; отъ наружности кругомъ разливается блистаніе таковыхъ веществъ; пѣкій также кивотъ сіяетъ чистымъ золотомъ; и то, на чемъ держится золотой этотъ окладъ — тоже дерево, непринимающее въ себя гнилости. При семь нѣкій свѣтильникъ, одинъ въ стволу при основаніи, а къ верху дѣлящійся на семь вѣтвей, съ равнымъ числомъ круговъ на вѣтвяхъ. Вещество свѣтильника — золото, въ составѣ его никакой пустоты, ни даже деревянной внутри опоры. Сверхъ сего алтарь, очищеніе и, такъ называемые, херувимы, которыхъ крылами осѣненъ ковчегъ—все это было золото, не на внѣшней только поверхности имѣло доброцвѣтность, но все было цѣльное, одно и тоже вещество простиралось внутрь до самой глубины. Сверхъ того были испещ-

ренныя завѣсы ткацкаго искусства, въ которыхъ разные цвѣты для красоты ткани взаимно были переплетены между собою; сими завѣсами отдѣлялось въ скиинѣ, и что было видимо и доступно нѣкоторымъ изъ священнодѣйствующихъ, и что для всѣхъ непроницаемо и недоступно; и прежде упомянутой части имя было: *святое*: а сокровенной: *святое святыхъ*. Кромѣ того кунели, кадильницы, облаченіе вѣншими опонами, опоны власныя и кожи, окрашенныя въ красный цвѣтъ, — это и все прочее, что Моисей приготовляетъ по Божію слову, какой умъ уразумѣтъ во всей точности? чему нерукотворенному служить сіе подобіемъ? Какую пользу взирающимъ приписать это вещественное подобіе видѣннаго Моисеемъ на горѣ?

Но хорошо, кажется мнѣ, поступимъ, точное разсужденіе о семъ предоставивъ тѣмъ, которые имѣютъ силу духомъ испытывать глубины Божіи, если только пайдется кто либо таковой, что можетъ, какъ сказалъ Апостоль, *духомъ глаголатъ тайны* (1 Кор. 14, 2.). А что о предложенномъ мнѣніи сказано нами по догадкѣ и предположительно, то предоставимъ на судъ читателямъ признать достойнымъ того, чтобы это, или отвергнуть, или принять, какъ принявшій на себя судъ рѣшить своимъ умомъ. Посему, послѣдуя Павлу, отчасти раскрывающему въ этомъ тайну, и взявъ для себя въ

сказанномъ хотя малый предлогъ, утверждаемъ, что Моисей въ образъ наученъ былъ тайнѣ скинии, объемлющей собою вселенную. Скинія же сія да будетъ Христось, Божія сила и Божія Премудрость; она перукотворенна по собственному своему естеству, допускаетъ же устроеніе, когда должно стало скинии сей быть водруженною въ насъ; такъ что нѣкоторымъ образомъ она есть и несозданная и созданная; какъ преушествующая, она не сотворена, а какъ пріятшая сей вещественный составъ, стала сотворенною. Сказуемое нами, вѣроятно, не ясно для пріятшихъ въ точности таинство нашей вѣры. Ибо единое изъ всего, и что было прежде вѣковъ, и что произошло напоследокъ вѣковъ, что не имѣло нужды во временномъ происхожденіи (какъ имѣть нужду во временномъ рожденіи тому, что прежде время и вѣковъ?), и ради насъ, по безразсудству растлившихъ бытіе свое, допустило то, что пришло въ бытіе, подобно намъ, чтобы ставшее внѣ сущаго снова возвести въ сущее. А это есть едиnorodный Богъ, въ Себѣ все объемлющій, но и въ насъ водружившій Свою скинію.

Еслиже скиніею именуется столь великое благо, то нимало не смущайся, христоробецъ, что заключающаяся въ реченіи выразительность умаляетъ величіе естества Божія; ибо и никакое другое изъ именъ недостойно есте-

ства, означаемого имъ, но всё одинаково ниже точнаго значенія, какъ признаваемыя малыми, такъ и тѣ, въ которыхъ предположительно усматривается нѣкое величїе понятій. Но какъ изъ всѣхъ прочихъ именъ каждое въ извѣстномъ значеніи благочестиво употребляется въ показаніе Божіей силы;—таковы, напримѣръ, имена: врачъ, пастырь, покровитель, хлѣбъ, ангель, виноградная лоза, путь, дверь, обитель, вода, камень, источникъ и все иное, что говорится о Богѣ: такъ въ нѣкоемъ боголѣнномъ значеніи именуется Онъ и симъ словомъ: скинія. Ибо всеобъемлющая существа сила, въ которой обитаетъ вся полнота Божества, этотъ общій покровъ вселенной, Тотъ, Кто все въ Себѣ содержитъ, въ собственномъ смыслѣ именуется скиніею.

Необходимо же, чтобы видѣніе было соотвѣтственно имени, и каждая часть видимаго руководила къ какому либо взгляду, открывающему боголѣнное представленіе. Итакъ, по слову великій Апостоль говоритъ, что завѣсою въ дольней скиніи есть плоть (Евр. 10, 20.), говоритъ же, думаю, потому, что составъ ея изъ различныхъ четырехъ стихій, и вѣроятно самому Апостолу, когда было ему видѣніе скиніи, и восхищенъ онъ былъ въ пренебесныя святилища, открыты были духомъ тайны рая: то хорошо будетъ обратить вниманіе на сіе частное истолкованіе, принаровить къ части и

цѣлый нашъ взглядъ на скинію. Извлечемъ же изъ собственныхъ словъ Апостола объясненіе загадочныхъ представленій о скиніи. Въ одномъ мѣстѣ говоритъ онъ объ Единородномъ, Котораго разумѣемъ подъ скиніею: *яко Тьльъ создана быша всяческая, яже видимая, яже невидимая, аще престолы, аще власти, аще начала, аще господствія, аще силы* (Колос. 1, 16.). Посему добровидные и златокованные столпы, носила, кольца и эти херувимы, прикрывающіе крылами кивотъ, и все прочее, что заключаетъ въ себѣ описаніе сооруженія скиніи, (если кто, взирая на это, будетъ имѣть высшій взглядъ) суть премірныя силы, созерцаемыя въ скиніи, по Божественному изволенію поддерживающія собою вселенную. Тамъ истинныя наши носила, — *посылаеми въ служеніе за хотящихъ насльдовати спасеніе* (Евр. 1, 14.), — какъ бы кольцами какими прикрѣпленныя къ спасаемымъ нашимъ душамъ, лежащихъ на землѣ поднимающія на себѣ въ высоту добродѣтели. О Херувимахъ же Писаніе сказавъ, что они крылами покрываютъ таинства, положенныя въ кивотѣ завѣта, подтверждаетъ симъ представленный нами взглядъ на скинію: ибо знаемъ, что сіе имя употребляется о тѣхъ силахъ, окрестъ Божія естества созерцаемыхъ, которыя видѣли умомъ Исаія и Іезекіиль. Да и кивотъ завѣта, покрываемый крылами, да не представляется чѣмъ-то страннымъ для слу-

ха; ибо и у Исаиѣ дознаемъ подобное сему, загадочно сказанное Пророкомъ о крыяхъ. Здѣсь упоминается кивотъ, а тамъ лице, но подъ тѣмъ и другимъ одно существо разумѣется, чѣмъ, какъ мнѣ кажется, и дается намъ понять, что взглядъ на неизреченное недоступенъ. И если слышишь о свѣтильникахъ, раздѣльно держащихся на одномъ свѣщникѣ, чтобы возсіявающій всюду свѣтъ былъ богатъ и обилень; то не погрѣшишь разсуждая, что сей скинии приличны многообразныя облистанія Духа, какъ говоритъ Исаиѣ, различая семь свѣтлостей Духа (Ис. 11, 2.). А очищение, думаю, не требуетъ и истолкованія, такъ какъ современное его значеніе раскрыто Апостоломъ, который говоритъ: *Егоже предположи Богъ очищеніе* (Рим. 3, 25.) душъ нашихъ. Слыша объ алтарѣ и алтарѣ кадильномъ, представляю мысленно непрестанно совершаемое въ сей скинии поклоненіе пренебесныхъ силъ; ибо сказано, что языкъ, не только земныхъ и преисподнихъ, но и небесныхъ возсымаетъ хвалу Началу всѣхъ; а это есть пріятная Богу жертва, *плодъ устенъ*, какъ говоритъ Апостоль (Евр. 13, 15.), и благоуханіе молитвъ. Если же въ числѣ прообразованій усматриваемъ окрашенную кожу и волосяныя ткани: то симъ не нарушается неразрывная цѣльность взгляда. Пророческое око, пришедши въ видѣніе Божественнаго, усматриваетъ тамъ предопредѣ-

ленное спасительное страданіе, которое означается тѣмъ и другимъ изъ сказаннаго. Какъ красный цвѣтъ толкуется: кровь; такъ волосы: умерщвленіе; потому что волосъ на тѣлѣ лишешъ ощущенія, почему и служитъ знакомъ въ собственномъ смыслѣ мертвости.

Итакъ сіе-то усматриваетъ въ этомъ Пророкъ, когда возводитъ взоръ къ горней скинии. Если же кто обратитъ взглядъ на дольную скинью; то, поелику у Павла перѣдко Церковь именуется Христомъ, хорошо сдѣлаеть, признавъ, что служители Божественнаго таинства, которыхъ Писаніе называетъ столпами Церкви, а также Апостолы, учителя и Пророки, именуются одними и тѣми же ижеами. Ибо не Петръ только, Іоаннъ и Іаковъ суть столпы Церкви; и не одинъ Іоаннъ Креститель *бл свѣтильникъ юря* (Іоан. 5, 35.): но и всѣ послужившіе утвержденіемъ Церкви, и по дѣламъ своимъ содѣлавшіеся свѣтилами, называются и столпами, и свѣтильниками. *Вы есте свѣтъ міра*, говоритъ Господь Апостоламъ (Матѣ. 5, 14.). А Божественный Апостоль и другимъ еще повѣлываетъ быть столпами, говоря: *тверди бывайте не поступни* (1 Кор. 15, 58.), и Тимоѳея устроилъ онъ въ прекрасный столпъ, содѣлавъ его, какъ самъ выражается, столпомъ и утвержденіемъ истинной Церкви (1 Тим. 3, 15.). Въ сей скинии всегда видны и жертвы хваленія и ѳиміамъ молитвы, приносимыя и утромъ и

вечеромъ. Даетъ же сіе разумѣть великій Давидъ, исправляя въ волю благоуханія предъ Богомъ ѳиміамъ молитвы, и съ воздѣяніемъ рукъ священнодѣйствуя жертву (Пс. 140, 2.). А кто слышитъ о купеляхъ, тотъ, безъ сомнѣнія, представитъ въ умѣ таинственной водою омывающихъ скверну грѣховъ: купелію былъ Іоаннъ, во Іорданѣ омывая крещеніемъ покаянія; купелію былъ Петръ, однажды вдругъ три тысячи приведшій къ водѣ; купелію былъ Филиппъ для свнуха Кандакїи. Купелями бываютъ и сообщающіе благодать всемъ причащающимся сего дара. Не погрѣшитъ противъ надлежащаго разумѣнія, кто предположитъ, что *опоны* (Исх. 26, 1.), во взаимномъ между собою соединеніи объемлюція вокругъ скинію, означаютъ исполненное любви и мира единомысліе вѣрующихъ. Ибо такъ истолковалъ Давидъ, который говоритъ: *полагаю предѣлы твоя миръ* (Пс. 147, 3.). А *кожа червленая* (14.) и *опоны власныя* (7.), служація къ украшенію скиніи, получаютъ сообразное себѣ значеніе, то есть, умерщвленіе грѣховной плоти, загадочно изображенное червеною кожей, и суровый образъ жизни по воздержанію, чѣмъ особенно украшается скинія Церкви, потому что кожи, не имѣющія въ себѣ данной природою жизненной силы, отъ червеной краски дѣлаются благоцвѣтными. А сіе научаетъ насъ тому, что цвѣтущая Духомъ благодать не въ

комъ другомъ бываетъ, а только въ умертвившихъ себя грѣху. Если же червлеснымъ цвѣтомъ означается въ словѣ цѣломудренная стыдливость, то охотно соглашаюсь на сіе сужденіе. Но сплетеніе волосъ, производя грубую и жесткую для осязанія ткань, даетъ подразумѣвать суровое воздержаніе, изнуряющее силы неразлучныхъ съ нами страстей: все же подобное сему доказываетъ собою дѣвственная жизнь, изнуряющая плоть живущихъ такъ. Если же внутренность скинни, называемая: святое святыхъ, для многихъ недоступна: то и сего не почитаемъ противорѣчащимъ послѣдовательности нашихъ разумній. Ибо истина сущихъ дѣйствительно есть нѣчто святое, даже святое святыхъ, и для многихъ неприкосновенное и неприступное. Послику она пребываетъ въ сокровенной и неизглаголанной глубинѣ таинственной скинни, то познанію оувьшающихъ понятіе сущихъ надлежитъ быть не пытливымъ. Должно вѣровать, что искомое есть, однакоже не подлежитъ взорамъ всѣхъ, а пребываетъ неизглаголаннымъ въ сокровенныхъ глубинахъ мысли.

Сему и подобному научившись изъ видѣнія того, что въ скинни, достигшее до чистоты и возведенное на высоту таковыми зрѣлищами душевное оное Моисеево око снова восходитъ на самый верхъ иныхъ представленій, изучая облаченіе священства. Сюда принадлежитъ риза

внутренняя (Исх. 28, 31.), риза верхняя, и этот сияющій блескомъ различныхъ камней *наперсникъ* (4.), и повязка на головѣ, и надъ нею *дѣвица* (Исх. 29, 6.), *надраги* (Лев. 6, 10.), *пуговицы*, *звонцы* (28, 33.). Потомъ поверхъ всего слово и явленіе, и въ обоихъ усматриваемая истина, также съ обѣихъ сторонъ примѣнутые къ нимъ нарамники съ начертанными на нихъ именами патриарховъ. Множество сихъ облаченій, да и самыя именовація ихъ таковы, что не возможно точное въ подробности ихъ обозрѣніе. Ибо что за наименованія тѣлесныхъ одеждъ: — явленіе, слово, истина? Конечно симъ явно показывается, что исторіею описывается не это, не чувственное облаченіе, а душевное убранство, истканное добродѣтельными предназначаціями.

Цвѣтъ подира—синета (28, 32.); нѣкоторые же изъ объяснявшихъ слово сіе прежде насъ говорятъ, что симъ цвѣтомъ означается воздухъ. Но дѣйствительно ли таковой цвѣтъ имѣеть какое либо сродство съ цвѣтомъ воздуха, сего не намѣренъ я утверждать въ точности; но и не отвергаю утверждаемаго; потому что понятіе сіе согласно съ надлежащимъ взглядомъ на добродѣтель, а именно, требуетъ, чтобы намѣревающійся быть священнослужителемъ предъ Богомъ, тѣло свое представить въ священнодѣйствіе, и содѣлаться не мертвеннымъ закланіемъ въ жертвѣ живой и въ

служеніи словесномъ, не повреждалъ души какимъ либо грубымъ и многоплотнымъ облаченіемъ жизни, но чистотою оной, подобно какой либо паутинной нити, утончалъ все житейскія предначинанія, приближался къ тому, чтобы стать парящимъ горѣ, легкимъ, воздушнымъ, и сокрушить въ себѣ это тѣлесное естество. Въ такомъ случаѣ, когда услышимъ послѣднюю трубу, по гласу Повелѣвающаго, оказавшись необремененными и легкими, превысренно, вмѣстѣ съ Господомъ, понесемся по воздуху, никакимъ бременемъ не уклекаемые на землю. Посему кто, по совѣту Псалмопѣвца, *истаялъ яко паучину* душу свою (Пс. 38, 12.), тотъ облеченъ въ воздушный онъ хитонъ, нисходящій отъ главы до края ногъ.

Законъ требуетъ, чтобы добродѣтель не была въ чемъ либо скудна. Посему золотые звонцы, привѣшенныя къ пуговицамъ, означаютъ сіяніе добрыхъ дѣлъ. Ибо два рода дѣятельности, которыми собирается богатство добродѣтели: вѣра въ Бога и совѣстливость въ продолженіе жизни; вотъ тѣ пуговицы и звонцы, которые великій Павелъ придаетъ одеждѣ Тимоѣевой, говоря, что должно ему имѣть *вѣру и благу совѣсть* (1 Тим. 1, 19.). Итакъ часто и велегласно да звучитъ вѣра въ проповѣди о святой Троицѣ; а жизнь да уподобляется свойству гранатоваго плода: ибо наружная сторона сего плода негодна въ пи-

щу, будучи покрыта твердою и жесткою скорлупой, но внутренность пріятна для зрѣнія по разнообразію и строгому порядку въ устройствѣ плода, а еще пріятнѣе для вкуса, услаждая чувство. И любомудренная и суровая жизнь, будучи непривлекательна и непріятна для чувства, исполнена благихъ надеждъ, услажденная собственнымъ своимъ плодомъ. Ибо, когда Дѣлатель нашъ разкроетъ въ свое время гранатный плодъ жизни, и покажетъ красоту заключеннаго въ немъ, тогда вкушающимъ сладостно будетъ причащеніе собственныхъ своихъ плодовъ. И Божественный Апостолъ говоритъ нѣгдѣ: *всякое наказаніе въ настоящее время, то есть, что первоначально встрѣчается прикасающемуся къ гранатовому плоду, не мнится радость быти, но печаль. Послѣди же плодъ миренъ воздаетъ* (Евр. 12, 11.): это сладость охотно вкушаемой внутренности.

Повелѣваетъ же Писаніе, чтобы хитонъ сей былъ и съ ометами: ометы же сіи суть шаровидныя привѣски, привѣшываемыя не ради нужды, но для украшенія. А изъ сего дознаемъ, что не заповѣдію только должна измѣряться добродѣтель, но нужно, чтобы и нами было нѣчто изобрѣтасмо изъ примышляемаго отвяѣ, и къ одеждѣ придавалось нѣкое прибавленіе украшенія, какъ и поступалъ Павелъ, отъ себя соплетавшій прекрасныя ометы къ заповѣдямъ. Хотя законъ повелѣваетъ служа-

щимъ олтарю съ олтаремъ дѣлится (1 Кор. 9, 13.), не запрещаетъ сестру жену водить (5.), и проповѣдающимъ благовѣстіе отъ благовѣстія жизни (14.); Павелъ проповѣдуетъ Евангеліе даромъ, терпя и жажду, и голодь, и наготу. Вотъ тѣ прекрасные ометы, которые прибавленіемъ своимъ къ заповѣдямъ украшаютъ хитонъ.

Потомъ сверхъ подира налагаются двѣ ризы, спускающіяся съ ramenъ до персей и по хребту, соединяемыя между собою на обоихъ ramenaxъ двумя застежками. А застежками служатъ камни, изъ которыхъ каждый имѣетъ начертанными на себѣ шесть именъ патриарховъ. Ткань сихъ ризъ пестрая. Синета соплетена съ багрянцею, и червленица примѣшана къ виссону; а между всѣмъ этимъ разсыпана золотая нить, такъ что отъ этой разновидности въ цвѣтѣ одна нѣкая срастворенная красота блистаетъ на ткани. А что дознаемъ изъ сего, состоитъ въ слѣдующемъ: верхнее облаченіе есть все, что собственно составляетъ украшеніе сердца, слагается изъ многихъ различныхъ добродѣтелей. Синета соплетается съ багрянцею, потому что съ чистотою жизни сопрягается царство. Червленица соплетается съ виссономъ, потому что свѣтлая и чистая жизнь обыкновенно соединена какъ-то бываетъ съ румянцемъ стыдливости: просіявающее же между этими цвѣтами золото загадочно даетъ уразумѣть сокровище, предоставленное таковой жиз-

ни. Патріархи начертанные на нарамникахъ немало приносятся къ таковому нашему убранству: потому что прежними примѣрами добрыхъ мужей паче украшается человѣческая жизнь.

Къ украшенію же верхнихъ ризъ прилагается еще другое сверху украшеніе: это — *щитцы отъ золота* (Исх. 28, 13.), висящіе на томъ и другомъ нарамникѣ, поддерживающіе собою нѣчто изъ золота въ видѣ четырехъугольника, издающее блескъ отъ двѣнадцати камней, которые расположены рядами; рядовъ было четыре, и каждый заключалъ въ себѣ по три камня. Въ камняхъ нельзя было находить сходства у одного съ другимъ, но каждый украшался особеннымъ своимъ блескомъ. Таковъ наружный видъ украшенія. А подразумеваемое значеніе щитцевъ, висящихъ съ раменъ—обоедесноручность дѣйствующаго оружіемъ противъ сопротивника, чтобы, такъ какъ, по сказанному нѣсколько выше, добродѣтель преуспѣваетъ върою и благою въ сей жизни совѣстію,—ясно было, что подъ прикрытіемъ щитцевъ безопасенъ человекъ съ обѣихъ сторонъ, оставаясь неуязвимымъ отъ подобныхъ стрѣлъ при помощи *оружій правды десныхъ и шуйхъ* (2 Кор. 6, 7.). Четыреугольное же украшеніе, съ обѣихъ сторонъ поддерживаемое щитами, гдѣ на камняхъ написаны были соименные колѣнамъ патріархи, служить покры-

валомъ сердца, и симъ слово научаетъ насъ, что двумя сими щитцами отразившій стрѣлы лукаваго украсить собственную свою душу веѣми добродѣтелями патріарховъ, когда каждый изъ нихъ своимъ блистаніемъ возсіиетъ на ризѣ добродѣтели. А видъ четырехугольника да будетъ для тебя указаніемъ необходимости твердо пребывать въ добрѣ, потому что такое очертаніе, при прямыхъ сторонахъ равно опираясь на углы, съ трудомъ прелагается въ другой видъ. Привязи, которыми украшенія сіи прикрѣплялись къ плечамъ, по моему мнѣнію, служатъ повелѣніемъ заботиться о высокой жизни, почитать себя обязанными къ любознательному созерцательному присоединять и дѣятельное, такъ чтобы сердце служило знаменованіемъ созерцанія, а рамена—дѣлъ. Голова же, украшенная увясломъ, означаетъ вѣнецъ уготованный жившимъ хорошо, и его украшаетъ напечатлѣнный на золотой дщвицѣ таинственными начертаніями.

На облеченнаго въ такое украшеніе не возлагается обувь, чтобы не былъ онъ обремененъ въ шествіи, и не затруднился въ движеніи возложеніемъ на себя мертвыхъ кожъ, по тому разумѣнію, какое внушено было при воззрѣніи на гору. Посему, какъ могла обувь содѣлаться украшеніемъ ногъ, будучи при первомъ тайнодѣйствіи отринута, какъ препятствіе къ восхожденію?

Возшедшій же на такую высоту, обозрѣнными у насъ по порядку восхожденіями, несетъ въ рукахъ богосозданныя скрижали, которыя содержатъ на себѣ Божественный законъ, но сами сокрушаются, сокрушаемыя ожесточеннымъ упорствомъ согрѣшившихъ. Грѣхъ же состоялъ въ сдѣланіи идола, въ образѣ тельца, сего изваяннаго идолопоклонникамъ кумира. Моисей, обративъ его въ порошокъ, всего растворилъ въ водѣ, и сдѣлалъ питіемъ для согрѣшившихъ, чтобы всѣми мѣрами привести въ уничтоженіе то вещество, которое послужило людскому нечестію. Симъ иначе тогда и о томъ, что совершается нынѣ, въ наши времена, пророчески возвѣщала исторія. Ибо вся идольская прелесть уничтожена совершенно, будучи истреблена устами благочестивыхъ, которые добрымъ исповѣданіемъ совершили въ себѣ уничтоженіе нечестиваго вещества; и установленныя древле идолослужителями таинства содѣлались истинно зримотекущею и несуществимею водою,—истребляемою тѣми самыми устами, которые нѣкогда предавались идолобѣсію. Ибо, когда видишь, что подверженные прежде такой суетѣ нынѣ истребляютъ и уничтожаютъ идоловъ, на которыхъ была у нихъ надежда; не покажется ли и тебѣ, что исторія ясно взываетъ: всякій идолъ будетъ нѣкогда поглощенъ устами преложившихся отъ прелести къ благочестію?

Моисей вооружает левитовъ на соплеменниковъ, и они, прошедши станъ отъ края до края, безъ разбора избиваютъ встрѣчающихся, острою меча предоставивъ рѣшеніе участи умершвляемыхъ; всякаго, кто ни попадался, равно предавали они смерти, не различая убиваемыхъ людей, не обращая вниманія, врагъ ли кто, или другъ, сторонній или домашній, родственникъ или чужой: но было одно какое-то направленіе руки, одинаково и равно устремленное на всякаго встрѣчнаго. Сказаніе же о семъ можетъ служить для насъ слѣдующимъ полезнымъ урокомъ: поелику на худое дѣло умудрились всѣ цѣлымъ народомъ, и все ополченіе участвовало въ грѣхѣ, какъ одинъ человекъ; то и бичъ поражаетъ ихъ безъ различія. Какъ наносящій удары застигнутому въ какомъ либо грѣхѣ палагаетъ бичъ на какую бы то ни было часть тѣла, зная, что боль, ощущаемая въ одномъ членѣ, сообщается и всему тѣлу: такъ, поелику въ этомъ тѣлѣ, рѣшившемся на грѣхъ, всякой членъ наказываемъ былъ одинаково, то бичъ, обращающій на части, уцѣломудривалъ цѣлое. Посему, если иногда равный грѣхъ усматривается во многихъ, гнѣвъ же Божій дѣйствуетъ не на всѣхъ, но только на нѣкоторыхъ; то надлежитъ разумѣть сіе такъ, что Богъ по человеколюбію исправляетъ сдѣланное, и хотя не всѣ несутъ на себѣ удары, однакоже всѣ уцѣломудри-

ваются, и отвращаются отъ грѣха ударами частными. Но это еще только историческій смыслъ написаннаго, примѣнительный же смыслъ можетъ оказать намъ пользу такимъ образомъ: законодатель въ общей проповѣди говоритъ всѣмъ: *аще кто есть Господень, да идетъ ко мнѣ* (Исх. 32, 26.), то есть, таковъ гласъ закона, повелѣвающій всѣмъ: кто хочетъ быть другомъ Божиимъ, да будетъ другомъ мнѣ—закону; потому что другъ закону, конечно, и другъ Божій. И собравшимся къ нему по такой проповѣди дастъ повелѣніе дѣйствовать мечемъ противъ брата, и друга, и ближняго. Взвѣсивъ же на послѣдовательность сего обзрѣнія, разумѣемъ сіе такъ: всякій, помышляющій о Богѣ и законѣ, очищается убіеніемъ въ себѣ того, что усвоилъ онъ на зло себѣ. Ибо не всякій братъ, другъ и ближній въ Писаніи понимается хорошо: по иныи бываетъ и братъ и чужій, и другъ и врагъ, и ближній и со-противникъ. Разумѣемъ же подъ этими именами всегдашніе наши помыслы, которыхъ жизнь содѣлываетъ нашу смерть, а смерть — нашу жизнь. Таковое понятіе согласно съ сказаннымъ уже въ изслѣдованіи объ Ааронѣ, когда, по причинѣ содѣйствія его Моисею, представили его споборникомъ, хранителемъ ангеломъ, творящимъ знаменія въ устрашеніе Египтянъ, справедливо имѣющимъ право, какъ на имя старшаго, потому что естество ангель-

ское и безмолвное создано прежде естества нашего, такъ и на имя брата по сродству умопредставляемаго ангельскаго естества съ нашимъ умопредставляемымъ естествомъ.

Послику же имѣеть мѣсто возраженіе: какъ можно полагать, чтобы служило къ лучшему содѣйствіе Аарона, которыйи сталъ для Израильтянъ служителемъ при сотвореніи идола, то слово наше, и выше еще упоминая о семъ, объяснило нѣсколько подобоименность братства, а именно, что не одно и тоже означается всегда однимъ и тѣмъ же реченіемъ, когда одво имя берется въ противоположныхъ понятіяхъ. Инаковъ братъ, которыйи истребляетъ египетскаго мучителя, и инаковъ также, которыйи дѣлаеть Израильтянамъ идола, хотя имя у обоихъ и одно. На таковыхъ-то братьевъ Моисей обнажаетъ мечъ. Ибо, о чемъ даетъ повелѣніе другимъ, тоже равнымъ образомъ узаконяеть и себѣ. А убіеніе такого брата есть уничтоженіе грѣха. Ибо всякій, кто уничтожилъ зло, утвердившееся въ комъ либо по совѣту сопротивника, и въ себѣ убилъ это зло, жившее нѣкогда грѣхомъ. Такое о семъ мнѣніе да одерживаетъ паче верхъ въ насъ, если и другое нѣчто возьмемъ изъ исторіи для сего обозрѣнія. Ибо говорится, что, по повелѣнію этого Аарона, должно было Израильтянамъ обобратить у себя *усерязи* (Исх. 32, 2.), и что обобраніе ихъ послужило веществомъ для идо-

ла. Посему что же скажемъ? То, что Моисей украсилъ слухъ Израильтянъ усерзями, то есть, закономъ, а жеманный братъ отъемлетъ приданное слуху украшеніе, и дѣлаетъ изъ него идола. И при первоначальномъ вторженіи грѣха было нѣкое отъятіе усерязей — совѣтъ преслушать заповѣдь. Можетъ ли другомъ и ближнимъ первоначальныхъ почитаемъ быть змій, совѣтующій, какъ нѣчто полезное и доброе, отступить отъ Божія повелѣнія? Это и значить отъять у слуха *усерязь* заповѣди. Посему убивающій таковыхъ братьевъ, друзей и ближнихъ, услышитъ отъ закона оныя слова, по сказанію исторіи, произнесенныя Моисеемъ таковымъ убійцамъ. *Наполните руки ваша днесь Господу, кѣждо въ сына своего, и въ братъ, да дастся на васъ благословеніе (Исх. 32, 29.)*.

Но благовременно, кажется, войти въ слово сіе припоминанію о допустившихъ грѣхъ; чтобы дознать, какъ богозданныя скрижали, на которыхъ начертанъ былъ божественный законъ, падшія изъ Моисеевыхъ рукъ на землю, и сокрушенныя упорствомъ дольняго, Моисей приносить снова, уже не совершенно тѣже самыя, но только съ тѣми же на нихъ писемнами. Ибо взявъ скрижали изъ вещества дольняго, предложилъ могуществу Начертывающаго на нихъ законъ. И такимъ образомъ призываетъ благодать, на каменныхъ декахъ

неся законъ, послѣ того, какъ Самъ Богъ изобразилъ слова на камнѣ; потому что и ими путеваемымъ возможно еще придти въ разумѣніе Божіа о насъ промышленія. Ибо, если истинецъ божественный Апостолъ, именующій *скрижали сердца* (2 Кор. 3, 3.), то есть, владычественное души; безъ сомнѣнія же истинецъ испытующій духомъ глубины Божіи: то послѣдовательно можно изъ этого дозпать, что естество человѣческое, устроенное Божіими руками и украшенное неписанными начертаніями закона, въ началѣ было не сокрушимо и безсмертно: потому что естественно была въ насъ согласная съ закономъ воля, обнаруживающаяся въ отвращеніи отъ зла, и въ чествованіи Божества. Когда же коснулся насъ гласъ грѣха, который въ первомъ писаніи именуется гласомъ змія, а въ исторіи скрижалей гласомъ поющихъ отъ вина (Исх. 32, 18.): тогда, навъ на землю, природа наша сокрушается. Но истинный Законоположникъ, прообразомъ Котораго былъ Моисей, снова изъ земли нашей истесалъ себѣ скрижали нашего естества. Ибо не бракъ соорудилъ Ему божественную плоть, но Самъ Онъ дѣлается камносѣдцемъ собственной Своей плоти, исписуемой Божественнымъ перстомъ. *Духъ Святый* снишелъ на Дѣву, и *сила Вышняго* осѣнила Ее (Лук. 1, 35.). Когда же совершилось сіе; естество снова приобрѣло несокрушимость, на-

чертаніями перста содѣланное безсмертнымъ. Перстомъ же во многихъ мѣстахъ Писанія именуется Духъ Святой. И такимъ образомъ совершается въ такой степени и мѣрѣ претвореніе прославленія Моисеева, что дольнему оку стало невмѣстимо явленіе оной славы. Изучившій же Божественное таинство нашей вѣры, безъ сомнѣнія, не знаетъ, сколько согласуется съ исторіей сей высшій взглядъ. Ибо Возстановитель сокрушенной скрижали нашего естества (уразумѣешь, безъ сомнѣнія, въ сказанномъ Того, Кто уврачевалъ наши сокрушенія), поелику снова въ древнюю лѣноту возвелъ сокрушенную скрижаль нашего естества, какъ сказано, украсивъ ее Божественнымъ перстомъ, дѣлается уже невмѣстимымъ для взоръ недостойныхъ, по превосходству славы ставъ непреступнымъ для взирающихъ на Него. Ибо по истинѣ, *егда прїидетъ*, какъ говоритъ Евангеліе, *во славу Своей, и вси Ангели съ Нимъ* (Матѳ. 25, 31.), и для праведныхъ едва будетъ вмѣстимъ и видимъ: а нечестивый и ѣдѣствующій, какъ сказуетъ Исаія, останется непричастнымъ сего видѣнія. *Да возметъ нечестивый*, говоритъ, *да не видитъ славы Господни* (Ис. 26, 10.). Но сіе ввелъ мы въ рѣчь, слѣдуя порядку разсмотрѣннаго относительно къ высшему взгляду на сіе мѣсто; теперь же возвратимся къ тому, что слѣдуетъ.

Почему тотъ, о комъ Божественный гласъ

свидѣтельствуеть, что во многихъ богоявленіяхъ явственно видѣлъ Бога, а именно, когда говоритъ: *лицемъ къ лицу, якоже аще бы кто возмалолазъ къ своему другу* (Исх. 33, 11.), при всемъ этомъ, какъ неподобившійся еще того, чего, по свидѣтельству Писанія, должно признать его сподобившимся, молить Бога явить Себя ему (13.); какъ будто всегда являвшійся не былъ еще имъ видимъ? И гласъ свѣше хотя соглашается теперь уступить желанію просящаго и не отрекается даже присовокупить ему сей благодати, однакоже вводитъ еще въ отчаяніе, объявляя, что просимое имъ и невмѣстимо для жизни человѣческой. Но есть, говоритъ Богъ, вѣкое *у Мене* мѣсто, и на мѣстѣ томъ камень, а въ камиѣ *разсѣлина*, въ которой повелѣваетъ пребывать Моисею. Потомъ налагаетъ Богъ руку на устье разсѣлины, проходитъ мимо, и Моисей видитъ *задняя* Повелѣващаго, и остается въ той мысли, что увидѣлъ, о чемъ просилъ, и что обѣтованіе Божественнаго гласа неложно (21—23.).

Если взирать на сіе, ограничиваясь буквою, то смыслъ для ищущихъ онаго, не только останется неяснымъ, но даже и несчастнымъ отъ превратнаго о Богѣ понятія. Ибо у того только, что представляется въ очертаніи, есть и переднее и заднее; а великое очертаніе есть предѣлъ тѣла; такъ что представляющій Бога въ очертаніи не признаеть Его свободнымъ

отъ тѣлеснаго естества: всякое же тѣло, безъ сомнѣнiя, сложно: а сложное имѣеть составъ изъ соединенiя разнородностей; и о составномъ никто не скажетъ, что оно не разлагаемо; а разлагаемое не можетъ быть нетлѣвнымъ; потому что тлѣнiе есть разложенiе составнаго. Посему, если кто задняя Божiя пойметъ буквально; то послѣдовательно и необходимо доведенъ будетъ до сей нетлѣности, потому что переднее и заднее, безъ сомнѣнiя, бываетъ въ очертанiи, а очертанiе у тѣла; тѣло же разлагаемо и разлагается по собственной своей природѣ; такъ какъ разлагаемо все сложное; разлагаемое же не можетъ быть нетлѣвнымъ. Посему, кто рабски слѣдуетъ буквѣ, тотъ по необходимой связи понятiй допустить въ Богѣ тлѣнiе. Но Богъ нетлѣвенъ и нетѣлесенъ. Какой же посему смыслъ приличествуетъ написанному, кромѣ представляющагося съ перваго взгляда? Если же въ связи рѣчи эта часть написаннаго принуждаетъ насъ отыскивать другой смыслъ: то конечно надлежитъ тоже разумѣть и о цѣломъ. Ибо что разумѣемъ въ части, подобнымъ сему необходимо принимаемъ и цѣлое.

Итакъ и мѣсто у Бога, и камень на томъ мѣстѣ, и помѣщенiе въ камнѣ, которое именуется разсѣлиною, и вшествiе туда Моисея, и наложенiе руки Божiей на устье, и прохожденiе мимо, и воззванiе, и послѣ сего видѣнiе

заднихъ. — основательнѣе будетъ разсматривать по закону возведенія смысла къ высшему взгляду. Посему что же изображается симъ? Какъ готовые къ паденію тѣла, какъ скоро пріобрѣтутъ нѣкое стремленіе катиться по наклонности, хотя послѣ перваго движенія и никто не будетъ понуждать ихъ вновь, сами собою сильнѣйшимъ порывомъ несутся внизъ, пока путь ихъ покать и клонится къ низу, притомъ не встрѣчается ничего такого, что противнымъ движеніемъ пресѣкало бы ихъ стремленіе: такъ вопреки сему душа, отрѣшившаяся отъ земнаго пристрастія, дѣлается несущемою горѣ и скорою въ этомъ движеніи выспрь, воспаряя отъ дольняго въ высоту. И какъ свыше ничто не пресѣкаетъ ея стремленія (естество добра къ себѣ привлекаетъ возводящихъ къ нему взоры): то конечно непрестанно становится она выше и выше себя самой, по вожеланію небеснаго, какъ говоритъ Апостоль, *простираясь въ предія* (Фил. 3, 13.), и будетъ всегда совершать пареніе къ высшему. Ибо по причинѣ уже пріобрѣтеннаго, вожелѣвая не оставлять недостигнутою еще выше усматриваемую высоту, непрерывно продолжаетъ стремленіе къ горнему, тѣмъ самымъ, въ чемъ преуспѣла, непрестанно обновляя усиліе къ полету. Ибо одна только дѣятельность, обращенная къ добродѣтели, питаетъ силы трудомъ, не ослабляя, но увеличи-

вая дѣломъ напряженіе къ нему. Посему говоримъ, что Моисей, всегда бывшій великимъ, нимаю не останавливается въ восхожденіи, не полагаетъ себѣ никакого предѣла въ стремленіи къ горнему: но однажды вступивъ на лѣствицу, на которой, какъ говоритъ Іаковъ, *утверждается Богъ* (Быт. 23, 13.), непрестанно восходитъ на высшую и высшую ступень, и не престаётъ возвышаться; потому что и на высотѣ находитъ всегда ступень, которая выше достигнутой имъ. Отрекается онъ отъ ложнаго родства съ египетскою царевною; дѣлается отмстителемъ за Еврея; переселяется жить въ пустыню, которой не возмущала жизнь человѣческая; пасетъ въ себѣ стадо кроткихъ животныхъ, видитъ сіяніе свѣта; но снятіи обуви необременительнымъ дѣлаетъ восхожденіе къ свѣту; избирается для освобожденія родственнаго и единоплеменнаго народа; видитъ топящаго врага, покрываемаго волнами; располагается станомъ подъ облакомъ; утоляетъ жажду камнемъ; на небѣ воздѣлываетъ хлѣбъ; потомъ воздѣланіемъ рукъ побораётъ иноплеменика; слышитъ гласъ трубы; входитъ во мракъ; пропикаетъ во святищце нерукотворенной скинии: изучаетъ тайны божественнаго священства; уничтожаетъ идола, умилостивляетъ Божество; возобновляетъ законъ, сокрушенный грѣхомъ Іудеевъ, сіяетъ славою, и превознесенный на такія высоты, пламенѣетъ еще

вождедѣніемъ, ненасытимо ищетъ бѣльшаго, и что всегда имѣлъ во власти, еще того жаждетъ; и какъ не причастившійся дотоу, домогается улучшить это, прося Бога, чтобы явилъ ему Себя, не въ такой только мѣрѣ, въ какой вмѣстить онъ можетъ, но каковъ Богъ Самъ въ Себѣ. Миръ кажется, что чувствовать это свойственно душѣ, которая исполнена какимъ-то пламенѣющимъ любовію расположеніемъ къ прекрасному по естеству, и которую отъ видимой ея красоты надежда влечетъ всегда къ красотѣ высшей, непрестанно приобрѣтаемымъ всегда возжигая въ ней вождедѣніе сокровеннаго. Почему сильный любитель красоты, непрестанно видимое имъ принимая за изображеніе вождедѣваемаго, желаетъ насытиться видѣніемъ отличительныхъ чертъ первообраза. Сіе-то и выражаетъ это дерзновенное и преступающее предѣлы вождедѣнія прошеніе насладиться красою, не при помощи какихъ либо зеркалъ, или въ образахъ, но лицомъ къ лицу. Божественный гласъ даетъ просимое, въ самомъ отказѣ не многими реченіями показывая какую-то неизмѣримую глубину понятій. Ибо щедродаровитость Божія соизволила исполнить желаніе Моисея; но не обѣщала ему какого либо успокоенія и пресыщенія въ этомъ желаніи. Богъ не показалъ бы Себя своему служителю, если бы видимое было таково, что могло бы успокоить вождедѣніе взирающаго.

Въ томъ и состоитъ истинное видѣніе Бога, что у взирающаго на Него никогда не прекращается это вождѣніе. Богъ говоритъ: *не возможеша видѣти лица Моего, не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20.). И сіе слово показываетъ не то, будтобы зрѣніе лица Божія для взирающихъ дѣлается виною смерти (какъ возможно лицу жизни стать когда либо виною смерти для приближающихся?); но, поелику, хотя Божество по естеству животворяще, однакоже собственно отличительнымъ признакомъ Божественнаго естества служить то, что Оно выше всего отличаемаго по признакамъ; то полагающей, что Богъ есть нѣчто познаваемое, уклонившись отъ сущаго къ тому, что признако существующимъ въ способномъ вмѣстить сіе представление, не имѣетъ въ себѣ жизни. Ибо подлинно сущее есть истинная жизнь: а сіе не доступно вѣдѣнію. Посему, если животворящее естество превышаетъ вѣдѣніе, то постигаемое, безъ сомнѣнія, не есть жизнь: а что не жизнь, то не имѣетъ свойства содѣлаться сообщающимъ жизнь. Посему не исполняется желаемое Моисеемъ въ томъ, въ чемъ вождѣніе пребываетъ невыполнимымъ. Ибо сказаннымъ научается онъ, что Божество, по естеству Своему, неопредѣлимо, невключимо ни въ какой предѣлъ. А если бы Божество могло быть представлено въ какомъ либо предѣлѣ;

то по всей необходимости вмѣстѣ съ предѣломъ былобы представляемо и то, что за нимъ, потому что заключенное въ предѣлы, безъ сомнѣнія, чѣмъ нибудь оканчивается; какъ предѣломъ для живущихъ на сушѣ—воздухъ, и для живущихъ въ водѣ—вода. Посему, какъ рыба во всѣхъ своихъ предѣлахъ объемлется водою, а птица — воздухомъ, среда воды для плавающего, а среда воздуха для летающего, есть крайняя поверхность предѣла, объемлющая собою и птицу и рыбу, за которою слѣдуетъ или вода или воздухъ: такъ, если Божество представляемо будетъ въ предѣлѣ, необходимо Ему быть объемлемымъ чѣмъ либо ипороднымъ по естеству, а объемлющему, какъ свидѣтельствуется послѣдовательность рѣчи, во много кратъ превосходить содержимое. Но признано, что Божество по естеству прекрасно; а что разнородно съ прекраснымъ, то конечно есть иѣчто иное, а не прекрасное, и что въ прекраснаго, то заключается въ естествѣ зла. А доказано, что объемлющее во много кратъ больше объемлемаго. Посему думающимъ, что Божество заключено въ предѣлы, по всей необходимости должно согласиться, что Оно объято зломъ. И какъ всегда объемлемое умалено предъ естествомъ объемлющимъ, то слѣдуетъ произойти преобладанію преизобилующаго. И такъ заключающій Божество въ какой либо предѣлъ допускаетъ воз-

можность надъ прекраснымъ возобладать противоположному. Но это нельзя. Посему да не разумѣется какое либо постиженіе невидимаго естества. Непостижимому же не свойственно быть объемлемымъ. Напротивъ того всякое вождѣленіе прекраснаго, привлекаемое къ оному восхожденію, всегда возрастаетъ вмѣстѣ съ желаннымъ шествіемъ къ прекрасному. И сіе то значитъ въ подлинномъ смыслѣ видѣть Бога, никогда не находить сытости своему вождѣлнію. Но кто видитъ, какъ только можно ему видѣть, тому надлежитъ непрестанно возгораться вождѣлніемъ увидѣть еще больше. И такимъ образомъ никакой предѣлъ не пресѣчетъ приращенія въ восхожденіи къ Богу, потому что и прекрасному не отыскивается никакого предѣла, и никакимъ пресыщеніемъ не пресѣкается усиливающееся вождѣлніе прекраснаго.

Но какое это мѣсто, разумѣемое Богомъ? какой это камень? И что опять за вмѣстимость въ камень? Какая это рука Божія, закрывающая устье пещеры въ камень? Какое это Божіе мимохождение? что такое задняя Божія, видѣніе чего обѣщаетъ Богъ дать Моисею, просившему зрѣнія лицемъ къ лицу? Безъ сомнѣнія, всему этому, и въ отдѣльности взятому, надлежитъ быть чѣмъ-то великимъ и достойнымъ великодаровитости Дающаго, чтобы обѣтованіе сіе можно было признать болѣе

величественнымъ и превысшнимъ всякаго, бывшаго уже великому служителю, богоявленія. Посему, какъ же изъ сказаннаго уразумѣть кто ту высоту, на которой и Моисей послѣ столькихъ восхожденій желаетъ еще восходить: и Самъ, *любящій Бога* вся поспѣшествующій *во благое* (Рим. 8, 28.), подъ Своимъ путеводительствомъ облегчаетъ восхожденіе? *Се мѣсто у Мене*, говоритъ Богъ (Исх. 33, 21.). Съ объясненнымъ во взглядѣ семъ прежде согласно, можетъ быть, такое понятіе. Указавъ мѣсто, Богъ не ограничиваетъ указуемаго количествомъ (ибо для неколичественнаго нѣтъ мѣры), — по умолчаніемъ объ очертаиіи относительно къ мѣрѣ руководить слушателя къ безпредѣльному и неизмѣримому. Посему слово, кажется мнѣ, выражаетъ таковую нѣкую мысль: *послику у тебя постоянно вождельніе простирается въ преднія*, не имѣешь сытости въ продолженіе своего теченія, не знаешь никакого удовлетворенія добромъ, но всегда желаніе твое стремится къ большому: то у Меня такое есть мѣсто, что проходящему оно никогда невозможно прекратить свое теченіе. Но сіе теченіе въ другомъ смыслѣ есть стояніе. Ибо говоритъ Богъ: поставлю тебя *на камени* (Исх. 33, 21.). Всего же чуднѣе это, почему одно и тоже есть и стояніе и движеніе. Кто восходитъ, тотъ, конечно, не стоитъ; и кто стоитъ, тотъ не восходитъ. А здѣсь са-

мое стояніе дѣлается восхожденіемъ. Это значить, что, чѣмъ кто въ большей мѣрѣ пребываетъ твердымъ и непреложнымъ, тѣмъ успѣшнѣе совершаетъ теченіе добродѣтели. А кто непостояненъ и поползновенъ въ своихъ помыслахъ, не стоитъ твердо въ добрѣ, но властается и скитается, какъ говоритъ Апостоль (Ефес. 4, 14.), колеблемый и сокрушаемый предположеніями и сомнѣніями о существующемъ,—тотъ никогда не взойдетъ на высоту добродѣтели; подобно тому, какъ идущіе на возвышеніе по неску, хотя, по видимому, и переходятъ ногами большое пространство, трудятся безъ пользы; потому что ступни скользятъ всегда по неску въ низъ; такъ что, хотя и производится движеніе, по въ движеніи не происходитъ никакого поступленія впередъ. Если же кто, какъ говоритъ псалмопѣніе, извлекши ноги изъ глубокой тины, утвердилъ ихъ *на камени* (Псал. 39, 3.),—камень же есть Христось, всесовершенная добродѣтель, то, чѣмъ онъ тверже водруженъ въ добрѣ и *не поступенъ*, по совѣту Павлову (1 Кор. 15, 58.), тѣмъ удобнѣе совершаетъ теченіе, какъ бы пѣккими крыльями, пользуясь симъ стояніемъ, и твердостію въ добрѣ окривляя сердце къ шествию горѣ.

Посему Показавшій Моисею мѣсто возбуждастъ къ теченію поприщемъ, а обѣщая стояніе на камнѣ, показываетъ ему способъ божь

ственнаго теченія. Въмѣстѣлище же въ камнѣ, которое въ Писаніи именуется *разсѣлиною*, прекрасно протолковавъ собственными своими словами божественный Апостоль, говоря, что разорившимъ земную скинію соблюдается въ уповаіи храма нерукотворенная небесная (2 Кор. 5, 1.). Ибо дѣйствительно, кто, какъ говоритъ Апостоль, *теченіе* совершилъ на этомъ широкомъ и пространномъ поприщѣ, которое въ божественномъ Писаніи наименовано мѣстомъ, и *вѣру* соблюлъ (2 Тим. 4, 7.), или какъ говорится загадочно, утвердилъ ноги свои *на каменіи*: того рука Подвигоположника украситъ вѣищемъ правды. Но таковая награда въ Писаніи именуется различно. Ибо одно и то же здѣсь называется *разсѣлиною* камня; а въ другихъ мѣстахъ *сладостію рая* (Быт. 3, 23.), вѣчнымъ кровомъ (Лук. 16, 9.), *обителію* у Отца (Іоан. 14, 2.), *лономъ* патріарха (Лук. 16, 22.), *страною живыхъ* (Ис. 114, 8.), водою покойною (Ис. 22, 2.), вышнимъ Іерусалимомъ (Гал. 4, 26.), царствіемъ небеснымъ (Матѣ. 7, 21.), почестію званія (Филип. 3, 14.), вѣищемъ благодатей (Притч. 1, 9.), вѣищемъ доброты (Прем. 5, 17.), столномъ крѣпости (Псал. 60, 4.), веселіемъ за трапезою, сосѣденіемъ съ Богомъ, престоломъ суда (Псал. 9, 8.) мѣстомъ пменнымъ (Иса. 56, 5.) и селеніемъ тайнымъ (Иса. 26, 9.). Посему утверждаемъ, что туже мысль имѣють и причисляющіе сюда вшествіе

Моисеево въ камень. Поселику у Павла подъ камнемъ разумѣется Христось; все же упованіе благъ, какъ вѣруемъ, во Христѣ, въ Которомъ, какъ дознали мы, сокровища благъ; то пребывающіи въ какомъ либо благѣ, конечно во Христѣ, содержащемъ въ Себѣ всякое благо.

А кто достигъ сего, и покрытъ рукою Божіею, какъ возвѣстило слово (рука же Божія есть зиждущая существа сила, Единородный Богъ, Которымъ *вся быша* (Іоан. 1, 3.), Который и для совершающихъ теченіе служить мѣстомъ, какъ *путь* ихъ теченія, по собственному слову Его (Іоан. 14, 6.), для утвердившихся же дѣлается камнемъ и для успокоившихся домою); тотъ услышитъ тогда призывающаго, и будетъ позади зовущаго, то есть, пойдетъ во слѣдъ Господа Бога, какъ повелѣваетъ законъ. Слыша сіе, уразумѣлъ великій Давидъ, и живущему *въ помощи Вышняго* сказалъ: *плечна Своица осьнитъ тя* (Пс. 90, 1. 4.); а сіе значитъ тоже, что быть позади Бога; потому что плечо принадлежитъ къ заднимъ частямъ. Да и о самомъ себѣ взываетъ Давидъ: *приле душа моя по Тебѣ: мене же приле десница Твоя* (Пс. 62, 9.). Видишь, какъ согласна съ исторіею псалмопѣніе. Какъ Давидъ говоритъ о воспріятіи десницею пригнувшаго по Богу; такъ и тамъ касается рука ожидающаго Божія гласа въ камнѣ, и умоляющаго о дозволеніи слѣдовать позади. Да и

Господь, вѣщавшій тогда Моисею, ставъ неполнителиемъ собственнаго своего закона; подобнымъ сему образомъ излагаетъ ученикамъ, раскрывая явный смыслъ сказаннаго загадочно. *Аще кто хочетъ по Мнѣ ити*, а не предо Мною, говоритъ Опъ (Лук. 9, 23.). И умоляющему о вѣчной жизни предлагаетъ тоже самое. Ибо говоритъ: *прииди, ходи въ слѣдъ Мене* (Марк. 10, 21.). По идущій въ слѣдъ видитъ задняя. Посему Моисей, истеричливо желающій видѣть Бога, научается теперь, какъ можно увидѣть Бога; а именно, что идти въ слѣдъ Бога, куда ни поведетъ Опъ, значить взрять на Бога, потому что шмохождение Божіе означаетъ вождение идущаго въ слѣдъ. Ибо незнающему пути невозможно безопасно совершить его иначе, какъ слѣдуя за путеводителемъ. Посему путеводитель тѣмъ самымъ, что предшествуетъ идущему въ слѣдъ, показываетъ ему путь. А идущій въ слѣдъ тогда не совращается съ прямаго пути, когда непрестанно видитъ задняя вождя. Ибо кто въ движеніи уклоняется въ сторону, или направляетъ взоръ, чтобы видѣть ведущаго въ лице, тотъ пролагаетъ себѣ иной путь, а не указуемый вождемъ. Почему говоритъ Богъ руководимому: *лице Мое не явится тебѣ* (Исх. 33, 23.), то есть, не становись лицомъ къ лицу предъ ведущимъ; потому что шествіе твое непременно будетъ въ противоположную сторону; доб-

рое не въ лице смотритъ доброму, но слѣдуетъ за нимъ. Представляемое въ противоположности лицомъ къ лицу противостоитъ доброму. Ибо порокъ смотритъ вопреки добродѣтели: добродѣтель же не представляется лицомъ къ лицу противостоящую добродѣтели. Посему Моисей смотритъ не въ лице Богу, но видитъ *задняя* Его. А кто смотритъ въ лицо, тотъ не будетъ живъ, какъ свидѣтельствуется Божественный гласъ: *не бо узритъ кто лице Господне, и живъ будетъ* (20.). Видишь, сколько важно научиться, какъ ходить въ слѣдъ Богу, а именно, послѣ высокихъ оныхъ восхожденій, послѣ страшныхъ и славныхъ богоявленій, къ концу только жизни едва удостоивается сей благодати научившійся стать позади Бога. Кто такъ ходитъ въ слѣдъ Бога, тотъ уже не встрѣчаетъ никакого столкновенія съ порокомъ.

Послѣ сего поражается зависть къ нему братіи: зависть—это начало зловредныхъ страстей, отецъ смерти, первая дверь грѣху, корень порока, порожденіе печали, мать бѣдствій, поводъ къ непокорности, начало стыда. Зависть изгнала насъ изъ рая, ставъ змѣемъ предъ Евою; зависть преградила доступъ къ древу жизни, и соевлеки съ насъ священные одежды, по причинѣ стыда привела къ вѣтвямъ смоковницы. Зависть вооружила Каина на естество, и произвела *седмижды* отмщае-

мую смерть (Быт. 4, 15.). Зависть содѣлала Иосифа рабомъ. Зависть — смертоносное жало, скрытое оружіе, болѣзнь естества, желчный ядъ, добровольное истощеніе, жестоко язвляющая стрѣла, гвоздь для души, огонь подъ сердцемъ, пламень сожигающій внутренности. Для зависти неудача — не собственное свое зло, но чужое добро; и на оборотъ также для нея удача, — не свое хорошее, но худое у ближняго. Зависть мучится благоуспѣшностію людей, и посмѣвается ихъ бѣдствіямъ. Сказываютъ, что питающіеся мертвыми тѣлами грифы мрутъ отъ мура; потому что естеству ихъ сродно зловонное и испортившееся. И одержимый этою болѣзнію, при благодѣствіи друзей, какъ бы отъ прикосновенія какого-то мура, гибнетъ. Если же слѣдствіемъ бѣдствія усматривается какое либо страданіе, прилетаетъ къ страдающему, налагаетъ искривленный свой клювъ, извлекая изъ сокровенныхъ причины безуспѣшности. Многихъ прежде Моисея поборола зависть. Но приразившись къ сему великому человѣку, подобно какому либо глиняному изваянію ударившемуся о камень, сама себя сокрушаетъ. Ибо въ этомъ паншаче и оказалась польза хожденія съ Богомъ, которое совершалъ Моисей, протекающій Божиимъ мѣстомъ, ставшій на камнѣ, вмѣстившійся въ его разсѣлинѣ, покрываемый Божіею рукою, сзади идущій въ слѣдъ вождя; не въ лице ему взн-

рающей, по видящей задняя. Посему, что по мѣрѣ возможности содѣлался онъ наиблаженнымъ, доказываетъ сіе тѣмъ, что идетъ въ слѣдъ Бога, и притомъ выше полета брошенной изъ лука стрѣлы; потому что зависть пускаетъ стрѣлу въ него, но полетъ ея не достигаетъ высоты, на которой былъ Моисей. Тетива лукавства была не въ состояніи съ такою силою выстрѣлить въ Моисея страстію, чтобы отъ болѣвшихъ ею прежде дошла и до него. Но хотя Ааронъ и Маріамъ уязвлены были страстію злорѣчія (Числ. 12, 1.), и дѣлаются какбы нѣкимъ лукомъ зависти, вмѣсто стрѣлъ поражая его словомъ: однакоже Моисей столько далекъ отъ общенія съ ними въ недугѣ, что даже врачуетъ заболѣвшихъ сею страстію, не только самъ оставаясь неподвижнымъ къ наказанію оскорбившихъ, но и умилоствляя за нихъ Бога, тѣмъ самымъ, что дѣлалъ, показывая, какъ думаю, что хорошо огражденный щитомъ добродѣтели не будетъ уязвленъ остріями стрѣлъ; потому что твердость вооруженія притупляетъ остріе и отражаетъ стрѣлы назадъ. Оружіемъ же, охраняющимъ отъ таковыхъ стрѣлъ, бываетъ Самъ Богъ, въ Котораго облакается воинъ добродѣтели. Ибо сказано: *облецытеся Господемъ Исусомъ* (Рим. 13, 14.). Вотъ несокрушимое всеоружіе, каковымъ оградившись, Моисей лукаваго стрѣлка содѣлалъ бездѣйственнымъ. Такъ овладѣло Мо-

исеемъ смягчающее влеченіе къ оскорбившимъ; не позналъ онъ, что справедливо по естеству, и притомъ въ отношеніи къ осужденнымъ на нелицепріятномъ судѣ, — по сдѣлался молитвенникомъ за братіи предъ Богомъ. А сего не сдѣлалъ бы, еслибы не былъ позади Бога, Который для безопаснаго вожденія путемъ добродѣтели показалъ ему *задняя*.

А таково и прочее за симъ послѣдовавшее. Поелику естественный врагъ челоѣковъ не имѣлъ возможности сдѣлать вредъ Моисею; то обращаетъ оружіе на тѣхъ, кого легче ему уловить. И какъ бы стрѣлу какую, пустивъ въ народъ страсть чревоугодія, настроилъ его въ пожеланіи нищи уподобиться Египтянамъ, небесной оной нищѣ предпочтя яденіе огнистскихъ мясъ. Но высокій душою мужъ, возносящійся выше таковой страсти, всецѣло преданъ былъ будущему наслѣдію, какое обѣтовалъ Богъ переселеннымъ изъ мысленнаго Египта, и шествующимъ въ опую землю, въ которой течетъ млеко смѣшанное съ медомъ. Посему-то соглядатаевъ дѣлаетъ иѣкими наставниками, извѣщающими о благахъ этой земли. И сими соглядатаями, по моему разсужденію, могли быть, какъ подающіе благія надежды, то есть, помыслы поражаемые вѣрою, утверждающіе въ уованіи на уготованныя блага; такъ доводящіе и до отчаянія въ добрыхъ надеждахъ, то есть, помыслы, внушаю-

мые сопротивникомъ, ослабляющіе вѣру въ обѣтованія. Но Моисей, не обращая никакого вниманія на сопротивныхъ, признаеть вѣрнымъ возвѣщающаго объ оной землѣ лучшее. Сообщающій же подтвержденіемъ своимъ вѣрность возвѣщаемому былъ предводитель лучшаго согляданія, Іисусъ. На него изирая, Моисей имѣлъ твердыя надежды на будущее, признакомъ тамошняго обилія почитая гроздь виноградный, принесенный Іисусомъ на жердяхъ (Числ. 13, 24.). А слыша объ Іисусѣ, описывающемъ оную землю, и видя гроздь, повѣшенный на деревѣ, конечно, обратилъ мысль къ Тому, на что и онъ изирая, укрѣпился въ надеждахъ. Ибо гроздь, висящій на деревѣ, Кто шпій, кромѣ того въ послѣдніе дни повѣшеннаго на деревѣ Грозда, кровь Котораго содѣлалаеь спасительнымъ питіемъ для вѣрующихъ?

Послѣ того, какъ предрекъ намъ сіе Моисей загадочно: *кровь гроздову пїяху* (Второз. 32, 14.), чѣмъ указывается на спасительное страданіе, снова продолжается путь по пустышѣ, и народъ, отчаявшійся въ обѣтованныхъ благахъ, томится жаждою. Но Моисей снова наводитъ для нихъ камень пустыню. А таковое слово, при умозрительномъ взглядѣ, да научить насъ тому, что такое—таинство покаянія. Ибо по однократномъ вкушеніи воды отъ камня обратившіеся къ чреву и плоти и къ египетскимъ

удовольствіямъ осуждаются на глѣзъ помысловъ о причастіи благъ. Но возможно имъ снова при посредствѣ покаянія обрѣсти камень, который оставили, снова отверзеть себѣ водную струю, снова утолить жажду влагою, какую издастъ камень тому, кто увѣровалъ, что созиданіе Иисусово истиннѣе созиданія сопротивныхъ, кто взираетъ на Гроздъ, за пастъ источившій кровь и обогреннѣй кровію, кто снова древомъ заставилъ камень источить имъ воду. Впрочемъ народъ не обучился еще ходить по слѣдамъ великодушія Моисея, еще увлекается въ рабскія похоти, склоняется къ египетскимъ наслажденіямъ. Исторія примѣромъ ихъ показываетъ нѣсколько, что человѣческая природа всего болѣе преклонна къ таковой страсти, и что тысячи путей ведутъ къ этой болѣзни. Почему Моисей, какъ нѣкій врачъ, умѣющій при помощи искусства преодолевать всегда страсть, не позволяетъ болѣзни возобладать надъ ними даже до смерти. Пожеланіе неумѣтнаго породило имъ змievъ, а угрызеніе сообщило смертоносный ядъ подвергшимся угрызенію: но великій законодатель подобіемъ змія привелъ въ бездѣйствіе силу пастоящихъ змievъ.

Но время уже ясенѣе раскрыть сію загадку. Одно врачество отъ злыхъ этихъ страстей—очищеніе душъ нашихъ, совершаемое таинствомъ благочестія. Главное же, что пріемлет-

ся вѣрою въ таинствѣ, есть воззрѣніе на страданіе за насъ Пострадавшаго. Странаніе же есть крестъ; почему взирающій на Него, какъ повѣствуетъ Исаіе, не терпитъ вреда отъ яда похотѣнія. Взирать на крестъ, значить всю жизнь свою содѣлать какъбы мертвою и распятою для міра, пребывать неподвижнымъ на всякій грѣхъ, какъ говоритъ Пророкъ, пригвоздившимъ страху Божию плоти своя (Ис. 118, 120.). Гвоздемъ же, удерживающимъ плоти, послужитъ воздержаніе. Посему, такъ какъ похотѣніе неумѣстнаго извлекаетъ изъ земли смертоносныхъ змій (потому что всякое порожденіе лукаваго похотѣнія есть змій); то посему-то законъ предугадываетъ намъ являемое на деревѣ: и это есть подобіе змія, а не змій, какъ и божественный Павелъ говоритъ: *въ подобіи плоти грѣха* (Рим. 8, 3.). А истинный змій—грѣхъ; кто предался грѣху, тотъ облекается въ естество змія. Посему человекъ освобождается отъ грѣха Пріявшимъ на Себя подобіе грѣха. Тѣмъ, Кто содѣлался подобенъ намъ, превратившимся въ собственный видъ змія, Тѣмъ, Кто угрызенія дѣлаетъ не смертельными, но не уничтожаетъ самыхъ змій. Зміями же называю похотѣнія. Ибо взирающіе на крестъ не подвергаются дѣйствию на нихъ лукавой смерти; но не вовсе изгнано въ нихъ остающееся похотѣніе плоти на духъ. И въ вѣрныхъ нерѣдко дѣйствуютъ угрызенія похотѣ-

нія; но кто взираеть на Вознесеннаго на древо, тотъ прочь гонитъ отъ себя страсть, страхомъ заповѣди, какъ бы врачевствомъ какимъ, разсѣявъ силу яда. А что вознесенный въ пустыщѣ змій есть знаменіе крестнаго таинства, сему ясно учить Божіе слово, когда говоритъ: *якоже Моисей вознесе змію въ пустыни, тако подобаетъ возвестися Сыну человеческому* (Іоан. 3, 14.).

Грѣхъ, по какой-то на зло намъ послѣдовательности, свойственнымъ ему путемъ идетъ еще далѣе, какъ бы непрерывною какою цѣпью простираясь впередъ. И законодатель, какъ нѣкій врачъ, вмѣстѣ съ стремленіемъ зла ераспростираеть и свое врачевство. Поелку угрызение змievъ для взирающихъ на подобіе змія (безъ сомнѣнія, разумѣень сказанное загадочно) содѣлалось подѣйствительнымъ; то иной способъ грѣха примышляется разнообразно ухищряющимся противъ насъ на подобное сему, какъ и нынѣ можно видѣть совершающимся это во многихъ. Иные, когда цѣломудренною жизнію обуздають страсть похотѣнія, самовольно вторгаются въ священство, человеческими просками и усиліями приевонть себѣ рукоположеніе, оскорбляя Божіе домостроительство. А до сего злаго послѣдованія грѣху доводитъ тотъ, кого обвиняеть исторія, что онъ внушаеть людямъ злое. Когда земля, по вѣрѣ въ Вознесеннаго на древо, перестала въ

наказаніе похотливымъ раждать зміевъ, и убѣдились, что не повредятъ имъ ядоносныя угрызения, тогда въ освободившихся отъ страсти похотѣнія входитъ недугъ гордыни. Признавая низкимъ хранить на себѣ чинъ, въ которой поставлены, сами вторгаются въ сакъ священства, усиливаясь изгнать изъ него пріившихъ служеніе сіе отъ Бога; погибли они, поглощенные разверзтою землею; а что осталось на землѣ отъ подобнаго скопища, то пожжено молніями. И Писаніе, думаю, повѣствованіемъ симъ научаетъ, что конецъ горделиваго превозношенія есть нисхождение въ преподную. И иный на семъ, можетъ быть, основанія не несправедливо опредѣляетъ гордость схожденіемъ долу. Если же, по предположенію многихъ, мысль о томъ клонится къ противному, не дивись сему; ибо многимъ кажется, будтобы словомъ: гордость означается — быть выше другихъ. Но истина повѣствуемаго подтверждаетъ наше опредѣленіе. Ибо если превознесшіеся надъ другими низошли долу въ зіяніи разсѣдшейся земли; то никто не осудитъ опредѣленія, по которому гордость есть паденіе въ самыя дольнія страны. Моисей взирающихъ на сіе научаетъ быть скромными и не превозноситься пресифаніями, но всегда хорошо распорядиться настоящимъ. Ибо по той причинѣ, что сталъ ты выше сластолюбія, не имѣешь уже права безотчетно предаваться

другому роду страсти. Всякая страсть, пока будетъ страстію, есть паденіе; въ замѣнѣ же страстей одной другою нѣтъ никакой разности паденій. Кто поползнулъ отъ скользкости удовольствій, тотъ палъ; и кто занулся по гордости, также палъ. Ни одного же рода паденій не избереть для себя имѣющій умъ, по равно долженъ избѣгать всякаго паденія, пока оно будетъ паденіемъ. Почему, если и нынѣ увидишь кого, что съ одной стороны свободенъ отъ недуга сластолюбія, но, стараясь показать, что онъ выше другихъ, вторгается въ священство: то представляй о немъ, что видишь его съ высоты гордости падающимъ въ преисподнюю.

Ибо въ послѣдующемъ законѣ учить, что священство есть достояніе божественное, а не человѣческое, учить же сему такъ: жезлы каждаго колѣна, означивъ именами давнихъ. Моисей полагаетъ при алтарѣ, чтобы жезлъ, отличенный отъ прочихъ пѣкіимъ Божественнымъ чудомъ, содѣлался свидѣтельствомъ рукоположенія свѣще. И послѣду сіе исполнилось. жезлы другихъ колѣнъ остались тѣмъ же, чѣмъ были, а жезлъ іерея, укоренившись въ себѣ самомъ, не отъ посторонней какой влаги, но вложенною въ него божественною силою, произрастилъ вѣтвь и плодъ; и плодъ пришелъ въ зрѣлость; плодомъ же былъ орѣхъ; то по совершеніи сего все подвластные Моисею обу-

числихъ благочинно. По причинѣ же плода, произращеннаго жезломъ іерейскимъ, надобно придти къ мысли, сколько воздержною, строгою и суровою надлежитъ быть жизни въ священствѣ по виѣшнему ея поведенію, а внутренно, втайнѣ и невидимо какую содержать въ себѣ питательность, что въ орѣхѣ обнаруживается, когда питательное со временемъ созреетъ, твердая оболочка распадется, и деревянистый этотъ покровъ на питательномъ плодѣ будетъ сокрушенъ. Если же дознаешь, что жизнь какого либо, такъ называемаго, іерея похожа на яблоко, благоуханна, цвѣтетъ, какъ роза (весьма же многіе изъ нихъ украшаются вѣсопомъ и червленицею, утучняютъ себя дорогими явстами, пьютъ *вино процѣженное*, мажутъ *первыми вонями* (Амос. 6, 6.)), и все, что только по первому вкушенію кажется сладкимъ, признаютъ необходимымъ для жизни пріятной); то прекрасно будетъ сказать тебѣ при этомъ евангельское слово: вижу плодъ, и по плоду не узнаю древа священства. Инаковъ плодъ священства; а инаковъ этотъ; тотъ плодъ—воздержаніе; а этотъ—роскошь; тотъ землею влагою не утучняется; а къ этому съ дольнихъ мѣсть стекается много потоковъ наслажденій, съ помощію которыхъ такою красотою рѣдетъ зрѣлый плодъ жизни.

Когда же подчиненные Моисея стали свободны и отъ этой страсти; тогда вступаютъ

въ иноплемешную жизнь, между тѣмъ какъ законъ при уклоненіяхъ въ другую сторону водеть ихъ царскимъ путемъ. Ибо путнику уклоненіе въ сторону опасно. Какъ если двѣ сдвинувшіяся стремнины оставляютъ одну тропинку на высокомъ береговомъ утесѣ, то идущему по ней не безбѣдно туда и сюда уклоняться отъ средины, потому что на обѣихъ, можетъ быть, сторонахъ за уклоненіемъ послѣдуетъ обрывъ со стремнины: такъ и законъ требуетъ отъ идущаго по его слѣдамъ не оставлять *пути*, какъ говоритъ Господь, *узкою и тѣсною* (Матѳ. 7. 14.), никакого уклоненія ни въ лѣво, ни въ право не признавая благоуспѣшнымъ. И симъ словомъ опредѣляется то ученіе, что добродѣтели состоятъ въ срединѣ. Почему всякій порокъ обыкновенно совершается, или отъ недостатка, или отъ нарушенія мѣры, добродѣтели; на примѣръ относительно къ мужеству робость есть нѣкоторый недостатокъ сеѣ добродѣтели; дерзость — нарушеніе мѣры; но что свободно отъ того или другаго изъ сихъ пороковъ, то усматривается въ срединѣ между ними и есть добродѣтель. Точно также и все прочее, что заботится о совершеннѣйшемъ, держится какъ-то средины между худымъ соудетвомъ; мудрость занимаетъ средину между хитростію и простотою. Непохвальны ни мудрость змѣя, ни простота голубя, если каждое изъ сихъ свойствъ взять одно, само по себѣ; по

поведеніе, держащееся середины между тѣмъ и другимъ, дѣлается добродѣтельно. У кого недостасть цѣломудрія, тотъ развратенъ; а кто имъ избыточествуетъ, тотъ *сожжегъ совѣстію*, какъ опредѣляетъ Апостолъ (1 Тим. 4, 2.). Одинъ неудержимо утопаетъ въ удовольствіяхъ; другой и бракомъ гнушается наравнѣ съ прелюбодѣйствомъ; поведеніе же, усматриваемое въ серединѣ между сими, есть цѣломудріе. Поелику же, какъ говоритъ Господь, *міръ сей во зло лежитъ* (1 Іоан. 5, 19.), а для послѣдователей закона иновременно то, что противоположно добродѣтели, то есть порокъ: то проходящій жизнь въ этомъ мірѣ безопасно совершить необходимо сіе теченіе добродѣтели, если сохранитъ истинно царскій путь, углаженный и убѣленный добродѣтельно, нимаю не совращаемый порокомъ на прилежація распутія.

Но какъ, по сказанному, съ восхожденіемъ добродѣтели вмѣстѣ восходитъ и злокозность противника, отыскивающая примѣнительно къ каждому поводу къ совращенію въ грѣхъ: то, чѣмъ болѣе пародъ возрастаетъ въ жизни по Богу, и сопротивникъ противъ этихъ сильныхъ въ военномъ дѣлѣ употребляетъ тогда иную кознь. Когда воюющіе видятъ, что полкъ превосходящихъ силами враговъ неодолимъ въ открытомъ бою, тогда преодолеваетъ ихъ, ведя переговоры и ставя засады. Такъ и полчище злобы противъ укрѣпившихся зако-

помъ и добродѣтелию, не лицомъ къ лицу выводитъ силы свои, по въ какихъ-то засадахъ скрытно строятъ имъ козни. Поэтому, и злоумышляя на Израильтянъ, призываетъ въ помощь чародѣйство. И вотъ исторія говоритъ, что былъ ивѣкій *волхвъ* (Ис. Нав. 13, 22.) и птицегадатель (Чис. 23, 23.), по какому-то демонскому дѣйствию имѣлъ при этомъ силу вредить, принадлежалъ же къ числу враговъ, и властителемъ Мадіанитянъ нанятъ былъ своими проклятіями нанести вредъ живущимъ по Богу; и онъ-то клятву переимѣнилъ въ благословеніе. А мы изъ связи разсмотрѣннаго доселѣ уразумѣваемъ, что волшебство недѣйствительно противъ живущихъ добродѣтельно; напротивъ того подкрѣпляемые Божіею помощію преодолеваютъ всякую кознь. О томъ, что упомянутой исторіею занимался птицегадательнымъ волхвованіемъ, свидѣтельствуетъ она, когда говоритъ: *волхвованія въ руку его* (Числ. 22, 7.), и совѣщается онъ съ птицами, а еще прежде сего сказуетъ, какъ крикомъ ослицы наученъ, что предстояло его усилю.

Голосъ этой ослицы (такъ какъ волхву обычно было, по какому-то демонскому дѣйствию, совѣщаться съ голосами безсловесныхъ) Писаніе представляетъ, какъ бы членораздѣльнымъ, показывая, что предзанятыя таковымъ демонскимъ оболъщеніемъ доходятъ до убѣжденія принимать за слово по ивѣкому наблюденію

изъ голоса безсловесныхъ извлеченное ими наставленіе. И волхвъ, внимая сему, тѣмъ самымъ, чѣмъ обольщался, научень, что непреоборима сила тѣхъ, противъ кого онъ панять. И по евангельской исторіи къ сопротивленію власти Господа готовилось полчище (legіонъ) демоновъ: но когда приближается къ нему Имѣющій державу надъ всѣми, возглаголетъ оно о превозмогающей силѣ и не скрываетъ истины, что Божіе естество — Тотъ, Кто въ надлежащее время наложитъ наказаніе на согрѣшившихъ. Ибо демонскій голосъ произноситъ: *вѣлиъ Ты кто еси, Святый Божій* (Марк. 1, 24.); и: *пришелъ еси прежде времени мучити насъ* (Матѣ. 8, 29.). Тоже произошло и тогда; сопровождавшая волхва сила демонская открываетъ Вааламу непреоборимость и ненобъдимость народа Божія.

А мы, принаровляя исторію къ изслѣдованному доселѣ, утверждаемъ, что намѣревающійся проклясть живущихъ добродѣтельно не можетъ произнести ни одного огорчительнаго и противнаго слова, но проклятiе обращаетъ въ благословеніе. Разумѣется же подъ снмъ то, что живущихъ добродѣтельно не касается укоризна злорѣчія. Ибо какъ нестяжателя укорить въ любостыжательности? Какъ объ отшельникѣ и живущемъ уединенно распускать кому либо слухъ, что онъ живетъ распутно? или о кроткомъ, что онъ раздражителенъ? или

о смиренномудренномъ, что ошъ кичливъ? или шное чтò укориженное разгланать о людяхъ, которые извѣстны съ противной стороны, у которыхъ та и цѣль, чтобы представить жизнь неувомимою для насмѣшника, да посражится, какъ говорить Апостоль, *противный, ничто же имья глаголати* (Тит. 2, 8.). Посему и голосъ призваннаго для проклятiя произноситъ: *чтò проклену, его же не кленетъ Господь* (Числ. 23, 8.)? то есть, какъ буду злословить недавшаго шци злословію? У него, послку взоръ обращенъ къ Богу, то и жизнь неуязвима порокомъ.

Впрочемъ изобрѣтатель зла, когда не уснѣлъ въ этомъ, не вовсе перестаетъ примышлять козни тѣмъ, на кого злоумышлялъ, а навротивъ того обращаетъ изобрѣтательность на особую военную хитрость, уловляетъ естество человѣческое въ порокъ приманкою удовольствiй. И дѣйствительно удовольствiе, подобно какой-то приманкѣ, ко всякому пороку, какъ скоро поставлено на видъ, жадныя души удобно привлекаетъ удою гибели; особливо же естество наше безъ всякой какой-то осторожности вовлекается во зло сладострастiемъ. Такъ было и тогда; тѣхъ, которые преодолѣли оружіемъ, показали, что всякое прираженіе желѣза уступаетъ крѣпостію собственной ихъ силѣ, стремительно обратили въ бѣгство со противныя дружины, — ихъ самихъ сластолюбiе

уязвило женскими стрѣлами. И побѣдившіе мужей уступили побѣду женамъ. Едва только показались предъ ними женщины, вмѣсто оружія противопоставили имъ свои лица, и они немедленно забыли о силѣ мужества, раздраженіе ихъ перемѣнилось въ желаніе правиться. И въ такое пришли состояніе, въ какомъ естественно быть до неистовства предавшимся беззаконному смѣшенію съ иноплеменицами. Освоеніе же со зломъ стало отчужденіемъ помощи добраго; потому что вскорѣ востало на нихъ Божество. Но ревнитель Финесъ не ждалъ, чтобы грѣхъ былъ очищенъ по приговору свѣше; напротивъ того самъ содѣлался и судіею и исполнителемъ казни. Подвигнись гнѣвомъ на неистовыхъ, исполнилъ онъ дѣло іерея, кровію очистивъ грѣхъ, и кровію не какого либо невиннаго животнаго, непріятнаго на себя никакой еверны неотребства, но кровію совокунившихся между собою въ грѣхѣ. И копье, прозвившее два ихъ тѣла, успокоило готовое подвигнуться на нихъ Божіе правосудіе, наслажденіе согрѣшившихъ славъ въ едино съ ихъ смертію. Но мнѣ кажется, что исторія сія предлагаетъ вмѣстѣ людямъ душеполезный нѣкій совѣтъ, паучающій насъ, что изъ многихъ страстей, поборающихъ человѣческіе помыслы, ни одна не имѣетъ на насъ такой силы, чтобы равняться ей съ недугомъ сластолюбія. Ибо что и эти Израильтяне, кото-

рые показали себя неубоявшимися египетской конницы, побѣдили Амаликитянъ, содѣлались страшными и послѣ нихъ слѣдовавшему народу, а потомъ преодолѣли дружину Мадіанитянъ, — и они самые внезапно, при одномъ взрѣніи на иноземныхъ женщинъ, поработились сему недугу, и снмъ, какъ сказано, не иное что доказываютъ, а только то, что сластолюбіе — такой нашъ врагъ, который съ трудомъ поборается и преодолевается, который, однимъ своимъ появленіемъ одержавъ верхъ надъ непобѣдимыми оружіемъ, воздвигъ памятникъ ихъ безчестія, стыдъ побѣжденныхъ предавъ позору, при свидѣтельствѣ дневнаго свѣта. Сластолюбіе въ скотовъ преобразило людей, которыхъ скотское и неразумное стремленіе къ ненотребству убѣдило забыть человѣческую свою природу; и они не таятъ преступленія, но величаются безчестіемъ страсти, утѣшаются екверною срама, подобно свиньямъ открыто, въ глазахъ другихъ, валяются въ тинѣ нечистоты.

Чему же научаемся изъ сего повѣствованія? Тому, чтобы, дознавъ, съ какою силою вовлекаетъ въ зло недугъ сладострастія, какъ можно дальше, отъ подобнаго соедѣства устранили мы жизнь свою, и чтобы не могъ, какимъ бы то ни было путемъ, прокрасться къ намъ этотъ недугъ, подобный какому-то огню, однимъ приближеніемъ производящему губительное за-

паленіе. Сему учитъ Соломонъ, совѣтуя въ книгѣ Премудрости: обнаженною ногою не касаться горящаго угля и не класть огня въ нѣдра (Прит. 6, 27. 28.); такъ какъ въ нашей волѣ пребывать въ безстрастіи, пока мы далеко отъ поджигающаго насъ. А если до того сблизилъ, что будемъ касаться этого палящаго зноя, то огонь похотѣнія внѣдрится въ насъ, и такимъ образомъ послѣдуетъ то, что и нога будетъ обожжена, и нѣдро повреждено. Чтобы вдали берегли мы себя отъ подобнаго зла, Господь въ Евангеліи, собственнымъ словомъ Своимъ, какъ бы нѣкій корень страсти, отсѣкаетъ пожеланіе, возбуждаемое зрѣніемъ, научая, что принявшій въ себя страсть взоромъ даетъ нуть болѣзни; потому что лукавыя страсти, подобно заразѣ, какъ скоро однажды овладѣютъ существеннымъ въ человѣкѣ, прекращаются только смертію.

Но думаю, что тѣмъ, которые цѣлую жизнь Моисееву предложили читателямъ въ образецъ добродѣтели, нѣтъ нужды дить слово. Кто напрягаетъ силы свои къ жизни высокой, тому и сказанное послужитъ нескуднымъ напутіемъ къ истинному лобомудрію; а кто изнемогъ для подвиговъ добродѣтели, для того, если написать и во много кратъ больше сказаннаго, не будетъ пользы отъ этого труда, развѣ только будетъ предано забвенію то, въ чемъ слово наше, по опредѣленію высказанному въ пре-

днеловин, стоитъ твердо, а именно: совершенная жизнь такова, что никакое описаніе совершенства не останавливаетъ дальпѣйшаго преслѣянія въ оной, но непрестанное возрастаніе въ усовершеніи жизни для души есть путь къ совершенству.

Приведа слово къ концу Моисеевой жизни, хорошо будетъ доказать, что сіе данное намъ правило совершенства несомнѣнно. Ибо кто въ теченіи всей жизни достигаетъ большей и большей высоты столь многими восхожденіями, тотъ не сомнѣвался стать еще выше себя самаго, такъ что жизнь его, подобно орлу, во всемъ, думаю, усматривается надоблачною, превыспреннею, царящею въ зѣврѣ мысленнаго восхожденія. Родился онъ, когда Египтянами родиться Еврею вмѣнялось въ проступокъ. Мучитель по закону наказывалъ родившагося. Но Моисей не подчиняется губительному закону, спасенный сперва родителями, а потомъ и самими постановившими законъ; и кому по закону надлежало стараться объ его смерти, тѣ приложили все попеченіе, не только о жизни его, но и о жизни славной, обучая юношу всякой премудрости. Послѣ сего ставитъ онъ себя выше человѣческой почести, применитѣ царскаго саиа, признавъ болѣе могущественнымъ и царственнымъ, вмѣсто званія царскаго оруженосца, и вмѣсто царскихъ украшеній, имѣть право стать на стражѣ доб-

родители и величаться ся веледѣшиемъ. Потомъ спасаетъ соотечественника, низлагаетъ же ударомъ Египтянина, подъ которымъ въ нашемъ послѣдовательномъ обзорѣни разумѣемъ мы врага и друга души. Послѣ этого преподавателемъ высокихъ уроковъ дѣлаетъ безмолвіе, и просвѣщаетъ умъ свѣтомъ, возсіявшимъ изъ купины. И тогда прилагаетъ стараніе и соотечественниковъ сдѣлать участниками въ дарованныхъ ему свыше благахъ. При этомъ представилъ сугубое доказательство силы, карательное въ разнообразныхъ одна за другою послѣдовавшихъ казняхъ врагамъ, и благодѣтельное соотечественникамъ. Пѣшимъ переводить черезъ море многочисленный народъ, не отрядъ кораблей приготовивъ для себя, но въ Израильтянахъ для плаванія оснастивъ вѣру. Немокренною дѣлаетъ для Евреевъ глубину, а для Египтянъ море — моремъ. Воспѣлъ и побѣдную пѣснь, и путеводемъ былъ столпомъ, озаряемъ небеснымъ огнемъ, устраивъ свою трапезу изъ снѣди, подаваемой свыше, утолялъ жажду камнемъ, воздѣвалъ руки на погибель Амаликитянъ; и къ горѣ приступаетъ, услышалъ звукъ трубы, входитъ и во мракъ, приблизился къ Божию естеству, пребывалъ въ горней скинии, придавъ благолѣпіе священству, устроилъ скинию, исправилъ жизнь законами, нанослѣдокъ, по сказанному, преуспѣлъ въ войнахъ. При концѣ своихъ преслѣщій,

при помощи священства наказалъ непотребство: ибо сіе далъ разумѣть гнѣвъ Финесса, обнаруженный имъ противъ страсти.

Въ заключеніе всего этого восходитъ на гору упокоенія, не сходитъ на дольную землю, къ которой по обѣтованію обращалъ взоры стоявшій долу народъ, не вкушаетъ болѣе земной пищи помышлявшій о снѣди дождимой свыше, но пребывая высирь на самой вершинѣ горы, какъ свѣдущій какой ваятель, преобразивъ себя въ полное изваяніе жизни, въ заключеніе произведенія со тщательностію прилагаетъ, не конецъ, но вѣнецъ дѣлу всему. Ибо что говорятъ о немъ исторія? *Скончася Моисей, рабъ Господень, словомъ Господнимъ, и не увидѣ никтоже погребенія его; и не отемнисть очи его, и не истѣбло лице его* (Втор. 34, 5. 7.).

А изъ сего научаемся, что за столь многія преслѣванія удостоивается тогда этого высокаго имени — чтобы называться рабомъ Божиимъ, что значитъ тоже, какъ и сказать: онъ сталъ совершеннѣе всякаго. Ибо никто не возможетъ служить Богу, развѣ только тотъ, кто всѣхъ совершеннѣйшимъ содѣлался въ мірѣ. У Моисея и конецъ добродѣтельной жизни совершился *словомъ Господнимъ*. Исторія называетъ оный кончиною, кончиною живою, за которою не слѣдуетъ погребеніе, не насыпаютъ могильнаго холма, не оказывается поте-

миѣнія въ очахъ и неслѣнія въ лицѣ. И такъ чему же научаемся сказаннымъ? Одинъ конецъ имѣть въ виду въ продолженіе жизни, — чтобы за содѣланное нами въ жизни быть названу рабомъ Божиимъ. Ибо, когда преодолены всѣхъ враговъ, Египтянина, Амазкитянина, Идумея, Мадіанитянина, перейдешь черезъ воду, озаришься облакомъ, уладишься деревомъ, испіеши отъ камня и вкусиши пищи свыше, чистотою и невинностію положишь путь къ восхожденію на гору, и бывъ тамъ, посвященъ будешь въ Божественное таинство при звукѣ трубъ, въ неувидимомъ мракѣ приближишься вѣрою къ Богу, тамъ обученный таинствамъ скиніи и изучившій санъ священства; когда содѣлаешься камелопѣтцемъ сердца своего, чтобы на скрижаляхъ его Богомъ могли быть начертаны слова Божіи; когда уничтожишь золотой кумирь, то есть, изгладивъ изъ жизни похоть любостыжанія; когда столько возвысишься, что содѣлаешься непреодолимымъ для Валамова волхвованія (а слыша о волхвованіи, разумѣй многоразличную прелесть этой жизни, отъ которой люди, какъ бы напоенные изъ какой-то киркенной чашки, вышедши изъ собственнаго своего естества, превращаются въ видъ безсловесныхъ); когда совершится все это, и прозябнетъ въ тебѣ жезлъ священства, не всасывая въ себя для прозябенія никакой земной влаги, но самъ въ себѣ заключая силу

плодоношенія, и именно принесеніе въ плодъ орѣха, у котораго первое, что въ немъ представляется, горько и твердо, но содержащее въ этомъ сладко и годно въ пищу: когда все возстающее противъ твоего достоинства, приведешь въ уничтоженіе, какъ Давана, поглощеннаго землею, или истребишь огнемъ, какъ Корея: тогда приблизишься къ концу; концемъ же называю то, ради чего все дѣлается. Какъ папримѣръ: конецъ земледѣлія — вкушеніе плодовъ; конецъ постройки дома — обитаніе въ домѣ; конецъ торговли — богатство; конецъ трудовъ подвижническихъ — вѣнецъ: такъ и конецъ высокаго житія — называться рабомъ Божиимъ, подѣ чѣмъ разумѣется также и то, чтобы не имѣть надъ собою могильной насыни, то есть, сдѣлать жизнь не влскущею за собой дурныхъ послѣдствій.

Но Писаніе сказываетъ другій признакъ сего рабства, — непотемнѣніе очей и неистлѣніе лица. Ибо оку, которое всегда во свѣтѣ, какъ отемнѣть отъ тмы, которой оно чуждается? И кто во всю жизнь преуснѣвалъ въ неслѣніи, тотъ, конечно, не пріемлетъ въ себя никакого тлѣнія. Ибо кто дѣйствительно созданъ по образу Божию, и не измѣнилъ въ себѣ ни одной Божественной черты; тотъ носитъ въ себѣ сіи признаки, и подобіемъ во всемъ соотвѣтствуетъ первообразу, неслѣніемъ, не-

измѣняемостію и отсутствіемъ всякой примѣси порока украшая свою душу.

Вотъ тебѣ, человекъ Божій, Кесаріи, предлагается краткое сіе наше слово о совершенствѣ жизни добродѣтельной, изобразившее жизнь великаго Моисея, какъ пѣкій въ лицахъ первообразъ красоты, съ котораго и мы, каждый порознь, подражаніемъ симъ упражненіямъ, можемъ изображать въ себѣ очертаніе показанной намъ красоты. Что Моисей преуспѣлъ въ возможномъ совершенствѣ, въ этомъ найдется ли для насъ какой свидѣтель, достовѣрнѣйшій Божія слова, которое говоритъ ему: *вълізъ ты паче всѣхъ* (Исх. 33, 12.). И то, что Самимъ Богомъ наименованъ опъ другомъ Божіимъ, и, что, желая лучше погибнуть со всѣми, если Богъ и имъ по благоволенію не окажетъ помилованія за все, въ чемъ согрѣшили, остановилъ гнѣвъ на Израильтянъ, потому что Богъ измѣнилъ опредѣленіе Свое, чтобы не огорчить друга,—и это и все сему подобное служить яснымъ свидѣтельствомъ и доказательствомъ того, что жизнь Моисея достигла самаго крайняго предѣла совершенства.

Итакъ, поелику вопросъ у насъ былъ о томъ, что такое совершенство въ добродѣтельномъ житіи; а по сказанному совершенство сіе найдено: то остается тебѣ, доблестный, имѣть предъ очами этотъ образецъ, и что усмотрѣно при высшемъ взглядѣ на сказанное

исторически, примѣнивъ это къ собственной жизни, стараться о томъ, чтобы познаннымъ быть отъ Бога и содѣлаться другомъ Божиимъ. Ибо вотъ въ подлинномъ смыслѣ совершенство—не раболѣпно, не по страху наказанія удаляться отъ порочной жизни, и не по надеждѣ награды дѣлать добро, съ какими нибудь условіями и договорами торгуя добродѣтельною жизнью; но теряя изъ вида все, даже что по обѣтованіямъ соблюдается надеждѣ, одно только почитать для себя страшнымъ—лишиться Божіей дружбы, и одно только признавать драгоценнымъ и вождѣннымъ — содѣлаться Божиимъ другомъ, что, по моему разсужденію, и есть совершенство жизни. Но что можетъ быть найдено тобою твоимъ умомъ, превознесеннымъ къ болѣе величѣнному и Божественному, найдется же и многихъ.....; то, безъ сомнѣнія, будетъ общею пользою для всѣхъ о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, Которому слава и держава во вѣки, амшь.

4. О МОЛИТВѢ

С Л О В О 1-е.

Божіе слово преподаетъ намъ ученіе о молитвѣ, въ которомъ достойнымъ ученикамъ своимъ, тщательно ищущимъ вѣдѣнія о молитвѣ, излагаетъ оно, какими молитвенными реченіями надлежитъ преклонять къ себѣ Божій слухъ. А я осмѣливаюсь предположить написанному, что настоящему собранію надлежитъ сперва учиться не тому, какъ должно молиться, но тому, что непременно должно молиться, о чемъ, можетъ быть, и не слышали еще многіе. Священное и божественное сіе дѣло—молитва многими во время жизни оставляется въ нерадѣніи и небреженіи. Посему, кажется мнѣ, прилично будетъ сперва, сколько возможно, подтвердить словомъ, что непременно должно, какъ говоритъ Апостоль, *пребыиати въ молитвѣ* (Рим. 12, 12.); и потомъ уже выслушать Божественное слово, излагающее намъ способъ, какъ надлежитъ возносить моленіе ко Господу.

Вижу, что въ настоящей жизни о всемъ другомъ прилагается болѣе тщанія, одинъ къ одному, другой къ другому устремленъ душою, но благо молитвы не съ усердіемъ взыскуется людьми. Мелочный торгашъ съ раннего утра сидитъ съ товарами, стараясь прежде промышляющихъ тѣмъ же показать покущикамъ свое, чтобы, предваривъ другихъ, удовлетворить потребности нуждающагося и продать свое. А также и покущикъ, имѣя въ виду не остаться безъ потребнаго ему, если прежде захватить это другой, спѣшитъ не въ домъ молитвы, а на рынокъ. И у всякаго, кто имѣетъ равное пожеланіе получить выгоду, и старается предупредить ближняго, тѣмъ, о чемъ онъ заботится, похищается часъ молитвы, будучи перенесенъ на торжище. Такъ занимающійся руководѣніемъ, такъ и упражняющійся въ наукахъ, такъ подсудимый, такъ получившій право судить—каждый, всецѣло увлекаясь заботливостію о томъ, что у него подъ руками, предастъ забвенію упражненіе въ молитвѣ, признавая богомысліе утратою для лежащаго ему дѣла; потому что, кто занимается искусствомъ, тотъ Божіе въ лежащемъ ему дѣлѣ содѣйствіе почитаетъ чѣмъ-то бесполезнымъ и ни къ чему не служащимъ; почему, оставивъ молитву, возлагаетъ надежду на свои руки, не памятуя о томъ, Кто далъ ему эти руки. А также, кто прилагаетъ попеченіе объ образо-

ваніи въ себѣ дара слова, тотъ не помышляетъ о Томъ, отъ Кого имѣеть сей даръ, по какъ будто самъ себя возвелъ въ естество (в), обращаетъ вниманіе только на себя, и предается изученію уроковъ; въ той мысли, что отъ Божія содѣйствія не будетъ для него ничего добраго, своей тщательности отдаетъ предпочтеніе предъ молитвою. Подобно сему и прочія занятія заботливостію о тѣлесномъ и земномъ не даютъ душѣ досуга на поисчаніе о важнѣйшемъ и небесномъ.

По сему-то великій это въ жизни грѣхъ, непрестанно отъ разныхъ приращеній болѣе и болѣе увеличивающійся, соединенный со всѣми человѣческими заботами, отчего и забвеніе о Богѣ преобладаетъ всѣми, и благо молитвы не включается людьми въ число заслуживающаго ихъ заботливости. Съ торговлею привходитъ любостыжательность, а любостыжательность есть идолослуженіе. Такъ земледѣлецъ не съ необходимыми потребностями соразмѣряетъ труды земледѣлія, но, простирая всегда тщательность до большей мѣры, доставляетъ грѣху свободный входъ въ занятіе тѣмъ, что

(в) Слѣдующія за снѣмъ выраженія переведены по пергаментной рукописи X—XI вѣка, хранящейся въ Москов. Синод. Библиотекѣ N 71, въ которой читается: *πρὸς ταυτὸν βλέπει καὶ ταῖς τῶν κηθρημένων προνομίαις σπουδαῖς διδόν ἐκ τῆς τοῦ Θεοῦ ἀνταρτίας* и проч.

вносить оное въ чуждые предѣлы (г). Отсюда происходят некончаемые споры, когда одержимые подобнымъ недугомъ любостыжательности входятъ между собою въ состязанія о границахъ земли. Отсего раздраженія, побужденія къ злымъ дѣламъ, и взаимныя нападенія другъ на друга часто оканчиваются кровопролитіемъ и убійствомъ. А также усиленные хожденія по судамъ, изобрѣтая тысячи извиненій неправдѣ, служатъ множеству разныхъ грѣховъ. Судья, или произвольно за взятку кривить вѣсами правосудія, или, противъ воли введенный въ обманъ старающимися затемнить истину, подтверждаетъ неправду. И что, если пересказать подробно это множество видовъ и способовъ, какими грѣхъ примѣшивается къ человѣческой жизни?

Причиною же грѣха не иное что, а единственно то, что люди къ тѣмъ средствамъ достигнуть желаемого, какия у нихъ подъ руками, не хотятъ присовокупить и Божию помощь. Если усильному старанію предшествовать будетъ молитва, то грѣхъ не найдетъ доступа къ душѣ. Пока въ сердцѣ твердо памятованіе о Богѣ, недействительными остаются примышенія сопротивника; потому что въ дѣ-

(г) По той же рукописи читается: *κατα τὴ ἐπιτιμίαν αὐτοῦ τοῖς ἀλλοτρίοις ὄροις.*

лахъ сомнительныхъ вездѣ за насъ ходатайствуетъ правда. Молитва и земледѣльца удерживаетъ отъ грѣха, на маломъ пространствѣ земли умножая плоды, такъ что грѣхъ не входитъ уже съ пожеланіемъ большаго. Такъ путешественникъ, такъ вступающій въ воинскіе ряды, или въ супружество, такъ всякій, къ чему бы ни было направлено его стремленіе, если каждое дѣло будетъ дѣлать съ молитвою, благоусердностію въ томъ, чѣмъ онъ занятъ, будетъ отвращенъ отъ грѣха, такъ какъ ничто противное не увлечетъ души его въ страсть. Если же кто отступитъ отъ Бога, всецѣло предастся собственному усилію; то, ставъ внѣ Бога, по всей необходимости непремѣнно перейдетъ онъ во власть противника. Отлучается же отъ Бога, кто не въ единеніи съ Богомъ посредствомъ молитвы.

Поэтому надлежитъ намъ тому сперва научиться въ этомъ словѣ, что *подобаетъ всегда молиться, и не стужати* (Лук. 18, 1.). Ибо слѣдствіе молитвы то, что бываемъ мы съ Богомъ: а кто съ Богомъ, тотъ далекъ отъ со-противника. Молитва есть охранная стража цѣломудрія, доброе направленіе раздражительности, обузданіе кичливости, очистительное средство отъ памятозлобія, истребленіе зависти, уничтоженіе неправды, исправленіе печестія. Молитва есть крѣпость тѣлу, обиліе въ дому, благоустройство въ городѣ, могущество

царства, побѣдный памятникъ на брани, безопасность во время мира, собраніе разъединенныхъ, постоянная совокупность соединившихся. Молитва есть печать дѣвства, вѣрность супружества, оружіе путешественникамъ, стражъ снѣщимъ, смѣлость бодрствующимъ, плодоносіе земледѣльцамъ, спасеніе плавающимъ. Молитва—защитникъ подсудимымъ, освобожденіе узниковъ, успокоеніе утружденныхъ, ободреніе скорбящихъ, удовлетвореніе радующихся, утѣшеніе плачущихъ, вѣнецъ вступающихъ въ супружество, торжество въ день рожденія, погребальная пелена умирающимъ. Молитва—собесѣдованіе съ Богомъ, созерцаніе невидимаго, несомнѣнная увѣренность въ вождеваемомъ, равночестіе съ Ангелами, преснѣжаніе въ добрѣ, низложеніе зла, исправленіе согрѣшающихъ, наслажденіе настоящимъ, осуществленіе будущаго. Молитва Іонѣ кита содѣлала жилищемъ, Езекию изъ вратъ (д) смерти возвратила къ жизни; а тремъ отрокамъ пламень обратила въ духъ росный (Дан. 3. 50.), Израильтянамъ воздвигла памятникъ побѣды надъ Амаликитянами, сто восемьдесятъ пять тысячъ Ассиріянь поразила въ одну ночь невидимымъ мечемъ; и кромѣ сего можно найти

(д) По рукоп. вмѣсто: *ἀπὸ τῆς* читается: *ἐκ τῆς*.

въ томъ, что было уже прежде, тысячи примѣровъ, изъ которыхъ дѣлается явнымъ, что изъ всего цѣнимаго въ жизни ничто не выше молитвы.

Но хотя время уже заняться самою молитвою; однакоже присовокупимъ еще нѣчто къ слову, потому что, по Божіей благодати, благъ всякаго рода у насъ много, для воздаянія же за полученное имѣемъ у себя это одно—возможность платить долгъ Благодарителю молитвою и благодареніемъ. Посему разсуждаю, что, если и цѣлую жизнь продолжимъ свое собесѣдованіе съ Богомъ, пребывая въ благодаренія и молитвѣ, то воздаяніе наше будетъ такъ же малоцѣнно, какъ если бы мы не позаботились еще положить и начала исполненію этой обязанности—чѣмъ либо воздать Благодарителю. Продолженіе времени дѣлится на три отдѣла: на прошедшее, настоящее и будущее. Сими тремя отдѣлами объемлетя благодареніе къ намъ Господне. Помыслишь ли о настоящемъ? Ты о Господѣ живешь; или о будущемъ? Онъ для тебя — упованіе ожидаемаго; или о прошедшемъ? Тебя и небыло бы если бы не отъ Него получили бытіе; тѣмъ самымъ ты облагодѣтельствованъ Имъ, что получили отъ Него бытіе, облагодѣтельствованъ и тѣмъ, что пользуешься бытіемъ, потому что о Немъ живешь и движенъ, какъ говоритъ Апостолъ (Дѣян. 17. 28.). Да и надежды на будущее

зависятъ отъ сего же благодѣянiя (е). Самы ты властель только въ настоящемъ, такъ что, если бы и во всякое время не переставалъ ты благодарить Бога, то едва могъ бы возблагодарить за настоящее, не находя никакого способа воздать должное и за будущее, и за прошедшее. А мы столько скудны въ должной (ж) благодарности, что и по мѣрѣ возможности небываемъ признательны, не говорю, цѣлаго дня, даже большей части дня не удѣляя на богомыслие. Кто распростеръ для меня землю? Кто привмъшленiемъ своимъ и влажное естество содѣлалъ проходимымъ? Кто устроилъ мнѣ небо яко камару (Иса. 40, 22.)? Кто посылтъ передо мною свѣтильникъ солнца? Кто посылаетъ источники въ долину? Кто уготовалъ русла рѣкамъ? Кто отдалъ мнѣ въ услуженiе безсловесныхъ животныхъ? Кто меня—неодушевленный прахъ содѣлалъ причастникомъ жизни и разумѣнiя? Кто сіе бренное образовалъ по подобiю образа Божiя? Кто омраченный во мнѣ грѣхомъ Божiй образъ снова привелъ въ первоначальную лѣпоту? Кто меня, изгнаннаго изъ рая, удаленнаго отъ древа жизни, сокрытаго въ безднѣ вѣщественной жизни, влечетъ къ первобытному блажен-

(е) По рук. вмѣсто: *ἐνεργίας* читается: *ἐνεργησίας*.

(ж) Въ рукоп. вмѣсто: *κατὰ δὲξιάς* читается: *κατ' ἀξίας*.

ству? *Нѣсть разумѣвай* (Рим. 3, 11.), говоритъ Писаніе. Взирая на это, должны бы мы были во все продолженіе времени жизни безконечное и непрерывное воздавать благодареніе.

Но теперь все почти человѣческое естество бдительно для одного вещественнаго, объ этомъ вся его тщательность, къ этому все усердіе, это составляетъ предметъ и памятованія и надежды. Неусынно и неудержимо во всякомъ дѣлѣ естество человѣческое къ вожделѣнію бѣльшаго, гдѣ только можетъ еще быть найдено что либо бѣльшее, въ чести ли это и славѣ, въ избыткѣ ли имущества, или недуга раздражительности, вездѣ естество наше имѣеть въ виду достигнуть въ этомъ бѣльшаго, объ истинныхъ же благахъ Божіихъ, или извѣстныхъ по обѣтованію, пѣть и помышленія.

Но время изслѣдовать, по возможности, смыслъ реченій, употребленныхъ въ молитвѣ; ибо явно, что получить желаемое нами дѣлается для насъ возможнымъ, только когда дознаемъ, какъ надлежитъ сего испрашивать. Посему какое же преподано о семъ ученіе? *Молящися сказано, не лишше глаголите якоже языцицы: шнятъ бо яко отъ многоглаголаніи своемъ услышани будутъ* (Мѣ. 6, 7. 8.). Хотя содержаніе сего ученія, будучи изложено намъ просто, само по себѣ можетъ быть ясно, и не требуетъ никакого болѣе тонкаго изысканія:

однакоже достойно для насъ изслѣдованія: что́ значить реченіе: *лишиеглаголаніе*, чтобы, дознавъ смыслъ сего слова, не дѣлать намъ за-прещѣннаго.

Мнѣ кажется, что Господь уцѣломудриваетъ суетность ума, обуздываетъ погружающихся въ суетныя пожеланія, и потому изобрѣлъ это неупотребительное дотошъ и новосоставлен-ное реченіе въ обличеніе неразумія тѣхъ, которые развлекаются пожеланіями бесполезнаго и суетнаго. Ибо слово благоразумное, смыслен-ное и направленное къ полезному въ собствен-номъ смыслѣ называется словомъ, а произно-симое неположимыми пожеланіями ради не-осуществимаго удовольствія есть не слово, но *лишиеглаголаніе*, или какъ иной, выражая мысль болѣе употребительными словами, ска-залъ бы: пустословіе, безсмыслица, вздоръ, и что либо другое подобнаго сему значенія. Посему, что́ же внушаетъ намъ слово сіе?— Во время молитвы не подвергаться тому же, что́, *папримѣръ*, происходитъ въ дѣтскомъ умѣ. Ибо несовершенные умомъ не о томъ думаютъ, что́ могло бы дѣйствительно быть исполнено по ихъ мысли, но самовластно строятъ себѣ какую-то счастливую судьбу, предполагая сокровища, супружество, царства, большіе города, называемые ихъ именами, представляютъ себя обладателями того, что́ изобразила имъ суетность помысловъ, а иные

еще смѣлѣе предаются такой суетности, и преступивъ мѣру естества, или дѣлаются мысленно птицами, или сіяютъ подобно звѣздамъ, или носятъ въ рукѣ горы, или небо представляютъ для себя удобопроходимымъ, или предполагаютъ прожить тысячи лѣтъ, изъ стариковъ дѣлаясь молодыми, или иныя подобныя снѣмъ похожія на пузыри и пустыя представленія (3) пораждаеть сердце въ юныхъ умомъ; посему, какъ въ дѣлахъ обыкновенныхъ не разсуждающій о томъ, чѣмъ достигается какое либо изъ благихъ желаній, но осуетившійся не исполнимыми пожеланіями, какъ человѣкъ неразумный и жалкій, въ этихъ грезахъ тратитъ время, въ которое могъ бы подумать, какъ сдѣлать для себя что либо полезное: такъ и тотъ, кто во время молитвы устремленъ не къ тому, что полезно душѣ, но просить Бога оказать благоволеніе къ страстнымъ движеніямъ его ума, какъ человѣкъ незбывшій, есть дѣйствительно лишнеглаголивый, молящійся о томъ, чтобы Богъ сталъ содѣйственникомъ и служителемъ его суетностей. Скажу для примѣра: приступаетъ кто либо съ молитвою къ Богу, и не уразумѣвъ умомъ высоты того могущества, къ какому приступаетъ, самъ того не понимая, оскорбляетъ сіе величіе срамными и низкими прошеніями. Какъ если кто, во

(3) По рук. вмѣсто: *попнана* читается: *попнана*.

чрезвычайной бѣдности, или грубости, глиняные сосуды почитая для себя многоцѣнными, а потомъ пришедши къ царю, готовому раздѣлять богатства и чины, отложивъ въ сторону прошенія, какія прилично предлагать царю, станеть у почтеннаго такимъ саномъ просить чтобы изъ глины дѣлали, что для него желательно; такъ и невѣжественно пользующіися молитвою не возносятся самъ до высоты Дающаго, а напротивъ того желаетъ Божественное могущество низвести до собственнаго своего низкаго и земнаго пожеланія, и поэтому страстныя стремленія простираеть къ Тому, Кто видитъ сердца, и простираеть не для того, чтобы уврачевать неумѣстныя движенія сердца, но чтобы содѣлалось оно еще худшимъ, когда лукавое сіе стремленіе, при содѣйствіи Божіемъ, увѣнчается дѣломъ. Послѣдствіемъ такой-то оскорбляетъ, и сердце къ оскорбляющему расположено непріязненно, то говорятъ Богу: «порази его», какъ бы такъ вопія: «моя страсть да содѣлается и Твоею, моя злоба да перейдетъ и въ Тебя». Какъ въ человѣческихъ битвахъ невозможно стоять за кого либо съ одной стороны, нечувствуя вмѣстѣ съ гнѣвающимся раздраженія на противоборствующаго; такъ, очевидно, и возбуждающій Бога противъ своего врага просить Его, чтобы вмѣстѣ съ нимъ прогнѣвался, и сталъ участникомъ въ раздраженіи. А сіе значитъ Божеству

прийти въ страсть, уподобиться человѣку и благое естество претворить въ звѣрскую жестокость. Такъ славолубецъ, такъ по гордости желающій имѣть у себя больше и больше, такъ усиливающійся одержать побѣду въ судопроизводствѣ, такъ посиѣшающій получить вѣнецъ въ тѣлесныхъ борьбахъ, домогающійся одобренія на зрѣлищахъ, а часто и истощенный неистовою страстію юности — все они возносятъ моленія къ Богу не о томъ, чтобы освободиться отъ преобладающаго ими недуга, но о томъ, чтобы болѣзнь въ нихъ достигла своего предѣла; и потому каждый изъ нихъ неуспѣвъ въ этомъ признаетъ для себя несчастьемъ, то подлинно они лишше глаголютъ, умоляя Бога, чтобы сталъ Онъ содѣйственникомъ умственного ихъ недуга: а что всего хуже, имъ желательно, чтобы Божество принимало противоположныя стремленія, дѣля Божію дѣйственность на жестокость и человѣколюбіе: потому что, о Комъ желаютъ, чтобы милостивъ и кротокъ былъ къ нимъ, Того же просятъ показать Себя жестокимъ и немилостивымъ къ ихъ врагамъ. Какое неразуміе лишше глаголющихъ! Если Богъ жестокъ къ нимъ, то, безъ сомнѣнія, не благосклоненъ и къ тебѣ. А если, по надеждѣ твоей, къ тебѣ преклоняется на милость, то почему придетъ въ противоположное расположеніе, переѣнивъ милость на жестокость?

Но у любителей споровъ подъ руками на это возраженіе. Ибо въ защищеніе своей жестокости немедленно представляютъ пророческія слова, и именно: Давида, желающаго, *да погибнутъ* грѣшныя (Псал. 9, 4.), и молящагося о постыженіи и посрамленіи враговъ (Псал. 82, 18.); Иеремію, изъявляющаго желаніе видѣть *мщеніе* Божіе на сопротивныхъ (Иерем. 11, 20.), Осю, испрашивающаго дать врагамъ *утробу неплодную и сосцы сухи* (Ос. 9, 14.), собираютъ и многое другое, разсѣянное въ разныхъ мѣстахъ священныхъ Писаній, доказывая, что должно молиться объ отмщеніи противникамъ и благодать Божию дѣлать содѣйственницею своей жестокости. Но чтобъ, какъ бы мимоходомъ, прекратить лишнеглаголаніе по сему поводу уклоняющихся въ противное, о каждомъ изъ упомянутыхъ мѣстъ предложимъ мы слѣдующее:

Ни одинъ изъ дѣйствительно святыхъ, вдохновенныхъ Духомъ Святымъ, которыхъ реченія по Божественному смотрѣнію написаны въ назиданіе послѣдующимъ родамъ, не окажется прилагающимъ реченія о чемъ либо худомъ. Но одна цѣль въ ихъ словахъ, она клонится къ исправленію естества отъ вслывшагося въ немъ порока. Посему, какъ молящійся, чтобы небыло больныхъ, не было нищенствующихъ, желаетъ не смерти людей, а истребленія болѣзни и нищеты: такъ и каждый изъ святыхъ,

молясь о томъ, чтобы пришло въ уничтоженіе все враждебное и непріязненное естеству, только людямъ наиболѣе невѣжественнымъ по-
даетъ поводъ къ такой мысли, будто бы свя-
тые ожесточены и раздражены противъ лю-
дей. Ибо Псалмопѣвецъ, сказавъ: *да исчез-
нутъ грѣшницы отъ земли и беззаконницы, якоже
небыти имъ* (Псал. 103, 35.), молится о томъ,
чтобы исчезли грѣхъ и беззаконіе; потому что,
не человекъ человеку враждебенъ, но пороч-
нымъ движеніемъ произвола соединенное съ
нимъ по естеству дѣлается ему врагомъ. По-
тому Давидъ молится, чтобы исчезло зло; но
человѣкъ—не зло. Ибо какъ быть зломъ по-
добію Благаго? Такъ, если молится о постыж-
деніи и посраженіи враговъ, то указываетъ симъ
тебѣ на полчище сопротивниковъ, отъ невя-
димаго врага нападающихъ на жизнь человѣ-
ческую, о которыхъ откровеннѣе выражается
Павель, говоря, что у насъ *брань къ началу,
къ властель и къ міродержителямъ тмы* (II)
сея, къ духовомъ злобы поднебесныхъ (Ефес.
6, 12.), къ демонскимъ кознямъ, по которымъ
представляются людямъ дурные случаи ко грѣху,
приводящіи въ раздраженіе встрѣчи, поводы
къ вождельніямъ, предлоги къ зависти, нена-
висти, гордости, и подобнымъ порокамъ.

(II) Такъ читается по рукописи.

Видя, что все это злокозненно окружает душу каждого, великій Пророкъ, молящійся объ отмщеніи сими врагамъ, молится, чтобы они были постыжены, то есть, чтобы спастися ему самому (i); потому что естественно побѣжденному въ борьбѣ стыдиться своего паденія, какъ и побѣдившему радоваться побѣдѣ. А что сіе дѣйствительно такъ, даетъ разумѣть видъ молитвы. *Да постыдятся, сказано, и послышатся шущиѣи душу мою* (Псал. 34, 4.). Пророкъ молится объ отмщеніи не тѣмъ, которые злоумышляютъ причинить ущербъ имуществу, или спорятъ о предѣлахъ владѣнія, или указываютъ какой либо порокъ въ его глѣбѣ, но которые злоумышляютъ на душу. Злоумышленіе же на душу въ чемъ иномъ состоитъ, какъ не въ отчужденіи ея отъ Бога? А душа человѣческая не иначе отчуждается отъ Бога, какъ страстнымъ расположеніемъ. Поелику Божество всегда безстрастно, то постоянно пребывающій въ страсти отлучается отъ общенія съ Божествомъ. Потому, чтобы не потерять сего, Давидъ молится о постыженіи противоборствующихъ. А сіе не иное что значитъ, какъ испрашивать себѣ побѣды надъ сопротивниками. Сопротивники же эти суть страсти. Такъ и Іеремія, имѣя рев-

(i) По рукописи: τὸν αὐτόν.

ность о богочестіи, послѣду тогдѣшній царь до безумія преданъ былъ идоламъ, а съ нимъ вмѣстѣ увлеклись и подданные, не собственную какую либо врачуетъ бѣду, но вообще о людяхъ приносятъ моленіе, желая, чтобы ударомъ, какой наносится нечестующимъ, уцѣломудренъ былъ весь человѣческій родъ. Такъ и Пророкъ, который видѣлъ тогда порокъ у Израильтянъ многолюднымъ, справедливо осуждастъ его на безчадіе, и желаетъ, чтобы изсохли горькіе сосцы грѣха, и чтобы зло не раждалось и не воспитывалось больше у людей. Посему и говоритъ Пророкъ: *даждь илз Господи утробу неплодную и сосцы сухи* (Ос. 9. 14.). И если у святыхъ найдется другое какое подобное слово, которымъ выражается и означается нѣкое раздраженіе, то, конечно, скрывается въ немъ та мысль, чтобы изгнано было зло, а не истребленъ человѣкъ. *Богъ смерти не сотвори* (Прем. 1. 13.). Слышавши этотъ рѣшительный приговоръ! Посему, какъ же Пророкъ сталъ бы вымаливать смерти собственнымъ врагамъ своимъ у Бога, Которому чужда дѣятельность смерти? *Не веселится Онъ о побѣдахъ живыхъ.* Только лишнеглаголющій и желающій отъ собственныхъ своихъ враговъ отвратить Божіе человѣколюбіе побуждаетъ веселиться о человѣческихъ бѣдствіяхъ.

Но говорятъ: иные удостоились уже начальства, почестей, богатства, употребивъ къ сему

молитву, и такою благоусиѣнностію подали о себѣ мысль, что они боголюбивы. Поэтому скажетъ кто нибудь: какъ же запрещаешь намъ возносить Богу моленія о чемъ либо подобномъ?—Всякому, правда, извѣстно, что все зависитъ отъ Божіей воли, и настоящая жизнь устроится свыше, никто не станетъ и противорѣчить сему ученію: однакоже дознаемъ и другія причины таковой усиѣнности молитвы, и безъ сомнѣнія, не какъ благое, удѣляетъ сіе Богъ просящимъ; но чтобы въ людяхъ поверхностныхъ утверждалась этимъ вѣра въ Бога, и чтобы, дознавая на опытѣ, какъ Богъ внимаетъ нашимъ моленіямъ, испрашиваніемъ маловажнаго мало по малу возвысились мы со временемъ да пожеланія даровъ высшихъ и боголѣнныхъ, какъ усматриваемъ это на дѣтяхъ своихъ. Пока они при матернихъ сосцахъ, сколько можетъ вмѣстить ихъ природа, столько и требуютъ отъ родившей. Если же младенецъ возмужаетъ, и получитъ при этомъ нѣкоторую способность говорить, то не глядитъ уже на сосцы, а смотритъ у матери на что либо такое, какъ напримѣръ или на волосы на головѣ, или на одежду, или на иное сему подобное, чѣмъ увеселяется дѣтскій глазъ. Когда же придетъ въ возрастъ, вмѣстѣ съ тѣломъ получить приращеніе и умъ; тогда, оставивъ всѣ дѣтскія пожеланія, будетъ просить у родителей служащаго къ жизни совершен-

ной. Такъ и Богъ, всеми мѣрами приучая чело-
вѣка обращать взоры къ Нему, для сего са-
мага бываетъ перѣдко внимателенъ и къ мало-
важнымъ прошеніямъ, чтобы благодѣяніемъ въ
маломъ получившій сію милость вызванъ былъ
на пожеланіе вышняго. Посему и ты, если
такой-то челоѡкъ, по Божію Промыслу, изъ
невидныхъ сдѣлался извѣстнымъ и знамени-
тымъ, или приобрѣлъ что либо другое, чего
домогаются люди въ этой жизни, начальство,
или богатство, или блистательное положеніе,
представляя себѣ цѣль этого, а именно, что
Божіе въ этомъ челоѡколюбіе служить для
тебя доказательствомъ великаго Божія могу-
щества, чтобы ты, получивъ дѣтскія игрушки,
возсылавъ къ Отцу прошенія о важнѣйшемъ
и совершеннѣйшемъ. А таково все, что при-
носить пользу душѣ. Ибо всего неразумнѣе
будетъ, если приступающій къ Богу станетъ
просить Вѣчнаго о временномъ, Небеснаго—
о земномъ, Всевышняго—о пресмыкающемся
по землѣ, Дарующаго небесное царство—объ
этомъ земномъ и низкомъ благополучіи, На-
дѣлющаго неотъемлемымъ—о кратковремен-
номъ пользованіи чужимъ достояніемъ, и отъ-
ятіе котораго необходимо, и наслажденіе
которымъ кратковременно, и распоряженіе
опасно.

Прекрасно изображаетъ Господь сію несооб-
разность присовокупленіемъ, сказавъ, *якоже*

язычницы. Ибо имѣть понечевіе о видимомъ свойственно не предоставляющимъ для себя никакой надежды въ будущемъ вѣкѣ, ни страха суда, ни угрозы геенной, ни ожиданія благъ, ни чего либо уповаемаго по воскресеніи, — свойственно людямъ, которые, на подобіе скотовъ, видятъ только настоящую жизнь, признаютъ за благо одно то, что могутъ дать въ удовлетвореніе гортани, чрева и прочихъ сладострастныхъ требованій тѣла. Или первенствовать между иными и заставить о себѣ думать, что ты выше прочихъ, или почивать на множествѣ талантовъ, или обладать чѣмъ инымъ, что только служитъ къ житейскому обольщенію, — свойственно такимъ людямъ, которымъ, кто скажетъ объ упованіи въ будущемъ, тотъ кажется пустословомъ, какъ скоро начинаетъ описывать рай и царство и небесную жизнь и подобное тому. Итакъ, послѣку не имѣющимъ надежды свойственно прилѣпляться къ жизни настоящей, то излишества и суеты пожеланія, которыхъ сластолюбцы надѣются успѣшно достигнуть молитвою, прекрасно называетъ Писаніе свойственными язычникамъ, думающимъ неотступностію желанныхъ прошеній довести Божество до содѣйствія, въ чемъ недолжно. *Минятъ бо, сказано, яко въ мноюмлаюмлинъ своемъ услышани будутъ.*

Но какъ изъ того, что нами излѣдовано,
Гр. Писск. Ч. I. 26

научились мы, чего не должно просить (к), такъ о томъ, какое моленіе надлежитъ приносить Богу, услышимъ въ послѣдующемъ, по благодати Господа Иисуса Христа. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 2-е.

Отче нашъ, Иже еси на небесехъ
(Мѡ. 6, 9.).

Когда великій Моисей приуготовлялъ Израильскій народъ къ тайноводству на горѣ; тогда не прежде удостоилъ ихъ богоявленія, какъ преднесавъ народу законъ объ очищеніи соблюденіемъ плотской чистоты и омовеніемъ. Да и послѣ сего не осмѣлился Израильяне видѣть явленіе Божія могущества, но въ ужасъ приводило ихъ все видимое, огонь, мракъ, дымъ, трубы; и снова обратившись къ себѣ самимъ (г), просили законодателя стать ихъ посредникомъ предъ божественнымъ изволеніемъ, такъ какъ у нихъ не было достаточной

(к) Въ рукописи читается: *ἢ δὲ μὴ αἰτεῖν.*

(г) По рукоп. вѣесто: *πρὸς τοὺτους* читается: *πρὸς ἑαυτοὺς.*

силы приблизиться къ Богу и перенести Божіе присутствіе. А нашъ Законоположникъ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, намѣреваясь привести насъ къ Божественной благодати, укажетъ намъ словомъ не гору Синайскую, покрытую мракомъ и дымящуюся огнемъ, не гласы трубъ, звучащихъ что-то свѣтлое и страшное, и не соблюденіемъ тридшевной плотской чистоты, не водою, омывающею скверны, очистивъ душу, и всю церковь оставивъ при подошвѣ горы, одному только позволяетъ взойти на вершину, покрытую мракомъ, сокрывающимъ въ себѣ Божественную славу; а напротивъ того, сперва вмѣсто горы возводитъ на самое небо, содѣлавъ оное для людей удобопроеходимымъ посредствомъ добродѣтели; потомъ содѣлываетъ, не зрителями только, но и причастниками Божественной силы, и приступающихъ къ Нему вводитъ нѣкоторымъ образомъ въ родство съ превысшимъ естествомъ, и не мракомъ покрываетъ все превосходящую славу, чтобы неудообразимою была для ищущихъ, но, озаривъ мракъ яснымъ свѣтомъ ученія, содѣлать, что чистые сердцемъ въ полной ясности созерцаютъ неизреченную славу. Даетъ же и воду для окропленія, не изъ чуждыхъ потоковъ почерпаемую, но текущую въ насъ самихъ, будетъ ли кто разумѣть подъ нею источники очей, или чистую совѣсть сердца, — узаконивъ не допускать никакой

тины порока; да и плотскую чистоту (м) составляет въ воздержаніи, не отъ законнаго только общенія супруговъ, но и отъ всякаго вещественнаго и страстнаго расположенія; и такимъ образомъ посредствомъ молитвы возводитъ къ Богу. Ибо такова сила реченій, изъ которыхъ, не какіе либо звуки произносимые въ слогахъ, дощаемъ изъ Божія слова, но предначертаніе восхожденія къ Богу, успѣшно приводимое въ исполненіе высокою жизнію.

Но изъ самыхъ словъ молитвы можно уразумѣть Божественное тайноводство. *Егда молитесь* (Лук. 11, 2.), говоритъ Господь. Не сказамъ: егда изрекаете обѣтъ (*εὐχῆσθε*), но говорятъ: *егда молитесь* (*προεὐχῆσθε*); потому что надлежащее по обѣту должно быть уже исполнено прежде, нежели приступаемъ къ Богу съ молитвою. Какое же различіе въ значеніи сихъ именованій? То, что обѣтъ (*εὐχῆ*) есть объявленіе о чемъ либо, по благочестію посвящаемомъ въ даръ Богу; а молитва (*προεὐχῆ*) есть прошеніе благъ, унизженно обращенное къ Богу. Итакъ, поелику необходимо намъ дерзновеніе, когда приступаемъ къ Богу, обращаясь съ унизженными прошеніями о

(м) По рукоп. читается: *μηδὲν ἄλλο ἀπὸ καλῆς ἐπαγομένης, ἀγνῆσαν δὲ οὐκ ἀπὸ τῆς ἐνδόμου τῶν υμετέρων ἀρετῆς ἐπαγομένην.*

полезномъ для насъ, то необходимо предшествовать исполненію того, что объявлено по объту, чтобы, совершивъ зависящее отъ насъ, потомъ уже смѣлѣе изъявлять желаніе о полученіи воздаянія отъ Бога. Посему-то Пророкъ говоритъ: *воздами Тебѣ молитвы* (*τὰς ἐυχὰς*—обѣты) *моя, яже изрекошъ устни мои* (Псал. 65, 13. 14.), и еще: *поклонитесь* (*ἑυξασθε*—дайте обѣты) *и воздадите Господеву Богу нашему* (Псал. 75, 12.). И во многихъ мѣстахъ Писанія можно видѣть подобное значеніе слова: *ἐυχὴ* (обѣты), и поэтому знать, что обѣты, какъ сказано, есть благодарственное возвѣщеніе о принесеніи дара, а молитва означаетъ приближеніе къ Богу, но исполненіи обѣщаннаго Ему. Посему Господне слово научаетъ насъ, не просить чего либо у Бога прежде, нежели что либо угодное Ему принесемъ Ему въ даръ. Ибо прежде надлежитъ совершить обѣты, и потомъ молиться; какъ иныи скажутъ, что сѣянiе должно предшествовать собиранію плодовъ. Посему надлежитъ сперва посѣять сѣмена обѣта, и когда этотъ залогъ сѣмень возрастетъ, собирать плоды, молитвою воспріемля благодать. Посему, такъ какъ не будетъ дерзновенія просить, если приступимъ безъ предварительнаго какого либо обѣта, или дара; то молитвъ по необходимости да предшествуетъ обѣты.

Посему, такъ какъ обѣты уже выполнены,

Господь говорить ученикамъ: *егда молитесь, молитесь: Отче нашъ, Иже на небельхъ* (Лук. 11, 2.). *Кто дастъ ли криль яко голубишь* (Исаи. 54, 7.)?—говорить въ одномъ мѣстѣ псалмопѣнїя великїи Давидъ. Осмѣлюсь и я сказать тоже слово: кто дастъ мнѣ оныя *криль*, чтобы могъ я воспарить умомъ на высоту величїя сихъ реченїи,—и оставить всю землю, перейти весь разлитый въ среднїѣ воздухъ, коснуться эфирной лѣноты, достигнуть звѣздъ, увидѣть все ихъ украшенїе, да и на нихъ не остановиться, но миновать и это, стать вѣдъ всего движимаго и измѣняемаго, объять естество постоянное, силу неподвижную, въ себѣ самой водруженную и направляющую и поддерживающую все, что имѣеть бытїе, все, что зависитъ отъ неизреченной воли Божїей премудрости, чтобы, ставъ мыслию вдали отъ всего измѣняемаго и превратнаго, въ непреклонномъ и неуклонномъ состоянїи души могъ я сперва сродниться мыслию съ Непредложнымъ и Неизмѣняемымъ, потомъ призывать самымъ родственнымъ наименованїемъ и говорить: *Отче?* Ибо произносящему это какая потребна душа? Сколько нужно дерзновенїя? Какую надобно имѣть совѣсть, чтобы, сколько возможно, познавъ Бога, примышленнымъ Ему наименованїями руководясь къ уразумѣнїю неизреченной славы, и дознавъ, что естество Божїе, представляемое въ себѣ самомъ, есть благодать,

святѣннѣ, радованіе, сила, слава, чистота, вѣч-
ность, то, что всегда то же и таково же, и все,
что подобнаго сему представляется мыслію о
Божіемъ естествѣ, и уразумѣвъ при помощи
божественнаго Писанія и собственнаго раз-
судка, — потомъ уже осмѣлится выговорить
это слово, и такое Существо наименовать
своимъ Отцемъ? Явно, что, если имѣеть кто
сколько нибудь разума, то, не усматривая въ
себѣ того же, что въ Богѣ, не осмѣлится про-
изнести къ Нему слова сего, и сказать: *Отче*.
Ибо не естественно благому по сущности стать
Отцемъ лукаваго поступка, и святому—Отцемъ
оскверненнаго по жизни, а также Неизмѣняемому
—Отцемъ превратнаго, Отцу жизни—Отцемъ
умертвленнаго грѣхомъ; Чистому и безпри-
мѣсному — Отцемъ опозорившихъ себя стра-
стями *бездестія*, Благодѣтелю—Отцемъ любо-
стяжателя, вообще Тому, Кого представляемъ
во всякомъ добрѣ — Отцемъ пребывающихъ
въ какомъ либо злѣ. Если кто, видя себя имѣю-
щимъ еще нужду въ очищеніи и порочную
совѣсть свою признавая непоколебленною сквернѣю
и дурныхъ отмѣтокъ, прежде нежели очи-
стися отъ такихъ и столь многихъ худыхъ
свойствъ, включить себя въ родство съ Бо-
гомъ, и неправедный Праведному, нечистый
Чистому скажетъ: *Отче*; то реченіе сіе прямо
будетъ оскорбленіемъ и злословіемъ, если
только именуешь онъ Бога Отцемъ собствен-

ной своей порочности. Ибо слово: отецъ означаетъ причину отъ него произшедшаго. Посему, если порочный совѣтню назоветъ Бога Отцемъ своимъ: то не иное что симъ выскажетъ, а то, что Богъ есть начало и виновникъ собственныхъ его худыхъ свойствъ. Но *никое общеніе свѣту ко тмѣ* (2 Кор. 6, 14.), говоритъ Апостоль: напротивъ того свѣтъ основывается со свѣтомъ, справедливое съ справедливымъ, прекрасное съ прекраснымъ, нетѣньное съ нетѣннымъ. А противоположное, безъ сомнѣнія, имѣеть сродство съ однороднымъ. Ибо *не можетъ древо добро плоды злы творити* (Мѣ. 7, 18.). Посему, если кто, какъ говоритъ Писаніе, будучи *жестокосердѣ*, и *ищай лжи* (Исая. 4, 3.), осмѣливается произносить слова молитвы, то пусть таковой знаетъ, что призываетъ оцъ отца, не небснаго, а прейсходняго, который самъ есть лжецъ и дѣлается отцемъ лжи, возникающей въ каждомъ, который есть грѣхъ, и отецъ грѣха. Посему-то Апостоль имѣющихъ страстную душу называетъ *чадами тмѣ* (Ефес. 2, 3.). И отступившій отъ жизни именуется *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3.); а человекъ сластолюбивый и извѣженный названъ *сыномъ дьявока блудницѣ* (1 Цар. 20, 30.), равно какъ напротивъ сего имѣющіе чистую совѣть называются сынами свѣта (Лук. 16, 8.) и дня (1 Сол. 5, 5.), а другіе, укѣрившіе себя

до Божественной силы, и *сынами силы* (Суд. 21, 10.).

Поэтому, когда Господь учитъ насъ въ молитвѣ называть Бога Отцемъ, не иное что, кажется мнѣ, дѣлаетъ, какъ узаконяетъ возвышенный и въспрениій образъ жизни; потому что истина учитъ насъ не лгать, не говорить о себѣ того, чего въ насъ нѣтъ, не именовать себя тѣмъ, чѣмъ мы небыли, но, называя Отцемъ своимъ Петлѣинаго, Праведнаго и Благаго, родство сіе оправдывать жизнью. Поэтому видишь ли, сколько необходимо намъ приуготовленія, какая нужна жизнь, сколько и какой требуется тщательности, чтобы съ возвышеніемъ нашей совѣсти достигнуть (и) такой мѣры дерзновенія, и осмѣлиться сказать Богу: *Отче?* Ибо если въ виду у тебя деньги, если озабоченъ ты житейскою прелестію, если домогаешься людской славы, если служишь наиболѣе страстнымъ пожеланіямъ, и потомъ приемишь въ уста такую молитву: что, думаешь, скажетъ Тотъ, Кто видитъ твою жизнь, и слышитъ молитву? Такія, кажется мнѣ, слышу слова, какъ бы Самимъ Богомъ изрекаемыя подобному человѣку: «и ты, растлѣнный по жизни, называешь своимъ Отцемъ Отца петлѣинаго? Для чего нечистымъ своимъ голосомъ

(и) Слово: *φθίσου* читается по рукописи.

оскверняешь чистое имя? Для чего реченіе это употребляешь зливо? Для чего оскорбляешь нескверное естество? Если ты чадо Мое: то, безъ сомнѣнія, и жизнь твоя должна носить на себѣ черты Моихъ благъ. Не признаю въ тебѣ образа Моего естества; черты твои противоположны. *Какое общеніе свѣту ко тьмѣ? Какое сродство у жизни и смерти? Какая близость у чистаго по естеству съ нечистымъ? Велико разстояніе между благодѣтелемъ и любостыжательнымъ, непримримо противленіе милостиваго съ неумолимымъ. Иный отецъ злыхъ въ тебѣ свойствъ. Мои порожденія украшаются добрыми отеческими качествами, сынъ милостиваго милостивъ, чистаго — чистъ, нетлѣннаго — чуждъ растлѣнія, и вообще благаго — благъ, правдиваго — правдивъ. А васъ незнаю, откуда вы». Посему, пока не стали мы чистыми по жизни, опасно отваживаться на сію молитву, и Бога именоватъ Отцемъ своимъ.*

Но вслушаемся еще въ слова молитвы, при частомъ ихъ повтореніи не уразумѣемъ ли сколько нибудь сокровеннаго въ нихъ смысла? *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ.* Что добродѣтельною жизнью надлежитъ усвоить себя Богу, достаточно изслѣдовано это нами въ предыдущихъ словахъ. Но кажется миѣ, что слово Исаія указываетъ и на нѣкій болѣе глубокий смыслъ; ибо имя воспоминается намъ, изъ какого отечества мы признали, и какого благо-

родства лишился. Повѣствованіемъ о юношѣ, оставившемъ отеческій домъ и предавшемся свиннообразной жизни, Писаніе, исторически описывая его удаленіе и распутную жизнь, показываетъ бѣдственное состояніе человѣчества, и не прежде возвращаетъ сего юношу въ первоначальное состояніе, какъ по возчувствованіи имъ настоящаго бѣдствія, когда пришелъ въ себя, и привелъ себя на мысль слова покаянія. А онъ согласенъ нѣсколько съ словами молитвы. Ибо тамъ сказалъ юноша: *Отче, согрѣшихъ на небо и предъ тобою* (Лук. 15, 21.), но не упомянулъ бы въ исповѣданіи о грѣхѣ на небо, если бы не былъ увѣренъ, что небо—его отечество, оставивъ которое, онъ впасть въ согрѣшеніе. Посему-то помышленіе о такомъ исповѣданіи дѣлаетъ ему доступнымъ отца; почему свѣнитъ онъ къ сыну, привѣтствуетъ лобзаніемъ выи, что означаетъ словесное нго, посредствомъ евангельскаго преданія устами возлагаемое на человѣка, свергнушаго съ себя прежнее ярмо заповѣди и отринувшаго охранительный законъ; потомъ возлагаетъ на него *одежду*, не ипую, но *первую*, отъ которой обнаженъ былъ преслушаніемъ, вмѣстѣ съ вкушеніемъ запрещеннаго увидѣвъ себя обнаженнымъ. А *перстень на руку* изображеніемъ, сдѣланнымъ на обводѣ, означаетъ возвращеніе образа; и ноги обезопасиваетъ отецъ *сапогами*, чтобы, обнаженною пятою

приближаясь къ головѣ змія, не подверглись угрызенію. Посему, какъ тамъ причиною оказаннаго юности отцемъ человеколюбія послужило возвращеніе его въ отеческій домъ (а это есть *небо*, согрѣшившимъ на которое признаетъ себя предъ отцемъ): такъ, кажется мнѣ, и здѣсь Господь, научая призывать Отца, *Иже за небесахъ*, дѣлаетъ тебѣ напомнаніе о благомъ отечествѣ, чтобы, возбудивъ сильнѣйшее пожеланіе прекраснаго, поставить тебя на путь, снова ведущій въ отечество.

Путь же, возводящій человѣческое естество на небо, не иное что, какъ отступленіе и бѣгство отъ земныхъ золъ; а средствомъ къ избѣжанію золъ, не иное что, думаю, служить, какъ уподобленіе Богу; и уподобиться Богу значитъ сдѣлаться праведнымъ, святымъ, благимъ, и всѣмъ сему подобнымъ. Если кто, сколько возможно, ясно впечатлѣетъ въ себѣ черты сихъ совершенствъ, то какъ бы по естественному порядку, безъ труда изъ земной жизни преселится въ страну небесную; потому что не мѣстное какое разстояніе у Божества съ человѣчествомъ, такъ что была бы намъ потребность въ какомъ нибудь орудіи или примышеніи, чтобы эту тяжелую, обременительную и земную плоть ввести въ образъ жизни нетѣлесной и духовной. Но, по разумномъ отлученіи добродѣтели отъ порока, отъ одного человѣческаго произволенія зависитъ — быть

человѣку тамъ, куда преклоненъ пожеланіемъ. Посему, такъ какъ никакого нѣтъ труда избрать доброе, а за избраніемъ слѣдуетъ и пріобрѣтеніе того, что къмъ избрано: то возможно немедленно быть на небѣхъ и тебѣ, объявшему умомъ своимъ Бога. Если, какъ говоритъ Екклесіастъ, *Богъ на небеси горъ* (Э, 1.), а ты, по слову Пророка, прилѣнился *Богви* (Ис. 72. 28.): то по всей необходимости должно тому, кто въ единеніи съ Богомъ, быть тамъ, гдѣ Богъ.

Посему, преднясавъ въ молитвѣ говорить, что Богъ Отецъ нашъ (о), не иное что повѣлываетъ, какъ боголѣпною жизнью угодобляться Отцу небесному; такъ какъ и въ другомъ мѣстѣ ясиѣе заповѣдуетъ сіе же самое, говоря: *будите совершени, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Матѹ. 5, 48.). Итакъ, если уразумѣли мы смыслъ таковой молитвы: то время уже уготовать души свои къ тому, чтобы со временемъ осмѣлиться воспріять устами сіи реченія и съ дерзновеніемъ сказать: *Отче нашъ, Иже еси на небесахъ*.

Какъ явны признаки угодобленія Богу, по которымъ каждому можно содѣлаться чадомъ Божиимъ; ибо сказано: *елицы пріяша Ею, даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іоан. 1,

(о) Въ рукописи читается: *λίγην πάτεραι ταικού εἶπαι τόν Θεόν.*

12.), приѣмлетъ же въ себя Бога, кто восприѣмлетъ совершенство въ добръ: такъ и у лукаваго права есть нѣкіе особыя признаки, и кто имѣеть ихъ, тому невозможно быть съшомъ Божиимъ, нося въ себѣ образъ противоположнаго сестства. Угодно ли знать отличительныя свойства лукаваго права? Это—зависть, ненависть, клевета, кичливость, любостыжательность, страстное пожеланіе, педугъ славобѣсія; симъ и подобными сему чертами отличается образъ сопротивника. Посему, если подобными сквернами очернившій душу будетъ призывать отца, то какой отецъ услышитъ его? Очевидно состоящій въ родствѣ съ призвавшимъ, а этотъ отецъ — не небесный, но пресподній. Признаки близости съ кѣмъ носятъ на себѣ челоувѣкъ, тотъ и признаеть несомнѣнно родство свое съ нимъ. Итакъ молитва челоувѣка порочнаго, пока онъ въ пороки, бываетъ призываніемъ діавола; а кто оставилъ пороки, и живетъ въ благости, того гласъ призываетъ благаго Отца.

Поэтому, когда приступаемъ къ Богу, будемъ, сперва обращать вниманіе на жизнь свою, имѣемъ ли въ себѣ что либо достойное Божественнаго родства, и потомъ уже осмѣливаться на произнесеніе таковаго слова. Повелѣвшій сказать: *Отцу* не дозволилъ говорить ложь. Посему, кто жилъ достойно божескаго благородства, тотъ прекрасно возводитъ

взоръ къ небесному граду, небеснаго Царя
именуя Отцемъ и небесное блаженство—оте-
чествомъ. Къ чему же клонится цѣль сего со-
вѣта? Къ тому, чтобы мудрствовать намъ гор-
няя; гдѣ Богъ, тамъ полагать основаніе своего
жилища, тамъ собирать сокровища; туда пере-
селиться сердцемъ своимъ; *идѣже бо есть со-
кровище, ту и сердце* (Матѳ. 6, 21.), и непре-
станно имѣть въ виду отеческую лѣпоту и
сообразно съ оною украшать собственную
душу. *Ихъсть на лица зрѣнія у Бога* (Рим. 2,
11.), говоритъ Писаніе. И отъ твоего образа
да будетъ удалена такая нечистота. Божество
непричастно зависти и отъ всякой скверны,
и на тебѣ да не кладутъ пятна подобныя стра-
сти: ни зависть, ни кичливость, ни что либо
другое оскверняющее богоподобную лѣпоту.
Если сдѣлаешься таковымъ, то смѣло гласомъ
своимъ призывай Бога, и Владыку вселенной
именуи Отцемъ своимъ. Онъ воззритъ на тебя
отеческими очами, облечетъ тебя въ божествен-
ную одежду, украситъ перстнемъ, и ноги твои
для шествія горѣ снабдитъ евангельскими са-
ногами, возстановитъ тебя въ небесное оте-
чество, о Христъ Іисусъ Господѣ нашемъ.
Ему подобаетъ слава и держава во вѣки вѣ-
ковъ! Аминь.

С Л О В О 3-е.

Да святится Имя Твое: да придетъ царствіе Твое (Матѣ. 6, 9. 10.).

Законъ, *силь ильнй грядущихъ благъ* (Евр. 10. 1.), и нѣкими прообразовательными гаданіями провозвѣщающій истину, когда во святилище вводитъ священника для принесенія молитвы Богу, сперва очистительными нѣкими жертвами и окропленіями очищаетъ входящаго, потомъ, украсивъ священническою одеждою, благолѣпно испещренною золотомъ, багрянцею и красками другихъ цвѣтовъ, возложивъ на него наперсникъ и увясло, прищѣпивъ къ краямъ одежды звонки съ пуговицами; — а на раменахъ состегнувъ верхнюю одежду, и главу пріукрасивъ діадимою, обильно изливъ миро на власы, вводитъ его наконецъ во святилище, совершать таинственныя священнодѣйствія.

Духовный же законоположникъ, Господь нашъ Иисусъ Христосъ, обнажая законъ отъ тѣлесныхъ покрываль и приводя въ ясность гадательный смыслъ прообразовъ, во первыхъ не одного только избираетъ изъ цѣлаго народа, вводитъ въ собесѣдованіе съ Богомъ, но всякому равно даруетъ сіе достоинство, предложивъ желающимъ общую благодать священства; а потомъ незаметваннымъ убран-

ствомъ, найдепнымъ въ какой либо краскѣ и ткацкомъ ухищреніи, придасть искусственную красоту священнику, но возлагасть свойственное и среднее ему украшеніе, вмѣсто разнообразно испещренной одежды, дѣлая цвѣтносымъ пріятностями добродѣтелей; и грудь украшаетъ, не земнымъ золотомъ, но непорочною и чистою совѣстію придавая лѣноту сердцу. Къ увясу же сему припаровляетъ и блескъ драгоценныхъ камней, а это, по мнѣнію Апостола,—свѣтлости святыхъ заповѣдей. Да и надрагами обезонаиваетъ ту часть, которой украшеніемъ служить такой видъ одѣянія; конечно же не незнаешь, что украшеніе таковой части — покровъ цѣломудрія. Привѣсиль къ рясамъ жизни духовные звонки, и пуговицы, и цвѣты (Исх. 28. 34.) (п), а подъ ними иный справедливо можетъ разумѣть видимое въ добродѣтельной жизни, чтобы прохождение сей жизни содѣлалось славнымъ; а носему къ рясамъ симъ вмѣсто звонка придалъ благозвучное слово вѣры, а вмѣсто пуговицы—сокровенную готовность къ надеждѣ на будущее, прикрытую суровою жизнію, и вмѣсто цвѣтовъ доброцвѣтную красоту рая (р);

(п) По рук. читается: *καὶ τὰ ἄρθρα.*

(р) Дополнено изъ рукописи, гдѣ читается такъ: *ἀντὶ δὲ τῶν ἀρθήτων, τῆς ἐνανθῆ τῶν παραδείσου χάριν.*

такимъ вводить его во святилище и внутренность храма. Святилище же это не неодушевленное, и не рукотворенное, но сокровенная храмина нашего сердца, если дѣйствительно она непроницаема для порока, и недоступна лукавымъ помысламъ. Главу украшаетъ небеснымъ мудрованіемъ, не изображеніе буквъ начертавъ на золотой дщицѣ, но самаго Бога изобразивъ во владычественномъ разсудкѣ. А на власы разливаетъ миро, душею внутри себя самой составленное изъ добродѣтелей; и уготовляетъ его къ принесенію Богу, въ таинственномъ священнодѣйствіи, въ благоуханіе и жертву не чего либо иного, но себя самаго. Такъ возведенный Господомъ въ сіе священство, умертвивъ плотское мудрованіе мечемъ духовнымъ, *иже есть малолѣ Божій* (Ефес. 6, 17.), потомъ пребывая во святилищѣ, умиляетъ Бога, таковою жертвою посвятивъ себя самаго и представивъ *тѣло свое жертву живу, святу, благоудну Божови* (Рим. 12, 1.).

Но, можетъ быть, скажетъ кто либо, что смыслъ молитвы, предложенной нами для истолкованія, по первому взгляду не имѣетъ сего значенія; а нами придуманы подобныя понятія, не соответствующія понятіямъ, заключающимся въ собственныхъ словахъ молитвы. Поэтому пусть таковой снова приведетъ себя на память первые уроки молитвы. Ибо кто приугодилъ себя къ тому, чтобы съ дерзнове-

ніемъ осмѣлится наименовать Бога отцемъ своимъ: тотъ въ точности облеченъ тою одеждою, какая описана въ словѣ, звучитъ звонцами, цвѣтеть пуговницами, блистаетъ на персяхъ лучами заповѣдей, на раменахъ носитъ патриарховъ и Пророковъ, вмѣсто имени обративъ добродѣтели ихъ въ собственное свое украшеніе; и главу украшаетъ вѣнцемъ правды; власы имѣетъ умащенные небеснымъ муромъ; и пребываетъ внутри пренебеснаго святилища, которое поистинѣ непроницаемо и недоступно для всякаго нечистаго помысла. Но какъ надлежитъ приуготовлять себя посвящаемому, достаточно показано сіе словомъ въ изслѣдованномъ доселѣ, остается же разсмотрѣть самое прошеніе, какое пребывающему внутри святилища Господь повелѣлъ возносить къ Богу.

Ибо кажется мнѣ, что излагающій просто слова молитвы по первому взгляду не доставляетъ намъ удобопонятнаго смысла. Сказано: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое*. Какъ относится это къ моей потребности? скажетъ пный человѣкъ, или покаяніемъ наказывая себя за грѣхи, или, чтобы бѣжать отъ преобладающаго имъ грѣха, призывая на помощь Бога, потому что всегда предъ очами у него ноборающій искушеніями. Здѣсь раздражительность выводитъ разсудокъ изъ упорядоченаго состоянія; тамъ пожеланія неумѣстнаго ослабляютъ силы души; въ другой разъ

наводятъ слѣпоту на зоркость сердца любо-
 стязательность, кичливость, гордыня, нена-
 висть и остальная толпа противоборствующаго
 намъ, подобно какому-то полчищу вокругъ
 обступившихъ враговъ, при самой крайности
 ввергаютъ душу въ опасность. Послѣ этого
 старающемся, при благомъ содѣйствіи, изба-
 виться отъ сихъ золь какія всего пригоднѣе
 употребить слова? Не тѣ ли, которыя употре-
 билъ великій Давидъ, сказавъ: *да избавлюся*
отъ ненавидящихъ мя (Псал. 68, 15.), и еще:
да возвратятся враги мои вспять (Псал. 34, 4.),
 и еще: *даждь намъ помощь отъ скорби* (Псал.
 59, 13), и другія сямъ подобныя, которыми
 можно возставить Божіе противъ враговъ со-
 дѣйствіе? Теперь же что говорятъ законъ мо-
 литвы? *Да святится имя Твое.* Если и не бу-
 деть это мною сказано, ужели возможно имени
 Божію не быть святымъ? *Да приидетъ царствіе*
Твое. Что же изъято изъ подъ власти Бога,
 Который, какъ говоритъ Исаія, объемлетъ диа-
 нію все небо, горетію всю землю, рукою со-
 держитъ влажное сестество, въ объятіяхъ по-
 ситъ всю и этого міра и премірную тварь
 (Иса. 40, 12.)? Посему, если имя (с) Божіе
 всегда свято, ничто не избѣгло державы вла-
 дычества Божія, но всёми обладаетъ, и въ

(с) По рукоп. вмѣсто: τὸ κράτος читается: τὸ ὄνομα.

святѣишій не требуетъ (т) прибавленій, во всемъ нескудный и совершенный: что выражаетъ молитва словамъ: *да святится имя Твое: да придетъ царствіе Твое?*

Писаніе подъ *видомъ* молитвы не учить ли (у), можетъ быть, чему либо такому: природа человѣческая для приобрѣтенія чего либо добраго немощна, и потому о какомъ бы добрѣ ни заботились, не достигали бы мы онаго, если бы не совершало сего въ насъ Божіе содѣйствіе. А главное для меня изъ всѣхъ благъ то, чтобы жизнью моею прославлялось имя Божіе.

Вразумительнѣе (ф) же сдѣлается для насъ этотъ смыслъ чрезъ предположеніе противнаго. Слышу, что священное Писаніе осуждаетъ гдѣ-то тѣхъ, которые дѣлаются виновниками хулы на Бога. Ибо сказано: *горе тѣмъ, иже ради имя Мое хулятся во языцехъ* (Иса. 52, 5.). А сіе значитъ: не увѣровавшіе еще слову истины взираютъ на жизнь пріившихъ вѣру въ таинство; а посему, когда иные посягъ на себѣ имя вѣры, а жизнь ихъ противорѣчитъ имени, или идолослужительству любо-

(т) По рукоп. вмѣсто: *ἐ ἐπιδέχεται*, читается: *ἐκ ἐπιδέχεται*.

(у) По рукоп. вмѣсто: *εἰ* читается: *ἤ*.

(ф) По рукоп. вмѣсто: *προτιμωτέρι η̄ ἐνοου* читается: *υποτιμωτέρι η̄ διαβοῖα*.

стяжательностию, или безчистию въ пьянствѣ и на пиршествахъ, или, на подобіе евншей, валяясь въ тишѣ распутства: тогда у невѣрныхъ тотчасъ готовъ отзывъ, осуждающій, не произволь худо пользующихся жизнью, но таинство, какъ будто оно учитъ поступать такимъ образомъ, и будтобы такіи-то человекъ, посвященный въ божественныя таинства, не сдѣлаеся бы или злорѣчивымъ, или любостыжательнымъ, или хищникомъ, или подверженнымъ иному какому пороку, если бы грѣшить не было для нихъ законно. Посему-то Писаніе обращается къ таковымъ съ строгою угрозою, говоря: *горе тѣмъ, иже ради имя Мое хулится во языцехъ.*

Если это понято нами, то благовременно будетъ обратить вниманіе на то, что говорится съ противной стороны. Ибо прежде всего, думаю, надлежитъ молиться и главнымъ предметомъ молитвы поставлять то, чтобы жизнь мою имя Божіе не хулилось, но прославлялось и святилась вѣра въ таинство (х). Посему во мнѣ, говоритъ молящійся, *да святится* призываемое мною имя Твоего владычества, *да видятъ* человекъ добрыя дѣла, *и прославятъ Отца, Иже на небесехъ* (Матѣ, 5, 16.). А кто столько звѣроподобенъ и не-

(х) Слова сїя дополнены по рукописи.

разумеиъ, что, въ вѣрующихъ въ Бога видя жизнь чистую, преусиѣвающую въ добродѣтели, свободную отъ всеѣхъ сквернъ грѣха, чуждую всякаго подозрѣнiя въ худомъ, сіяющую цѣломудріемъ, достойную уваженiя за благоразуміе, мужественно отражающую прираженiя страстей, нимаю не разслабляемую тѣлеснымъ сладострастіемъ, всего болѣе удаляющуюся отъ забавъ, нѣги и кичливой суетности, столько пользующуюся житейскимъ, сколько сіе необходимо, концами только пожнхъ перстовъ касающуюся земли, во время пребыванiя на землѣ не утопающую въ наслажденiяхъ удовольствiями сей земной жизни, но стоящую выше всякаго чувственнаго обольщенiя и въ жизни плотской соревнующую жизни безплотныхъ, признающую единственнхъ богатствомъ приобрѣтеніе добродѣтели, единственнхъ благородствомъ — усвоеніе себя Богу, единственнхъ достоинствомъ и единственнхъ владычествомъ — обладаніе самимъ собою, и нераболѣлство челоѣческимъ страстямъ, обременяющуюся продолжительностію жизни въ вещественномъ вѣкѣ, и подобно бѣдствующимъ на морѣ, поспѣшающую въ пристань срѣтить тамъ успокоеніе—кто, видя все сему подобное, не прославитъ имени, призываемаго такою жизнью.

По сему, кто говоритъ въ молитвѣ: *да святится имя Твое* во мнѣ, тотъ, по силѣ про-

износимыхъ имъ словъ, молится о слѣдующемъ: «при содѣйствіи Твоей помощи да содѣлаюсь неукоризненнымъ, справедливымъ, богочестивымъ, буду воздерживаться отъ всякаго лукаваго дѣла, говорить истину, дѣлать правду; ходить по правотѣ, отличатьсѣ цѣломудріемъ, украшаться перестѣпніемъ, мудростію и благоразуміемъ, мудрствовать горнее, презирать земное, просіявать ангельскимъ житіемъ». Сіе и подобное сему содержитъ въ себѣ это краткое прошеніе, въ молитвѣ взывающее Богу: *да святится имя Твое*. Ибо не иначе возможно Богу прославляться въ человѣкѣ, какъ развѣ, когда добродѣтель его свидѣтельствуешь, что причина благъ въ Божіемъ могуществѣ.

Въ послѣдующихъ словахъ заключается молитва о томъ, чтобы пришло царствіе Божіе. Ужели теперь только желательно, чтобы содѣлался царемъ Царь вселенной, всегда Тотъ же, какимъ Онъ есть, для всякаго измѣненія непреложный. Кому не возможно и найдти что либо лучше, во что могъ бы измѣниться? По сему что же значитъ молитва, призывающая царствіе Божіе? Но истинное о семъ понятіе вѣдомо тѣмъ, кому Духъ истины открываетъ сокровенныя тайны; а мы имѣемъ такое разумѣніе сего изреченія: выше всего одна истинная власть и сила, которая державствуетъ и царствуетъ во вселенной, не насиліемъ какимъ, не самоуправнымъ властительствомъ, не стра-

хомъ, не принужденіями приводящая въ подчиненіе, что покорено ей: потому что добродѣтели надлежитъ быть свободною отъ всякаго страха, не по жестокому надъ собою владычеству, но по добровольному разсужденію избирать доброе; а главное во всякомъ добрѣ — состоять подъ животворною властію. Посему, такъ какъ природа человѣческая въ сужденіи о добрѣ обманомъ введена въ заблужденіе, то въ произволѣніи нашемъ произошла склонность къ противному, жизнь человѣческая преобладается всею худымъ, потому что смерть тысячами путей вмѣшалась (ц) въ природу; всякій видъ грѣха дѣлается какъ бы какимъ путемъ къ намъ смерти. Посему, такъ какъ состоимъ подъ такимъ самоуправствомъ, какъ бы какими исполнителями казней или врагами, прираженіями страстей поработены смерти: то хорошо молимся, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе. Ибо невозможно иначе свергнуть съ себя лукавое владычество тѣбнія, пока не восприметъ надъ нами снова владычества животворящая сила.

Посему, если просимъ, чтобы пришло къ намъ царствіе Божіе; то въ дѣйствительности умоляемъ Бога о слѣдующемъ: «да избавлюсь я отъ тѣбнія, да освобождусь отъ смерти, да

(ц) По рукоп. вмѣсто: *κατακρίθῆτος* читается: *καταμυθῆτος*.

буду разрѣшенъ отъ узъ грѣха, да не царствуетъ болѣе надо мною смерть, да не будетъ болѣе дѣйствительнымъ надъ нами самоуправство порока, да не преобладаетъ мною врагъ, да не водить меня злѣнникомъ, поработая грѣхомъ; но *да придетъ* на меня царствіе Твое, чтобы отступилъ отъ меня, или, лучше сказать, обратились въ ничто преобладающія и царствующія нынѣ страсти. *Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ: и яко таетъ воскъ отъ лица огня, тако да погибнутъ»* (Псал. 67, 3.). И дымъ, разлившись въ воздухъ, не оставляетъ по себѣ никакого признака собственнаго своего естества; и воскъ, побывавшаго въ огнѣ, уже не пайдень. Но и воскъ, нанятавъ собою пламень, претворился въ наръ и въ воздухъ; и дымъ пришелъ въ совершенное уничтоженіе. Такъ, когда придетъ на насъ царствіе Божіе, тогда все, преобладающее нами теперь, обратится въ ничто; потому что тма не терпитъ присутствія свѣта; не остается болѣзни по возвращеніи здоровья: не дѣйствуютъ и страсти при появленіи безстрастія; бездѣйствевна смерть, исчезаетъ тлѣніе, когда воцаряется въ насъ жизнь, и начинаетъ обладать нетлѣвіе.

Да придетъ царствіе Твое. Какое сладостное изреченіе! Имъ ясно приносимъ Богу слѣдующее моленіе: «да разсыплется сопротивная сила, да уничтожится дружина шлоплеменни-

ковъ, да прекратится борьба плоти съ духомъ, да не служить тѣло приближенемъ неприятелю души, да явятся на мнѣ царственное владычество, ангельская рука, тысячи исправляющихъ, тьма помогающихъ съ правой руки, чтобы съ противной стороны пала тьма враждующихъ. Сопротивникъ силенъ; но страшенъ и непреоборимъ для лишенныхъ Твоей помощи, пока побораемый имъ одинъ. А какъ скоро откроется Твое царствіе, *отбѣже и печаль и воздыханіе* (Иса. 35, 10.), на мѣсто же ихъ входятъ жизнь и миръ, и радованіе. Или, какъ яеѣе истолкована намъ таже мысль Лукою, кто просить, чтобы пришло царствіе, тотъ взываетъ о содѣйствіи Святаго Духа. Такъ въ Евангеліи отъ Луки, вмѣсто словъ: *да придетъ царствіе Твое*, сказано: да придетъ Святыи Духъ Твой на насъ, и очиститъ насъ.

Что скажутъ на это дерзко отверзающіе уста свои на Духа Святаго? По какому разумѣнію царственное достоинство превращаютъ они въ рабское уничиженіе? Лука называетъ Духомъ Святымъ, что Матѳей наименовалъ царствомъ; почему естество Духа (ч) низводятъ въ подчиненную тварь, естество царственное причисля къ естеству, подвластному царской власти?

(ч) По рукоп. вмѣсто: *ὁ θεομήτορ* читается: *τὴν φύσιν τοῦ Πνεύματος*.

Тварь рабствуетъ, а рабство — не царская власть. Духъ же Святыи есть царствіе. А если царствіе (ш), то, безъ сомнѣнія, царствуетъ, а не подъ царскою властію: но что не подъ царскою властію, то не тварь; потому что твари только свойственно быть въ рабствѣ. Посему, если Духъ есть царствіе, то почему причисляютъ Его къ естеству рабственному (п) не научившіеся еще молиться, незнающіе, кто очищаетъ освершенное, Кому принадлежить держава царства (ъ)?

Сказано: да придетъ Святыи Духъ Твой, и очиститъ насъ. Посему особая и преимущественная сила и дѣйственность Святаго Духа—очищать отъ грѣха. Ибо чистое и неоскверненное, конечно, не имѣетъ нужды въ очищающемъ. Но сіе же самое свидѣтельствуемъ Апостоль и объ Единородномъ (ы), когда говоритъ: *очищеніе сотвори въ грѣховѣхъ, егда одесную.. величестія* (Евр. 1, 3.) Отцева. Посему одно дѣло у Того и Другаго, у Духа очищающаго

(ш) По рукоп. вмѣсто: *δαδν της κατὰ την κτίσιν καινωίας κ-χόριотαι* и проч. читается: *εἰ δὲ βασιλεία ἔστιν, βασιλεύει παντὸς.*

(п) Въ рукоп. читается: *πῶς, τῆ δουλιεύσειν εἰσι οὐκ αὐθροῦσι.*

(ъ) Въ рукописи: *τίς ἔ της βασιλείας ἀναδιεγμενος τό κράτος.*

(ы) Сіе мѣсто и поелѣдующее за сѣмъ переведено по рукописи и согласно съ печатнымъ изданіемъ Франца Элера подъ заглавіемъ: *Bibliothek der Kirchenväter. Leipzig. 1859.*

грѣхъ, и у Христа содѣлавшагося очищеніемъ. А у кого одно дѣйствіе, у тѣхъ, конечно, и сила одна и таже; потому что всякое дѣйство есть слѣдствіе силы. Поэтому, если и дѣйство одно и сила одна, то какъ можно представлять себѣ инаковость естества у тѣхъ, у кого не находимъ никакой разности ни въ силѣ, ни въ дѣйствѣ? Какъ по свойствамъ огня, когда два сіи дѣйства свѣтитъ и сожигать равны и подобны, нельзя заключать о видоизмѣненіи предмета: такъ и никто изъ цѣломудренныхъ наученный божественнымъ Писаніемъ, что одно дѣйство Сына и Духа, не дойдетъ до того, чтобы предполагать какое либо различіе въ естествѣ.

Но нынѣ мнѣніями благочестивыхъ предварительно уже доказано, что естество Отца и Сына одно и тоже; ибо ипородному не возможно называться именемъ Божіимъ; какъ скамья не называется сыномъ плотника, и никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что домоздатель построилъ сына; напротивъ того наименованіями отецъ и сынъ означается единеніе ихъ по естеству. Когда два существа состоятъ во взаимномъ свойствѣ съ третьимъ, по всей необходимости надлежитъ не имѣть имъ различія и одному съ другимъ. Посему, если Сынъ по естеству въ единеніи съ Отцемъ, а тождествомъ дѣйствъ доказано, что Духъ Святыи не чуждъ естества сыновняго: то въ

слѣдствіе сего оказывается, что естество Святой Троицы едино, между тѣмъ какъ въ каждой Упостаси личное свойство, по преимуществу въ ней усматриваемое, не сливается, и отличительные признаки между собою не перемѣшиваются такъ,—что признакъ Отчей Упостаси не переносится на Сына или Духа, или также признакъ Сына не примѣняется къ Отцу и къ Духу, или личное свойство Духа не обнаруживается въ Отцѣ и въ Сынѣ. Но въ общности естества усматривается несообщимое различіе особностей. Отцу свойственно безвиновное бытіе. Сего нельзя видѣть въ Сынѣ и въ Духѣ; потому что Сынъ отъ Отца пшшелъ (Іоан. 16, 28.), какъ говоритъ Писаніе, и Духъ отъ Бога (1 Кор. 2, 12.) и *отъ Отца исходитъ* (Іоанн. 15, 26.). Но какъ сіе—имѣть безвиновное бытіе, будучи свойствомъ одного Отца, не можетъ прилагасямо быть къ Сыну и къ Духу; такъ наоборотъ и сему — имѣть бытіе отъ вины, что свойственно Сыну и Духу, неестественно быть усматриваемымъ въ Отцѣ. А какъ общее свойство Сына и Духа—не быть не рожденнымъ, то, чтобы не усматривалось въ Нихъ какой либо снзнности, можно опять найдти несмѣшиваемое различіе въ ихъ личныхъ свойствахъ; такъ что и общее сохраняется, и особенныя свойства не сливаются. Ибо Сынъ въ святомъ Писаніи именуется Единороднымъ отъ Отца, и снмъ Писаніемъ

саміе ограничиваетъ личное свойство Сына. О Святомъ же Духѣ говорится, что Онъ отъ Отца, и свидѣтельствуется, что Онъ есть сыновній. Ибо сказано: *аще кто Духа Христова не имать, сей нсть Еловъ* (Римл. 8, 9.). Посему, хотя Духъ, сущій отъ Бога, есть и Христовъ Духъ, однакоже Сынъ, сущій отъ Бога, не есть и не называется Сынъ Духа: и относительная сія послѣдовательность не имѣетъ мѣста въ обратномъ порядкѣ, такъ что можно было бы равнымъ образомъ разложивъ рѣчь, превращать ее, и какъ Духа называемъ Христовымъ, такъ и Христа именовать Духовымъ. Посему, такъ какъ свойство сіе ясно и неслитно отличаетъ одно Лице отъ другаго, а тождество дѣйствія свидѣтельствуется объ общности естества, то тѣмъ и другимъ подтверждается благочестивое положеніе о Божествѣ, что нечисляется Троица по вностаемъ, и не разсѣкается на иноестественные отдѣлы (б).

Посему, каково же безуміе сихъ духоборцевъ, которые учатъ, что Господь—рабъ, для которыхъ не вѣрно и свидѣтельство Павла,

(б) Все сіе мѣсто, начинающееся словами: „такъ что припакъ Отчей вностаей,“ переведено по рукописи и по изданію Фр. Элера.

когда говорить, что Господь Духъ есть (2 Кор. 3, 17.). Или, можетъ быть, слово: *да придетъ*, почтають унижающимъ достоинство? Не слушаютъ, значить, и великаго Давида, который призываетъ къ себѣ даже Отца, и вопіеть: *прииди во еже спасти насъ* (Псал. 78, 3.). Если для Отца придти—дѣло спасительное, то почему для Духа придти—дѣло унижительное? Или и это—очищать отъ грѣховъ поставляютъ признакомъ униженія достоинства? Послушай невѣрныхъ Іудеевъ, которые вопіють, что отпущать грѣхи свойственно Единому Богу, разсуждая объ Отцѣ, говорятъ: *Кто есть сей, иже оставляетъ грѣхи, токмо единъ Богъ* (Лук. 5, 21.)? Посему, если грѣхи оставляетъ Отецъ, возьметъ же на Себя грѣхъ міра Сынъ (Іоанн. 1, 29.), и отъ грѣховной скверны очищаетъ Духъ Святой тѣхъ, въ комъ пребываетъ Онъ: что скажутъ на сіе противоборствующие собственной своей жизни?

Но да придетъ на насъ Духъ Святой, и да очиститъ насъ, и да содѣластъ способными къ принятію возвышенныхъ и богодѣльныхъ понятій, указуемыхъ намъ въ молитвѣ гласомъ Спасителя. Ему слава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 4-е.

Да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли. Хлебъ нашъ насущный даждь намъ днесь (Матѳ. 6, 10, 11.).

Слышалъ я одного врача, который по наукѣ естествословія разсуждалъ о состояніи здоровья; разсужденія его не будутъ, можетъ быть, далекими и отъ нашей цѣли — благосостоянія души. Уклоненіе какой либо въ насъ стихіи отъ надлежащей мѣры опредѣлялъ онъ началомъ и причиною болѣзненнаго состоянія; и наоборотъ также утверждалъ, что находящагося въ неправильномъ движеніи возстановленіе въ состояніе, тому свойственное и естественное, есть врачеваніе отъ болѣзнетворной причины. И поему полагалъ, что должно обращать вниманіе на то именно изъ движимаго въ насъ безпорядочно, преобладаніемъ чего вліяніе противоположнаго на возстановленіе здоровья всего болѣе дѣлается слабымъ. Такъ, если возобладаетъ теплота, должно оказывать содѣйствіе преобладаемому и увлажнять иссушаемое, пока теплое, потребляя само себя, при недостаткѣ вещества, совершенно не истощится и само собою не угаснетъ. А также,

если и другое что изъ оказывающаго въ насъ противоположныя одно другому дѣйствія преступить предѣлы, надобно подавать искусственную помощь умалжаемому, чтобы оно противостояло умножаемому. И когда это сдѣлается, ничто не будетъ препятствовать равновѣсью стихій; тогда тѣлу возвратится здравіе, потому что въ естествѣ нѣтъ уже неправильнаго срастворенія стихій.

Къ чему же служить у меня это длинное вступленіе въ слово? Не безъ цѣли, можетъ быть, такое начало и недалеко отъ предположеннаго предмета. Ибо разсмотрѣнію нашему подлежатъ слова: *ди будетъ воля Твоя*. Для чего же упомянули мы о семъ въ медицинскомъ положеніи, объяснимъ это въ послѣдующемъ. Духовное въ человѣчествѣ было нѣкогда здраво, потому что нѣкія стихіи, разумѣю душевныя движенія, растворены въ насъ были равномерно по закону добродѣтели. Когда же усилилась способность вождельвательная, расположеніе, представляемое ей противоположнымъ, а это есть воздержаніе, стало преобладаемо избыточествующимъ; и не было уже ничего препятствующаго неумѣренному движенію вождельнія, къ чему не должно; тогда въ человѣческомъ естествѣ произошла отъ сего смертельная болѣзнь — грѣхъ. Посему истинный Врачъ душевныхъ страданій, ради одержимыхъ болѣзнію вступивъ въ жизнь человѣческую,

молитвенными рѣченіями (ѳ) ослабляя болѣз-
петворную причину, возводитъ насъ въ духов-
ное здравіе. Здравіемъ же для души служить
исполненіе Божественной воли, равно какъ и
наоборотъ, отпаденіе отъ благой воли есть
болѣзнь души, оканчивающаяся смертію. По-
сему, такъ какъ сдѣлались мы немощными,
когда въ раю, оставивъ добрый образъ жизни,
безъ мѣры вкусили яда преслушанія, и потому
природою нашею возобладала жестокая и смер-
тельная болѣзнь: то пришелъ истинный Врачъ,
по закону врачебнаго искусства испѣляющій
зло противоположнымъ ему, и одержимыхъ
педугомъ потому, что отступили отъ Божіей
воли, освобождаетъ оныя отъ болѣзни едине-
ніемъ съ Божіею волею. Ибо слова молитвы
служатъ врачеваніемъ отъ постигшаго душу
недуга. У кого душа одержима, какъ бы нѣ-
кіими болѣзнями, тотъ молится, говоря: *да бу-
детъ воля Твоя*. А воля Божія — спасеніе
людей.

Посему, когда дойдемъ до того, чтобы ска-
зать Богу: *да будетъ воля Твоя* и на мнѣ:
тогда совершенно необходимо осудить прежде
ту жизнь, которая была несогласна съ Божіею
волею, и выразить сіе исповѣданіемъ: «поелику

(ѳ) По рукоп. читается ρήμιον, а не νοήμιον.

во время протекшей жизни на зло мнѣ дѣйствовала во мнѣ противная Твоей воля, содѣлался я служителемъ лукаваго мучителя, и какъ бы исполнителемъ казни, приводящимъ въ исполненіе надъ самимъ собою приговоръ врага: посему, возбудившись жалостію къ моей гибели, даруй, чтобы со временемъ и во мнѣ совершалась воля Твоя. Ибо, какъ въ мрачныхъ пещерахъ, когда вносятся туда свѣтъ, мракъ исчезаетъ: такъ, когда Твоя воля во мнѣ будетъ совершаться, всякое лукавое и неумѣстное движеніе произвола обратится въ ничто. Цѣломудріе угаситъ невоздержное и страстное стремленіе ума, смиренномудріе истребитъ кичливость, скромность уврачуесть болѣзнь гордыни, а доброта любви изгонитъ изъ души многочисленный сонмъ противоположныхъ золъ; бѣгутъ отъ нея ненависть, зависть, негодованіе, гнѣвное движеніе, раздражительное расположеніе духа, злопамѣренность, притворство, намятованіе огорченія, жажда мщенія, воскипѣніе крови въ предсердечіи, недоброе око, — все это стадо таковыхъ золъ уничтожится любвеобильнымъ расположеніемъ». Такъ дѣйственность Божіей воли псторгаетъ сугубое идолослуженіе; называю сугубымъ, какъ пенетовую приверженность къ идоламъ, и какъ вождельніе серебра и золота — этихъ, какъ наименовало ихъ пророческое слово, идоловъ *языкъ* (Псал. 113. 12.). Посему да

будетъ воля Твоя, чтобы стала недействительною воля діавола.

Но почему просимъ у Бога, чтобы произволеніе наше содѣлалось благимъ? Потому что естество человѣческое, однажды приведенное въ расслабленіе порокомъ, немошно для добра. Ибо человѣкъ не съ тою же легкостію, съ какою доходитъ до худаго, возвращается отъ него опять къ доброму; какъ подобный сему законъ можемъ примѣчать и въ тѣлахъ, потому что неодинаково, не съ равнымъ удобствомъ, здоровое тѣло дѣлается больнымъ, и заболѣвшее выздоравливаетъ. Пользовавшійся дотолѣ здоровьемъ часто отъ одной раны приходилъ въ крайнюю опасность, и одишь оборотъ или припадокъ горячки истреблялъ всю силу въ тѣлѣ, малый пріемъ яда, или совершенно разрушалъ тѣло, или производилъ это постепенно, и за угрызеніемъ пресмыкающагося, или за ужаленіемъ одного изъ ядовитыхъ животныхъ, или за поползновеніемъ погни, или за наденіемъ, или за вкушеніемъ съ жадностію чего либо сверхъ силы, или за инымъ тому подобнымъ, мгновенно слѣдовала, или болѣзнь, или смерть; освобожденіе же отъ недуга, если когда и бываетъ, то при сколькихъ (э) достигается при-

(э) По рукописи вмѣсто: *πολλὰς* читается *ποσας*.

мышленіяхъ, затрудненіяхъ и врачебныхъ искусственныхъ средствахъ? Посему, когда дѣйствуетъ въ насъ стремленіе къ злу, имѣть потребности въ содѣйствующемъ, потому что порокъ самъ собою довершаетъ себя въ волю нашей. Если же возникнетъ склонность къ лучшему; то нужно, чтобы пожеланіе Богъ привелъ въ исполненіе. Посему говоримъ: поелику цѣломудріе—Твоя воля, *азъ же плотякъ селъ, проданъ подъ грѣхъ* (Рим. 7, 14.); то Твоею силою да преуспѣетъ во мнѣ благая сія воля. Тоже говоримъ о справедливости, о благочестіи, объ отчужденіи отъ страстей. Слово: воля объемлетъ собою все вообще добродѣтели, словами же: воля Божія означается по одиначкѣ все, разумѣемое подъ именемъ добраго.

Но что значитъ сіе прибавленіе: *яко на небеси, и на земли*? Слово сіе, какъ мнѣ кажется, указываетъ, можетъ быть, на одинъ изъ болѣе глубокихъ догматовъ, и составляетъ ученіе боголѣннаго разумѣнія при взглядѣ на тварь. Смыслъ же того, о чемъ говорю, таковъ: вся разумная тварь дѣлится на естество безплотное и на облеченное тѣломъ. Безплотное естество есть ангельское, а другой видъ естества—мы люди. Посему первое духовно, какъ отрѣшенное отъ бременящаго тѣла (разумѣю же тѣло это грубое и въ землѣ тяготеющее), проходитъ горній жребій, по легкости и удобо-

движности естества пребывая въ странахъ легкихъ и эфирныхъ. А другое, по сродству нашего тѣла съ оземлеѣвшимъ, по необходимости получило въ удѣлъ, какъ бы нѣкій отстой грязи, жизнь земную. Не знаю, что устроила этимъ Божія воля, то ли, чтобы всю тварь сблизить между собою, чтобы и дольній жребій не былъ безучастнымъ въ небесныхъ высотахъ, и небо не вовсе было безучастно въ томъ, что на землѣ, по вслѣдствіе образованія человѣческаго естества изъ обонхъ стихій происходило нѣкое общеніе усматриваемаго въ той и другой стихіи, такъ какъ духовная часть души, которая, по видимому, есть нѣчто среднее и одновременное съ небесными силами, обитаетъ въ*земныхъ тѣлахъ, и оземлеѣвшая ея плоть, при измѣненіи тѣльныхъ и восхожденіи праведныхъ, вмѣстѣ съ душою переселится въ небесную область (ю)? Ибо *восхищени будезъ, какъ говорить Апостоль, на облацехъ въ срѣженіе Господне на воздухъ, и тако всегда съ Господезъ будезъ* (1 Сол. 4, 17:). Поэтому сіе, или иное что устроила симъ Божія премудрость,—все разумное естество, по двойкой сей жизни, дѣлится на части, и есте-

(ю) По рукописи читается: *ἐν τῇ ἀλλαγῇ μὲν σφαιρῶν, ἀφραγῇ δὲ τῶν δικαίων εἰς τὸν δρανίον χῶρον μετὰ τῆς ψυχῆς ἐπιδηρούσης.*

ство безплотное пріяло въ свой жребій небесное блаженство, а другое, по причинѣ плоти, обитаетъ на землѣ, по средству съ нею. Хотя вождельніе прекраснаго и добраго равномерно всуществлено въ томъ и другомъ естествѣ, и Правитель вселенной въ обоихъ содѣлалъ равными самоуправленіе, самовластіе и свободу отъ всякой необходимости, чтобы все одаренное словомъ и разумніемъ распорядилось собою по самозаконному пѣкому произволу; однакоже жизнь горня во всемъ хранить себя чистою отъ порока, и съ нею несовмѣстно ничто представляющееся противоположнымъ, всякое же страстное движеніе и расположеніе, которымъ подверженъ родъ человѣческій, приводитъ въ круженіе жизнь дольнюю. Посему житіе святыхъ силъ на небесахъ богодухновенное слово признаетъ нескмѣющимъ примѣси порока и чистымъ отъ всякой грѣховной скверны. Все же, что умышленіемъ худаго и отступленіемъ отъ добраго (я) превращается въ зло, подобно какому-то отстою или грязи, стекается въ эту обыкновенную (ѳ) жизнь; и оскверняется человѣческій родъ, находя въ этой тмѣ препятствіе къ тому, чтобы усматри-

(я) По рукоп. τῆ τῆ χειρὸς ἐπιβουλία καὶ ἀποσάνει τοῦ ἀγαθοῦ.

(ѳ) По рукоп. вмѣсто τῆν κοίλην чит. τῆν κοινὴν.

вать Божественный свѣтъ истины. Посему, если высшая жизнь безстрастна и чиста, а здѣшняя бѣдственная жизнь погружена во всякія страсти и злостраданія: то явно, что горшее житіе, какъ чистое отъ всего худаго, преуспѣваетъ въ благой волѣ Божіей; ибо гдѣ нѣтъ зла, тамъ по всей необходимости добро. А наша жизнь, утративъ общеніе въ добрѣ, отпала и отъ Божіей воли. Посему научаемся мы въ молитвѣ, въ такой мѣрѣ очищать нашу жизнь отъ худаго, чтобы, какъ въ небесномъ жителствѣ, и въ насъ безиряетственно управляла Божія воля, такъ чтобы можно было иному сказать: «какъ въ престолахъ, началахъ, властяхъ, господствахъ, и во всякой премірной силѣ совершается Твоя воля, и никакой порокъ не препятствуетъ дѣйствію добра: такъ и въ насъ да совершается доброе, чтобы, по истребленіи всякаго порока, въ душахъ нашихъ, благоуспѣшно исполнялась во всемъ Твоя воля».

Но возразить кто нибудь: возможно ли въ той чистотѣ, какая въ безплотныхъ силахъ, преуспѣвать получившимъ въ удѣлъ жизнь во плоти, когда душа по тѣлеснымъ потребностямъ погружена въ тьмы заботъ?—Посему-то, кажется мнѣ, какъ бы устраняя таковую невозможность, Господь въ послѣдующихъ словахъ разрѣшаетъ кажущееся затруднительнымъ въ предстоящемъ дѣлѣ. Ибо сими словами, въ

повелѣніи просить насущнаго хлѣба, предлагается намъ, думаю, ученіе, что довольство малымъ и умѣренность по закону безстрастія равняется тому, чтобы не имѣть ни въ чемъ нужды по естеству. Ангель не просить въ молитвахъ Бога о подаванні ему хлѣба, потому что одаренъ естествомъ, неимѣющимъ нужды въ чемъ либо подобномъ; а человѣку повелѣно просить, потому что дѣлающееся пустымъ непремѣнно имѣть нужду въ наполняющемъ. Скоротеченъ и преходящъ составъ человѣческой жизни, вмѣсто отдѣливагося требуетъ возобновляющаго. Посему, кто въ услуживаніи естеству, не увлекается сверхъ необходимости суетными заботами, тотъ не много ниже ангельскаго чина по жизни, въ довольствѣ для себя малымъ подражая Ангеламъ, ни въ чемъ неимѣющимъ нужды. Посему повелѣно намъ домогаться только остаточнаго къ сохраненію тѣлесной сущности, говоря Богу: *хлѣбъ* намъ *даждь*, — то есть даждь не забавы, не богатство, не доброцвѣтныя багряницы, не золотые уборы, не блескъ камней, не серебряные сосуды, не обширныя помѣстья, не военачальство, не владѣніе городами и народами, не стада коней и воловъ, и великое множество другаго скота, не обиліе невольниковъ, не знаменитость на торжищахъ, не памятники, не изображенія, не шелковыя ткани, не увеселенія музыкой, и ни что либо сему подобное,

чѣмъ душа отвлекается отъ Божественной и болѣе досточестной заботливости; но *дажедъ хлѣбъ*.

Видишь ли эту широту лобомудрія? Сколько учещій содержится въ семь краткомъ изреченіи? Словомъ: *хлѣбъ* какъ бы такъ взываетъ Господь внимающимъ: «перестаньте, люди, истощаться пожеланіями суетнаго! перестаньте на горе себѣ самихъ умножать поводы къ трудамъ! Не великъ твой естественный долгъ; обязанъ ты доставать плоти своей пищу, — дѣло не большое и не трудное, если имѣешь въ виду потребность. Для чего умножаешь свои повинности? Для чего налагаешь на себя иго, неся столько долговъ, добывая серебро, откапывая золото, приискивая прозрачное вещество? Для того ли, чтобы всѣмъ подобнымъ услаждать тебѣ этого всегдашняго собирателя податей — чрево, которому потребенъ только хлѣбъ, удовлетворяющій тому, въ чемъ нуждается тѣло?» А ты отправляешься къ Индамъ, терпишь бѣды на чужеземномъ морѣ, пускаешься въ плаваніе на цѣлые годы, чтобы привезенными оттуда покунками усладить пищу, не обращая вниманія на то, что ощущение сладостей имѣеть предѣломъ небо во рту, а также и благовидное, и благовоиное, и услаждающее вкусъ доставляетъ чувству какую-то скоропреходящую и мгновенную пріятность. Кромѣ неба во рту разность влагаемаго въ гортань

ничѣмъ не различима: потому что естествомъ одинаково измѣняется все въ зловоніе. Видишь ли конецъ повареннаго искусства? Видишь ли послѣдствіе поваренныхъ ухищреній? Проси хлѣба для жизненной потребности; въ этомъ природа сдѣлала тебя должникомъ тѣлу. А что сверхъ этого изобрѣтено извѣженностью (v) роскошныхъ, то изъ числа привсѣянныхъ шевель. Сѣяніе домовладыки—шеница, а изъ шеницы дѣлается хлѣбъ; роскошь же—шевелы; они врагомъ привсѣяны къ шеницѣ. Но люди, переставъ служить природѣ необходимымъ, дѣйствительно, какъ говоритъ негдѣ Писаніе (Мар. 4, 7, 19.), бываютъ подавляемы рачепіемъ о суетномъ, и остаются не достигшими зрѣлости, потому что душа непрестанно занимаетъ себя сими суетностями.

О чемъ-то подобномъ, можетъ быть, какъ мнѣ кажется, загадочно любомудрствуетъ и Моисей, совѣтникомъ Евѣ къ наслажденію вкушеніемъ представивъ намъ змія. Сказываютъ же, что это животное—змій, если вставить голову въ пасть стѣны, въ которой вползаетъ, то не легко вытащить его изъ паза тому, кто потянетъ за хвостъ, потому что унырающая чешуя естественно противится усилю тяну-

(v) По рукоп. вмѣсто *ταῖς ἐπιβολαῖς* читается: *ταῖς χλιδαῖς*.

щаго назадъ; и кому проходъ впередъ безпрепятственъ, потому что чешуя по гладкому скользитъ, для того обратный путь назадъ, задерживаемый упорствомъ чешуи, затруднителенъ. А слово сіе, думаю, показываетъ, что подлежитъ беречься удовольствія, когда оно входитъ и вползаетъ въ скважины души, и, сколько можно, тщательно заграждать пазы жизни. Ибо въ такомъ случаѣ жизнь человѣческая блюдетъ чистою отъ смѣшенія съ жизнью скотскою. Если же, по разстройству въ насъ связей жизни, найдетъ себѣ какой-либо входъ змѣи сластолюбія; то поэтому укроется въ насъ, такъ какъ по причинѣ чешуи труднымъ сдѣлается извлеченіе его назадъ изъ вѣстнищъ разумѣнія. А слыша о чешуѣ, разумѣй подъ этою загадкою разнообразныя поводы къ удовольствіямъ; ибо страсть къ сластолюбію по родовому понятію—одна звѣрь, но разные и различныя виды удовольствій, примѣниваемые чувствами къ человѣческой жизни, это—чешуи на змѣѣ, испещренныя разнообразіемъ страстей. Посему, если избѣгаешь сожителства съ змѣею; то берегись головы, то есть перваго прираженія къ тебѣ зла; ибо къ сему ведетъ загадочный смыслъ Господней заповѣди: *той твою блюсти будетъ главу, и ты блюсти будещи его пату* (Быт. 13, 15.). Не давай входа пресмыкающемуся, которое вползаетъ во внутренность, и при самомъ началѣ

входить всею душою своего тѣла. Ограничивайся необходимою потребностію. Предѣломъ заботливости твоей о жизни пусть будетъ удовлетвореніе нужды тѣмъ, что у тебя есть.

Если и съ тобою Евнинъ совѣтникъ вступитъ въ бесѣду о томъ, что прекрасно для взора и пріятно для вкуса, и при хлѣбѣ станешь искать такой-то снѣди, приготовленной съ такими-то приправами, а потомъ въ слѣдствіе сего прострешь пожеланіе дагѣ необходимыхъ предѣловъ: то увидишь тогда, какъ пресмыкающійся въ слѣдъ за симъ неприятно прокрадется къ любостыжательности. Ибо, отъ пищи необходимой перейдя къ лакомымъ снѣдямъ, перейдетъ и къ тому, что пріятно для глазъ, будетъ домогаться свѣтлыхъ сосудовъ, красивыхъ слугъ, серебряныхъ ложъ, мягкихъ постелей, прозрачныхъ съ золотою насышью покрывалъ, престоловъ, трепожниковъ, купалень, чашъ, роговъ, холодильниковъ, ковшей, лаханей, свѣтильниковъ, курильницъ (а). А чрезъ это входитъ похоть любостыжательности, и домогается подобныхъ вещей (б): но чтобы въ заготовленіи оныхъ не было недостатка (в),

(а) Слова: *καί τα τοιαῦτα ἐπιζητοῦν* въ рук. не читаются.

(б) Сіе дополнено по рукописи.

(в) Такъ въ рукописи читается *λείποι*, а не *λίποι*.

потребны доходы на приобрѣтеніе требуемаго. Поэтому надобно иному быть въ печали, живущему вмѣстѣ проливать слезы, многимъ сдѣлаться бѣдствующими, лишившись собственности, чтобы въ слѣдствіе ихъ слезъ за столомъ этого человѣка было блистательно. А когда змій обовьется вокругъ этого, и накопнѣтъ чрево, чѣмъ было желательно, тогда, въ слѣдъ за симъ, по пресыщеніи человѣкъ болѣе и болѣе вовлекается въ неистовство не потребности: и это есть крайнее изъ золъ человѣческихъ.

Поэтому, чтобы не происходило ничего этого, ограничивай молитву (г) испрошеніемъ сего пособія — хлѣба, нища снѣди, приправляемой тебѣ самою природою. И сія приправа есть добрая совѣсть, при правильномъ употребленіи хлѣба всего болѣе его улаждающая. А если желательно тебѣ усладить и ощущение гортани; то пусть приправою у тебя будетъ скудость, пусть не прилагается сытость къ сытости, побужденіе къ принятію нищи не притупляется нѣжствомъ, по вкушенію оной да предшествуетъ у тебя по заповѣди пропитіе пота. *Въ потъ и трудъ съищи хлѣбъ твой* (Быт. 3, 19.). Видишь ли, какаѣ первая приправа нищи, по

(г) Такъ въ рукоисп.

Писанію? Достаточно для тебя сею только потребностію занимать мысль свою; лучше же сказать, до этого только связывать душу по-печеніями о хлѣбѣ. Но скажи Тому, Кто изводитъ *хлѣбъ отъ земли* (Пса. 103, 14.), скажи Тому, Кто питаетъ врановъ (Пса. 146, 8.), дасть *пищу всякой плоти* (Пса. 135, 25.), отверзаетъ *руку* и исполняетъ *всякое животное благоволенія* (Пса. 144, 16.): «отъ Тебя моя жизнь, отъ Тебя да будетъ и средство къ жизни. Ты *даждь* хлѣбъ, то есть, даруй имѣть пищу отъ праведныхъ трудовъ». Ибо если Богъ есть правда, то не отъ Бога имѣеть хлѣбъ, кто имѣеть пищу отъ любостяжательности.

Самъ ты властелинъ испрашиваемаго въ молитвѣ, если довольство твое не изъ чужаго, если доходъ твой—не отъ слезъ другаго, если при твоей сытости никто не сдѣлался голоднымъ, если при твоёмъ излишествѣ никто не воздохнулъ. Особенно же Божій хлѣбъ таковъ,—это—плодъ правды, класъ мира, несмѣняемый съ сѣменами шевель и неоскверненный ими. Если же, воздѣлывая чужое поле, безъ стыда дѣлая неправду и занесями закрѣпивъ незаконное приобрѣтеніе, скажешь потомъ Богу: *даждь хлѣбъ*: то другой будетъ внимать этимъ словамъ твоимъ, а не Богъ; потому что плодъ неправды плодоприносить естество противное Богу. Кто старается о правдѣ, тотъ отъ Бога

пріемлетъ хлѣбъ; а кто воздѣлываетъ неправду, того питаетъ слабитель неправды. Посему, взирая на совѣсть свою, приноси Богу прошеніе о хлѣбѣ, зная, что у Христа нѣтъ общенія съ Веліаромъ. Если принесешь даръ отъ неправды: то даръ твой—*цѣна пестя и мзда блудница* (Второз. 23, 18.). Хотя прикрасишь подаянія щедростію, однакожь отъ Пророка, гнушающагося такими приношеніями, услышишь: *что Ми множество жертвъ? глаголетъ Господь. Исполненъ есмь всевозжженій овнихъ, и тука ащивъ, и крове ющивъ, и козловъ не хочу. Кадило мерзость Ми есть* (Иса. 1, 11. 13.); и въ другомъ мѣстѣ: *жрѣй Ми телца, яко убивалъ еса* (Иса. 66, 3.) вмѣнитея. Посему, если отъ Господа имѣешь хлѣбъ, то есть, отъ праведныхъ трудовъ; то позволительно тебѣ приносить Ему начатки отъ плодовъ правды.

Прекрасно же и присовокупленіе слова: *днесь*. Ибо сказано: *хлѣбъ насыщающій даждь намъ днесь*. Въ этомъ словѣ заключается другое любомудріе: произнося это, долженъ ты дознать, что жизнь человѣческая однодневна. Собственность каждаго — одно только настоящее, а надежда на будущее остается въ неизвѣстности; не знаемъ, *что родитъ находѣй* (Прит. 27, 1.). Для чего мучимъ себя неизвѣстнымъ, томимъ заботами о будущемъ? Сказано: *довѣлетъ днєви злѣба егѡ* (Матѡ. 6, 34.),

гдѣ злобою называется злостраданіе. Для чего прилагаемъ попеченіе *объ утрѣи*? Посему Господь тѣмъ, что повелѣваетъ говорить: *днесь*, запрещаетъ тебѣ заботу *объ утрѣи*, какъ бы слѣдующее внушая тебѣ спмъ словомъ: «Кто дасть тебѣ день, Тотъ дастъ и потребное на день. Кто *сіяетъ солнце* (Матѣ. 5, 45.); Кто уничтожаетъ ночную тму; Кто показываетъ тебѣ лучъ свѣта; Кто вращаетъ небо, чтобы пасть землею стало свѣтило; Кто дастъ тебѣ это и многое другое, Тотъ ужели имѣеть нужду въ твоёмъ содѣйствіи, чтобы удовлетворить твоей плоти, снабдивъ ее потребнымъ? Какую тщательность о собственной жизни привносить отъ себя естество безсловесныхъ? Какія паничи у врановъ, какія житницы у орловъ? Не одна ли у всѣхъ снабдительница жизни — Божія воля, которою все содержится? Волкъ, или осель, или другое какое безсловесное, неучась, отъ природы имѣютъ любомудріе, и хорошо располагаютъ настоящимъ; о томъ же, что будетъ послѣ, нѣтъ у нихъ никакой заботы».

Ужели мы имѣемъ нужду въ совѣтникахъ, чтобы уразумѣть эту кратковременность и однодневность плотской жизни? Не вздумаемся тѣмъ, что бываетъ съ другими? Какъ не уцѣломудриваемся собственной своею жизнью? Что было пользы отъ большаго заготов-

ленія тому богачу, который обольщалъ себя неосуществимыми надеждами, разорялъ, строилъ, собиралъ, роскошествовалъ, чего достало бы на многіе годы, то въ суетѣ надеждъ зашпралъ въ житницы? Не одна ли ночь обличила всю эту мечтательность надежды, какъ суетное пѣкочее сновидѣніе о чемъ-то нестоющемъ вниманія? Жизнь тѣлесная ограничивается однимъ настоящимъ; а жизнь, предоставляемая надеждѣ, есть собственность души. Но человѣческое неразуміе погрѣшаетъ въ употребленіи той и другой, думая тѣлесную жизнь продлить надеждами, а жизнь душевную тратя въ наслажденіяхъ настоящимъ. Посему-то душа, занимаясь видимымъ, по необходимости дѣлается чуждою надежды существенной и дѣйствительной, но надеждѣ опираясь на непрочное, и симъ не овладѣваетъ, и чего надѣялась, того не имѣеть.

Посему научимся изъ настоящаго совѣта, чего надлежитъ просить сего дня, и чего въ послѣдствіи. Хлѣбъ — сегодняшняя потребность; а царствіе — уповаемое блаженство. Сказавъ же о хлѣбѣ, Писаніе разумѣеть подъ симъ всякую тѣлесную потребность. Если сего станемъ просить, уму молящагося будетъ явно, что забота его объ однодневномъ. Если же просимъ чего либо изъ душевныхъ благъ, то явно, что прошеніе имѣеть въ виду всегда пребываю-

шее и нескончаемое, на что Господь и повелѣваетъ намъ взирающе молящимся, какъ на важнѣйшее, удовлетворяющее и первой потребности. *Просите, говоритъ Онъ, царствія и правды, и сія вся приложатся вамъ* (Матѣ. 6, 33.) о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ. Ему слава и держава во вѣки вѣковъ! Аминь.

С Л О В О 5-е.

Остави намъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникомъ нашимъ; и не введи насъ въ искушенье, но избави насъ отъ лукаваго (Матѣ. 6, 12. 13.).

Слово, простираясь впередъ, вошло на самый верхъ добродѣтели. Ибо словами молитвы изображаетъ, какимъ, по его требованію, долженъ быть приступающій къ Богу; показываетъ, что онъ уже вишь предѣловъ естества человѣческаго, и уподобляется по добродѣтели Самому Богу; такъ что дѣлая то, что свойственно дѣлать одному Богу, по видимому, и самъ дѣлается вторымъ богомъ. Ибо оставленіе долговъ есть Божіе свойство, и свойство преимущественное, — сказано: никтоже *можетъ*

оставляти грѣхи, токмо единъ Богъ (Лук. 5. 21.). Посему, если кто въ жизни своей угодился отличительнымъ чертамъ Божія естества: то самъ иѣкоторымъ образомъ дѣлается тѣмъ же, съ кѣмъ сходство показалъ въ себѣ точнымъ угодленіемъ.

Итакъ чему же учить слово сіе? Во первыхъ съ дерзновеніемъ, на какое пріобрѣтено право предшествовавшей жизни, сознать въ себѣ угодленіе Богу, и тогда уже осмѣлится называть Бога Отцемъ своимъ и просить прощенія въ прежнихъ прегрѣшеніяхъ; потому что не всякому просящему возможно получить то, чего желаетъ, но тому, кто дѣлами пріобрѣлъ себѣ право просить (д) съ дерзновеніемъ. Ибо сіе прямо внушаетъ намъ Господь въ настоящемъ изреченіи, а именно: приступая къ благодѣтелю будь самъ благодѣтелемъ; приступая къ доброму, будь добрымъ; приступая къ правдивому, будь правдивымъ; приступая къ терпѣливому, будь терпѣливымъ; приступая къ человѣколюбивому, будь человѣколюбивымъ; а также будь и всѣмъ инымъ, приступая къ добросердому, къ благосклонному, къ общительному въ благахъ, къ милующему

(д) Сіе мѣсто переведено по рукописи и по изданію Элера.

всякаго, и если еще что усматривается божественнаго, во всемъ этомъ уподобляясь произволеніемъ, пріобрѣтай тѣмъ себѣ дерзновеніе на молитву. Посему, какъ не возможно лукавому освоиться съ добрымъ, и покрытому нечистыми сквернами имѣть общеніе съ чистымъ и несквернымъ: такъ приступающаго къ Божію человѣколюбію отлучаетъ отъ онаго жестокосердіе. Посему, кто за долги держитъ человѣка въ своей власти, и обходится съ нимъ жестоко, тотъ нравомъ своимъ устранилъ себя отъ Божія человѣколюбія. Ибо какое общеніе у человѣколюбія съ звѣрствомъ, у любвеобильнаго расположенія съ свирѣпностію, и у всего прочаго, что по противоположности злу представляется принадлежащимъ противной сторонѣ, и въ такомъ непримиримомъ ему сопротивленіи, что преданный одному необходимо удаленъ отъ противоположнаго? Какъ сдѣлавшійся добычею смерти уже не живъ, и наслаждающійся жизнью удаленъ отъ смерти: такъ приступающему къ Божію человѣколюбію совершенно необходимо быть чуждымъ всякой жестокости. А кто содѣлался чуждымъ всего разумѣемаго подъ именемъ порока, тотъ нѣкоторымъ образомъ по такому праву дѣлается Богомъ, доводя до пресѣнанія въ себѣ то, что разумъ признаетъ и о Божественномъ естествѣ.

Видишь, до какого величія Господь возвы-

шаетъ слушателей словами сей молитвы, предлагая пѣкоторымъ образомъ естество человеческое въ божественное, и узаконяя, чтобы пристунающіе къ Богу сами дѣлались богами? «Для чего», говоритъ Онъ, «ты, поражаемый страхомъ; бичуемый своею совѣстію, работѣнно приходишь къ Богу? Для чего самъ себя заграждаешь дерзновеніе, заключенное въ свободѣ души и изъ начала существовашию принадлежащее естеству? Для чего льстишь словами Необольстимому? Для чего съ услужливыми и угодливыми рѣчами обращаешься къ Тому, Кто взираетъ на дѣла? Тебѣ, одаренному свободою и благоразуміемъ, можно со властію имѣть всякое благо, какое только дается отъ Бога. Будь самъ себя судією. Произнеси себя снасительный приговоръ. Желаетъ, чтобы отпущены были тебѣ Богомъ долги? отпусти самъ; Богъ изрекъ приговоръ; твой судъ надъ соплеменникомъ, въ которомъ ты властенъ, каковъ бы то ни былъ, есть и твой приговоръ. Что самъ о себѣ знаешь, то подтверждено о тебѣ и Божиимъ судомъ».

Но какъ достойнымъ образомъ раскроетъ кто все величіе Божія слова? Заключающаяся въ немъ мысль превосходитъ словесное истолкованіе. *Остави нахъ долги наша, якоже и мы оставляемъ должникоуъ нашимъ.* Ту мысль, какая мнѣ приходитъ при семъ на умъ, смѣло

и держать въ умѣ, а еще смѣлѣе раскрыть ее въ словѣ. Ибо что сказано? Какъ преуспѣвающимъ въ добрѣ представляется въ подражаніе Богъ, по словамъ Апостола: *подражатели лишь бывайте, якоже и азъ Христу* (1 Кор. 11, 1.): такъ наоборотъ требуется, чтобы твое расположеніе къ добру стало образцомъ для Бога; измѣняется пѣкоторымъ образомъ порядокъ, и мы осмѣливаемся надѣяться, что, какъ въ насъ подражаніемъ Богу совершается доброе, такъ и Богъ будетъ подражать нашимъ дѣламъ, когда преуспѣемъ въ чемъ либо добромъ, и ты можешь сказать Богу: «что сдѣлалъ я, сдѣлай и Ты; подражай рабу своему Ты, Господь, убогому и нищему Ты, царствующій надъ всѣмъ; я отпустилъ долги, не взыскивай и Ты! Я уважилъ просителя, не отвергни и Ты просящаго (е)! Я отпустилъ должника своего веселымъ, таковъ пусть будетъ и Твой должникъ! Не дѣлай, чтобы Твой былъ грустиѣе моего! Пусть оба равно благодарятъ оказавшихъ милость (ж)! Пусть посредниками обоихъ подтверждено будетъ равное отпущеніе и моему и Твоему должнику! Моимъ должникомъ такой-то, а Твоимъ я; какое рѣшеніе дамъ я о своемъ должникѣ, такое же да возымѣеть

(е) Рѣчь доволена по рукописи и по изданію Элера.

(ж) Въ рук. вмѣсто: *ταῖς ἀχριστοῖσι*, читается: *τοῖς χριστοῖσι*.

силу и у Тебя; я разрѣшилъ, разрѣши и Ты!
 Я отпустилъ, отпусти, и Ты! Я великую милость оказалъ соотечественнику; подражай и Ты.
 Господи, человеколюбію раба Твоего».

«Но мои прегрѣшенія предъ Тобою тяжелѣе сдѣланныхъ предо мною моимъ должникомъ. Признаю это и я; разсуди и то, сколько преимуществуешь Ты во всякомъ добрѣ. Тебѣ справедливо, намъ согрѣшившимъ даровать милость, соразмѣрную прензбытку Твоего могущества. Малое человеколюбіе оказалъ я; потому что большаго не вмѣщаетъ природа моя; а Ты сколько ни пожелаешь, могущество не воспренятствуетъ щедродаровитости Твоей».

Но съ большею тщательностію выразумѣемъ подлежащее изреченіе молитвы; разсмотримъ смысла его, можетъ быть и для насъ послужить нѣкимъ руководствомъ къ высокой жизни. Потому изслѣдуемъ, какіе тѣ долги, которымъ повинно естество человеческое, и еще какіе тѣ долги, отпущеніе которыхъ въ нашей власти; познаніе сего доставить намъ достаточное нѣкое уразумѣніе прензбыточества Божіихъ благъ. А посему, сдѣлаемъ здѣсь перечисленіе человеческихъ прегрѣшеній предъ Богомъ. Человѣкъ сталъ подлежать наказанію отъ Бога во первыхъ за то, что отступилъ отъ

Сотворшаго, и переданъ противнику, содѣлавшись бѣглецомъ и отступникомъ отъ Того, Кто его Владыка по естеству, во вторыхъ за то, что самовластную свободу промѣнялъ на лукавое рабство грѣху, и быть подъ самоуправствомъ тлетворной силы предпочесть сопробыванію съ Богомъ. Да и это,—не взирать на красоту Создавшаго, а обратить лице къ гнусности грѣха, можно ли признать какимъ либо вторымъ изъ золъ? И какой родъ наказаній заслуживающими почётъ должно презрѣніе Божественныхъ благъ, предпочтеніе же приманокъ лукаваго? Заглаженіе образа, поврежденіе Божественныхъ чертъ, отпечатлѣнныхъ въ насъ при началѣ творенія, потеря драхмы, удаленіе отъ отчей трапезы, освоеніе съ зловопною жизнію (з) свиней, расточеніе драгоценнаго богатства, и всё подобныя прегрѣшенія, какія можно видѣть при помощи Писавія и разсудка, перечислитъ ли какое слово?

Итакъ, поелику родъ человѣческій за такія вины долженъ понести отъ Бога наказаніе: то мнѣ кажется, что поэтому слово Божіе ученіемъ, изложеннымъ въ молитвѣ, наставляетъ насъ, къ молитвенному собесѣдованію

(з) По рукописи: съ зловонными правдами свиней.

съ Богомъ, хотя бы кто изъ насъ и всѣмъ болѣе далеко былъ отъ человѣческихъ прегрѣшеній, никогда не пристунать съ такимъ дерзновеніемъ, какъ будто бы у него чистая совѣсть. Ибо иный, можетъ быть, подобно оному богатому юношѣ, образовавъ жизнь свою по заповѣдямъ, въ правѣ, какъ и тотъ, похвалиться своєю жизнію, и сказать Богу: *вся сія сохранихъ отъ юности моея* (Матѳ. 19, 20.), и даже предполагать о себѣ, что ему, какъ ни въ чемъ не погрѣшившему противъ заповѣдей крайне неприлично прошеніе объ оставленіи долговъ, пригодное однимъ согрѣшившимъ. Оскверненному блудомъ, скажетъ онъ, приличны такія слова, или за любостыжательность обвиняемому въ идолопоклонствѣ необходимо просить прошенія, и вообще всякому какимъ либо прегрѣшеніемъ уязвившему совѣсть души, прекрасно и сообразно съ нуждою прибѣгать къ милосердію. А если онъ Ілія великій, или дѣйствуетъ *духомъ и силою Ілїиною* (Лук. 1, 17.), или великъ *въ рожденныхъ женахъ* (Матѳ. 11, 11.), или Петръ, или Павелъ, или Іоаннъ, или другой кто изъ тѣхъ, чье превосходство засвидѣтельствовано божественнымъ Писаніемъ; то для чего употреблять подобныя реченія, которыми испрашивается оставленіе долговъ тому, на комъ нѣтъ никакого грѣмиваго долга? Для того, чтобы иный, имѣя въ виду что либо подобное, не впасть въ высоко-

мѣрие, подобно оному фарисею, познавшему и того, что онъ такое по естеству. (Ибо если бы зналъ, что онъ человѣкъ, то, конечно, естества своего не представлять чпстымъ отъ скверны научился бы изъ святаго Писанія, которое говоритъ: не найдешь у людей, чтобы жизнь одного дна могла быть безъ скверны (Іов. 14, 4. 5.)) Посему, чтобы у приступающаго съ молитвою къ Богу не произошло чего подобнаго съ душою, слово Божіе заповѣдуетъ не смотрѣть на преспѣянія, но приводить себя на память общіе долги человѣческаго естества, въ которыхъ всякій, безъ сомнѣнія, и самъ участвуетъ, какъ участвующій въ естествѣ, и умоляетъ Судію, чтобы даровалъ прощеніе прегрѣшеній.

Ибо такъ какъ живетъ въ насъ Адамъ, и каждый изъ насъ—человѣкъ: то, пока видимъ на естествѣ своемъ кожаные эти хитоны, и скоро увядающіе листья вещественной этой жизни, которыя, обнажившись отъ вѣчныхъ и свѣтлыхъ ризъ, сшили мы себя ко вреду своему, вмѣсто Божественныхъ одеждъ облекши себя въ забавы, славу, одводневныя почести, убійственныя услажденія плоти, — и пока взираемъ на это плотское мѣстопробываніе, на которомъ осуждены мы обитать: какъ скоро обращаемся къ востоку (не потому только, что тамъ видимъ для насъ Богъ, Который,

какъ вездѣсущій не объемлется никакимъ исключительно мѣстомъ, но все равно содержитъ, а потому, что на востокѣ первоначальное наше отечество, разумѣю же пребываніе въ раю, изъ котораго мы изгнаны (*насади Богъ рай во Едеиль на востоцѣхъ* (Быт. 2, 8.)); посему, какъ скоро обращаемъ взоръ на востокъ, и мысленно приводимъ себѣ на память изгнаніе изъ свѣтлыхъ и восточныхъ странъ блаженства, справедливо тогда присовокупляемъ сіи реченія и мы, отѣняемые недоброю смоковницею жизни, отверженные отъ очей Божіихъ, самовольно предавшіеся змію, который ѣстъ землю, и по землѣ ползаетъ; ходитъ на персяхъ и на чревѣ своемъ, и намъ совѣтуетъ дѣлать тоже, — предаваться земнымъ наслажденіямъ, по землѣ пресмыкающимся и влачащимся мыслями занимать свое сердце и ходить на чревѣ, то есть, заботиться о жизни снотливой; посему въ этомъ находясь состояніи, подобно оному блудному сыну, послѣ долгаго бѣдствованія, въ какомъ пребывалъ, насъ евиной, какъ скоро приходимъ, какъ и онъ, въ себя, и приводимъ себѣ на мысль небснаго Отца, тогда прекрасно пользуемся таковыми реченіями: *остави намъ доли наша* (п).

(п) Все сіе отдѣленіе не читается въ рукописи.

Посему, хотя бы кто былъ Моисеемъ и Самуиломъ, и другимъ кѣмъ изъ прославившихся добродѣтелию, тѣмъ не менѣе, поволнку онъ человѣкъ, почитаетъ для себя приличными слова сн, какъ причастный Адамова естества, участникъ и его паденія. Поселку, какъ говоритъ Апостоль, *о Адамъ вси умриемъ* (1 Кор. 15. 22.): то изреченію, какое прилично Адаму при покаяніи, надлежитъ быть общимъ для всѣхъ съ нимъ умершихъ, чтобы, намъ, при дарованіи прощенія прегрѣшеній, снова, какъ говоритъ Апостоль, спаслись благодатию Господнею (Еф. 2, 5.). Но сіе сказано, чтобы ный при взглядѣ на болѣе общее, могъ уразумѣть предлагаемое въ словѣ. Если же кто будетъ нехать нетипнаго смысла въ семъ изреченіи; то, думаю, не потребуется отъ насъ возводить понятіе къ общему взгляду на естество; потому что достаточно совѣсти, чтобы въ разсужденіи каждаго поступка въ жизни содѣлать необходимымъ прошеніе о помилованіи.

Поселку въ этомъ мірѣ жизнь наша, какъ думаю, подлежитъ многообразнымъ вліяніямъ, какъ по душѣ и разумѣнію, такъ и по чувствамъ тѣлеснымъ; то трудно, или и совершенно невозможно, не увлечься ко грѣху хотя одною какою либо страстію. Напримѣръ, эта любящая наслажденія жизнь относительно къ

тѣлу дѣлится по нашимъ чувствамъ, а относительно къ душѣ оказываетъ себя въ стремленіи разума и въ движеніи произвола: кто же столько возвышенъ и одаренъ такимъ благо-разуміемъ, чтобы по той и другой жизни избыть ему всякой скверны порока? Кто безгрѣшенъ окомъ? Кто невиненъ слухомъ? Кто чуждъ этого скотскаго услажденія гортани? Кто чистъ отъ прикосновенія ко грѣху осязаніемъ? Кому неизвѣстна эта предлагаемая Писаніемъ загадка: *взыде смерть сквозь окна* (Іер. 9, 21.)? Ибо чувства, посредствомъ которыхъ сообщаясь съ виѣшними предметами, душа по выбору занимается ими, Писаніе назвало окнами, которыя, по слову же Писанія, и пролагаютъ путь для входа смерти. Дѣйствительно многихъ смертей входомъ дѣлается часто глазъ, видитъ онъ раздраженнаго, и самъ возбуждается къ той же страсти; или видитъ благоденствующаго не по достоинству, и воспаляется завистію; или видитъ горделиваго, и впадаетъ въ ненависть; или видитъ какое либо доброцвѣтное вещество, красивое расположеніе лица, и всецѣло поползаетъ въ вождельніе нравящагося. И ухо отворяетъ окна смерти, вмѣстѣ съ тѣмъ, что слышитъ принимаетъ въ душу многія страсти: страхъ, печаль, раздраженіе, удовольствіе, вождельніе, неумѣренный смѣхъ и тому подобное. А услажденіе вкуса, какъ скажетъ пшій, есть мать всѣхъ по

порядку золь. Ибо кому не извѣстно, что корнемъ почти погрѣшностей въ жизни служитъ заботливость о гортани? Отъ нея зависятъ роскошь, пиянство, чревоугодіе, безпорядочное поведеніе, многояденіе, пресыщеніе, разгульная жизнь, скотское и неразумное наденіе въ страсти безчестія. Подобнымъ образомъ чувство осязанія составляетъ крайній предѣлъ всѣхъ согрѣшеній; все, что ни дѣлается для тѣла сластолюбцами, принадлежитъ къ числу недуговъ осязательнаго ощущенія, подробное описаніе которыхъ было бы продолжительно: да и неприлично къ предметамъ важнымъ примѣшивать все то, что служитъ въ укоризну осязанію. А весь рой погрѣшностей души и произвола въ состояніи ли и нечислится какое слово? Сказано: *изнутри исходятъ помысленія злая* (Матѳ. 15, 19.), и присовокупленъ списокъ оскверняющаго насъ помысломъ. Итакъ, если повсюду распростерты намъ ярежи грѣховъ всѣми чувствилищами и сердечными движеніями души, то *кто похвалится, какъ говоритъ Премудрость, чисто ильти сердце* (Притч. 20, 9)? *Кто чистъ отъ скверны?* какъ о подобномъ сему свидѣтельствуеть Іовъ (Іов. 14, 4.). А скверна для душевной чистоты есть удовольствіе, во многихъ видахъ и многими способами примѣшиваемое къ человѣческой жизни и душою и тѣломъ, помысленіями и чувствами, намѣренными движеніями и тѣ-

лесными дѣйствіями. И такъ у кого душа чиста отъ этой скверны? Кто не былъ пораженъ кичливостію? Кто не поправъ ногою гордыни? Кого не поколебала рука грѣшная? Чья нога не посѣщала къ пороку? Кого не оскверняло безчищенное око, не ввергалъ въ нечистоту невѣжественный слухъ, не занималъ собою вкусъ? У кого сердце оставалось бездѣйственнымъ для суетныхъ движеній?

Послику въ насъ есть все это, и въ живущихъ скотски весьма дурно и несносно, въ болѣе же внимательныхъ къ себѣ споспѣе, но все, кто одного съ нами естества, всегда непремѣнно участвуютъ въ погрѣшностяхъ естества; то, припадая въ молитвѣ къ Богу, просимъ поэтому оставить намъ долги. Но не пріемлется (i) таковой гласъ, и не достигаетъ Божественнаго слуха, если не вопіеть вмѣстѣ и наша совѣсть, что оказанное милостію дѣлится съ другими—прекрасное дѣло. Ибо кто разсуждаетъ, что челоуѣколюбіе прилично Богу (а если бы не признавалъ приличнымъ, не сталъ бы просить у Бога неприличнаго и несообразнаго), отъ того справедливость требуетъ, собственными своими дѣлами подтвердить сужденіе о прекрасномъ дѣлѣ, чтобы самому не услышать отъ праведнаго Судии:

(i) По рукоп. вѣдето: *ἀπραγτος* читается: *ἀπαραδίκτητος*.

*«врачу, исцѣлися самъ. Меня умоляешь о чело-
вѣколюбіи, которымъ не дѣлишься ты съ ближ-
ними. Просишь объ оставленіи долговъ; по-
чему же самъ мучишь должника? Умоляешь,
чтобы рукописаніе на тебя было изглажено,
а самъ тщательно хранишь договоры съ за-
нявшими у тебя въ долгъ? Просишь объ умень-
шеніи счета долговъ, а самъ данное въ долгъ
приращаешь лихвою? Твой должникъ въ тем-
ницѣ, а ты въ молитвенномъ домѣ? Онъ стра-
даетъ за долги, а ты испрашиваешь оставле-
ніа долга? Твоя молитва не услышана, потому
что заглушаетъ ее голосъ страждущаго. Если
разрѣшишь тѣлесный долгъ, разрѣшены бу-
дутъ тебѣ душевныя узы. Если простишь,
прощено будетъ и тебѣ; самъ будешь своимъ
судіею, самъ себѣ предпишешь законъ, рас-
положеніемъ къ лежащему у ногъ твоихъ
произносая свыше приговоръ о себѣ».*

Чему-то подобному, кажется мнѣ, учить Го-
сподь въ другомъ словѣ, въ видѣ повѣствова-
ніа предлагая сіе ученіе. По сему повѣство-
ванію иѣкій гдѣ-то царь грозно предсѣдатель-
ствуетъ на судѣ, и призываетъ къ себѣ слу-
жителей, собираетъ свѣдѣнія о каждомъ ихъ
распоряженіи. Приводятъ къ нему одного
должника, и царь оказываетъ ему челоуѣколю-
біе; потому что должникъ, принавъ къ его
погамъ, вмѣсто денегъ въ уплату представилъ
просьбу; и онъ-то потомъ съ подобнымъ ему

рабомъ за небольшой долгъ поступаетъ жестоко и безчеловѣчно, и прогнѣваетъ царя своимъ безчеловѣчіемъ къ подобному себѣ рабу. Царь повелѣлъ исполнителямъ казни совершенно изгнать его изъ царскаго дома, и продлить мученіе до того времени, какъ вытерпитъ достойное вины наказаніе. И дѣйствительно, что значать нѣсколько ничего не стоящихъ и легко сосчитываемыхъ олововъ въ сравненіи съ тѣмами талантовъ; то и долги намъ братіи нашихъ въ сравненіи съ нашими прегрѣшеніями, предъ Богомъ. Во вредъ тебѣ, конечно, служить, или нанесенная кѣмъ нибудь обида, или порочность служителя, или злый умыслъ на тѣлесную жизнь; и ты въ воспламененіи сердца раздраженъ къ отмщенію за это, отыскиваешь всѣ возможныя средства къ наказанію огорчившихъ тебя.

И если раздраженіе воспламенено на служителя; не разсуждаешь, что не природою, но властолюбіемъ раздѣленъ родъ человѣчскій на рабовъ и господъ. Ибо Домоправитель вселенной узаконилъ одному безсловесному существу быть въ рабствѣ у человѣка, какъ говоритъ Пророкъ: *вси покорилъ еси подъ нозъ его: овцы и волы вся, еще же и скоты польскія, птицы и рыбы морскія* (Иса. 8, 7—9.) (к). Ихъ

(к) Такъ читается текстъ по рукописи.

называетъ Пророкъ и служебными. такъ какъ сказано въ другомъ мѣстѣ пророчества: *Давшему скотомъ пищу ихъ, и златъ на службу челоуькомъ* (Иса. 147, 8. 9.). Человѣка же украсилъ Богъ даромъ свободы, такъ что поработенный тебѣ обычаемъ и закономъ по достоинству естества имѣетъ равенство съ тобою. Не отъ тебя получилъ онъ бытiе, не тобою живетъ, не отъ тебя заимствуетъ тѣлесныя и душевныя силы. Почему же столько воскинаетъ на него раздраженiе твое, если онъ полюбилъся, или оставилъ тебя, или, можетъ быть, и въ глаза тебѣ оказалъ пренебреженiе? Должно тебѣ посмотреть на себя самаго каковъ ты бывалъ предъ Владыкою, Который сотворилъ тебя, ввелъ въ мiръ посредствомъ рожденiя, сдѣлалъ тебя причастникомъ этихъ чудесъ въ мiрѣ, въ наслажденiе тебѣ предложилъ солнце, даровалъ всѣ средства къ жизни изъ стихiй, изъ земли, изъ огня, изъ воздуха, изъ воды, снабдилъ тебя даромъ разумнiя, впечатлительнымъ чувствомъ, знанiемъ различающихъ доброе и худое? И чтоже? Ты развѣ послушенъ такому Владыкѣ, и не упоренъ противъ Него? развѣ не отступилъ отъ Его владычества? развѣ не бѣжалъ ко грѣху? развѣ не обмѣнилъ благаго владычества на лукавое? Развѣ, сколько отъ тебя это зависѣло, не оставилъ пустымъ Владычнiго дома, оставивъ то, что заповѣдано тебѣ было *дѣлати и хра-*

нити (Быт. 2, 15.)? И не при вездѣсущемъ ли всевидящемъ свидѣтелѣ Богѣ, или совершаешь печаленныя прегрѣшенія, или говоришь, или думаешь, чего не должно? И потому, когда ты таковъ и столькими обремененъ долгами: почитася ли за нѣчто великое, оказать милость подобному себѣ рабу тѣмъ, что оставишь безъ вниманія какое нибудь его предъ тобой прегрѣшеніе?

Поэтому, если намѣреваемся принести Богу моленіе о милости и прощеніи, то приуготовимъ дерзновеніе совѣсти, представимъ жизнь свою ходатайницею за произносимую молитву, чтобы воистинну можно было сказать: *яко и мы оставили должникомъ нашимъ.*

Что значитъ за сямъ присовокупляемое къ сказанному? Почитаю необходимымъ не оставить и сего безъ разсмотрѣнія, чтобы, зная, кому молимся, приносить моленіе душою, а не тѣломъ. *Не введи насъ въ напасть (1), но избави насъ отъ лукаваго* (Матѣ. 16, 13.). Какая, братія, сила сказаннаго? Господь, кажется мнѣ, многообразно и различно именуется злаго по разности лукавыхъ силъ, пазывая его многими именами: діаволомъ (Матѣ. 13, 39.), Всельзвучомъ (Матѣ. 10, 25.), мамоною (Матѣ. 6, 24.), княземъ міра (Іоани. 14, 30.), человекѣ-

(1) *Изъ пирисиды*: во искушеніе.

убійцею (Іоанн. 8. 44.), лукавымъ, отцемъ жи (Іоан. 8, 44.) и другими подобными именами. Посему, можетъ быть, однимъ изъ разумѣмыхъ о немъ именъ есть и это: *напасть*. И такую нашу догадку подтверждаетъ словосочиненіе въ сказанномъ; ибо Господь послѣ словъ: *не введи насъ въ напасть*, присовокупляетъ прошеніе объ избавленіи отъ лукаваго, какъ будто тѣмъ и другимъ означается одинъ и тотъ же. Если, кто не входитъ *въ напасть*, тотъ непременно въ власти лукаваго; и кто *въ напасть*, тотъ необходимо бываетъ во власти лукаваго: то слѣдуетъ, что *напасть* и *лукавый* по значенію одно и тоже. Что же внушаетъ намъ такое ученіе молитвы? — Стать внѣ усматриваемаго въ мірѣ семъ, какъ говоритъ ученикамъ въ другомъ мѣстѣ, что *міръ весь во зль лежитъ* (1 Іоанн. 5, 19.). Посему, кто желаетъ стать внѣ власти лукаваго, тотъ по необходимости преселяется изъ міра. Ибо *напасть* не имѣетъ возможности коснуться души, если мірскую эту заботу, подобно какой-то приманкѣ, возложивъ на коварную уду, не простретъ къ жаднымъ. Но гораздо болѣе ясною для насъ сдѣлается мысль сія изъ другихъ примѣровъ. Море перѣдко бываетъ страшно своими волненіями, но не для тѣхъ, которые живутъ отъ него вдали. Огонь истребительнъ, но только для подожженаго въ огонь вещества. Война ужасна, но для однихъ вступив-

шихъ въ воинскіе ряды. Кто избѣгаетъ бѣдствій, какія постигаютъ на войнѣ, тотъ молится, чтобы не впасть въ необходимость воевать. Кто боится огня, тотъ молится, чтобы не быть ему въ огнѣ. Кто трепещетъ моря, тотъ молится, чтобы небыло ему нужды пуститься въ мореплаваніе. Такъ и тотъ, кто страшится прираженій лукаваго, пусть молится, чтобы не быть ему во власти лукаваго. А поелюку, какъ сказали мы прежде, по слову Писанія *жръ во зль лежитъ*, и въ мірскихъ дѣлахъ заключаются поводы къ *напастямъ*: то молящійся объ избавленіи отъ лукаваго хорошо и надлежащимъ поступаетъ образомъ, когда просить, чтобы не придти ему въ *напасть*. Ибо, не повлекши съ жадностію приманку, не возможно кому либо поглотить крючекъ на удѣ.

Но и мы воставъ скажемъ Богу: *не введи насъ въ напасть*, то есть, въ бѣдствіе, настоящей жизни, *но избави насъ отъ лукаваго*, пріобрѣтшаго силу въ этомъ мірѣ, котораго да избавимся и мы по благодати Христа, потому что Его и сила и слава со Отцемъ и всесвятымъ и благимъ и животворящимъ Духомъ во вѣки вѣковъ (м). Аминь.

(м) Славословіе переведено по рукописи.

О П Е Ч А Т К И.

Напечатано:

Должно читать:

СТРАН. СТРОК.

12	4	сп. вбо	небо
35	6	св. исправленіемъ	истребленіемъ
70	1	— порядка. Если	порядка; если
71	15	— естество	естество
115	4	сп. измѣдываніа	измѣдыванія
116	5	св. не признають	не признаю
123	7	сп. языкомъ	языкомъ
131	12	св. она	опа
133	15	сп. упражняется	управляется
135	2	— одной	оной
151	15	св. возмѣженіе	возбужденіе
155	12	сп. не явно	не не явно
158	8	— по и не чистое	и не чистое
187	13	— не заключать	не заключаешь
222	4	св. съ которой	въ которой
234	11	— работали	работами
—	4	сп. жезлемъ	жезлами
—	12	— покой	покоя
238	3	св. надъ нимъ	подъ нимъ
250	8	сп. сталь	ставъ
259	2	св. вслѣдствіе	вслѣдствіе
261	7	сп. свойства	свойства
—	15	— безопасность	безопасность
277	10	св. полнаго	полною
—	1	сп. плева	плева и стѣблие

И

278	1 св.	служить	служать
285	2 сл.	пругами	пругами
292	1 св.	ваюшимь предлагаемому	предлагасмому
—	7 сл.	ясно	явно
296	5 сл.	были	быль
300	8 —	времени	времени
311	1 —	и показавъ	покажетъ
322	13 —	видѣліе	вицліе
327	1 —	принадлежить	принадлежатъ
376	6 —	киркеншой	киркешной
377	3 св.	содержащее	содержащееся
393	7 сл.	реченія	раченія
413	14 —	непричастно зависти	чисто отъ зависти
414	5 —	только избираеть	только, избравъ
421	3 —	жизнію.	жизнію?
422	9 —	лучше	лучшее
430	12 св.	Единому	единому
440	12 сл.	остаточнаго	достаточнаго
441	9 св.	самихъ	самомъ
445	13 —	а Ты	а Ты,
461	5 сл.	слышитъ	слышитъ,

СОДЕРЖАНИЕ

ТРИДЦАТЬ СЕДМАГО ТОМА

ТВОРЕНИЙ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ.

ТВОРЕНИЯ СВЯТАГО ГРИГОРІЯ НИССКАГО.

(ЧАСТЬ ПЕРВАЯ).

	Стран.
1. О шестодневѣ.....	1
2. Объ устроеніи чловѣка.....	76
3. О жвзни Моисея законодателя.....	223
4. О молитвѣ.....	380
